
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ДАТЕЛЬСТВО
РАВДА», МОСКВА
№ 49 ДЕКАБРЬ 1984

Москва, Кремль. 27 ноября 1984 года. Вторая сессия Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва. Совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

Во время приема. Фото Э. Песова и Ю. Лизунова (ТАСС)

ПРИЕМ К. У. ЧЕРНЕНКО Н. КИННОКА

26 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко встретился в Кремле с лидером лейбористской партии Великобритании Н. Кинноком.

Состоялся обмен мнениями по актуальным вопросам современной международной обстановки и англо-советских отношений.

К. У. Черненко подчеркнул, что в СССР по достоинству оценивают роль, которую лейбористская партия играет в политической жизни Великобритании. Советский Союз искренне желает иметь добрососедские отношения с Великобританией, сотрудничать с ней на основе равноправия и взаимной выгоды.

К. У. Черненко и Н. Киннок были согласны в том, что в ядерный век не провозглашение «крестовых походов» против государств с иной общественной системой, не «политика силы» и бессмысленная погоня за военным превосходством, не ядерный шантаж, а только принципы мирного сосуществования, равенства и одинаковой безопасности должны быть положены в основу международных отношений. Только опираясь на них, можно сохранить мир, уберечь планету от ядерной катастрофы.

Участники беседы согласились в том, что дальнейшее развитие обстановки во многом зависит от переизбранной администрации США, от того, действительно ли она готова наполнить свои миролюбивые заявления конкретным содержанием. С советской стороны было заявлено, что если это так, то за СССР дело не станет; он выступает за добрые отношения с США на честной, равноправной основе — и уж тем более за прекращение гонки вооружений и устранение угрозы ядерной войны.

Именно поэтому, сказал К. У. Черненко, Советский Союз обратился на днях к президенту Рейгану с предложением, чтобы СССР и США начали переговоры по всему комплексу взаимосвязанных вопросов о немилитаризации космоса, сокращении стратегических ядерных вооружений и ядерных средств средней дальности.

К. У. Черненко и Н. Киннок обменялись информацией о деятельности соответственно КПСС и лейбористской партии Великобритании.

Во встрече, прошедшей в дружественной атмосфере, приняли участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, кандидат в члены ЦК КПСС, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС А. С. Черняев, лейбористский «теневой» министр иностранных дел Д. Хили, помощник лидера лейбористской партии Ч. Кларк, директор канцелярии Р. Клементс, помощник Н. Киннока по связям с печатью П. Хьюетт, личный парламентский секретарь лидера лейбористов Д. Фостер.

БЕСЕДА К. У. ЧЕРНЕНКО С Ф. ЗИНОВАЦЕМ

27 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко принял в Кремле Федерального канцлера Австрийской Республики Ф. Зиноваца, находившегося в Советском Союзе с официальным визитом по приглашению Советского правительства.

К. У. Черненко и Ф. Зиновац дали высокую оценку состоянию отношений между СССР и Австрией. Они складываются плодотворно, проникнуты взаимным уважением и доверием. Здоровый политический климат позитивно сказывается и на деловых связях обеих стран в конкретных практических областях. Их сотрудничество носит ярко выраженный взаимовыгодный характер с должным учетом законных прав и интересов друг друга.

К. У. Черненко привлек внимание к недавней инициативе Советского Союза, на основе которой с администрацией США было достигнуто согласие вступить в новые переговоры, которые охватывали бы как вопрос о немилитаризации космоса, так и вопросы ядерных вооружений — и стратегических, и средней дальности. По всем этим направлениям, которые находятся во взаимосвязи, советская сторона готова искать самые радикальные решения, которые помогли бы продвинуться к полному запрещению, а в конечном итоге к ликвидации ядерного оружия.

Ф. Зиновац со своей стороны выразил глубокое удовлетворение в связи с намерением СССР и США вступить в переговоры по всему комплексу вопросов, касающихся ядерных и космических вооружений, и выразил надежду, что эти переговоры будут продуктивными.

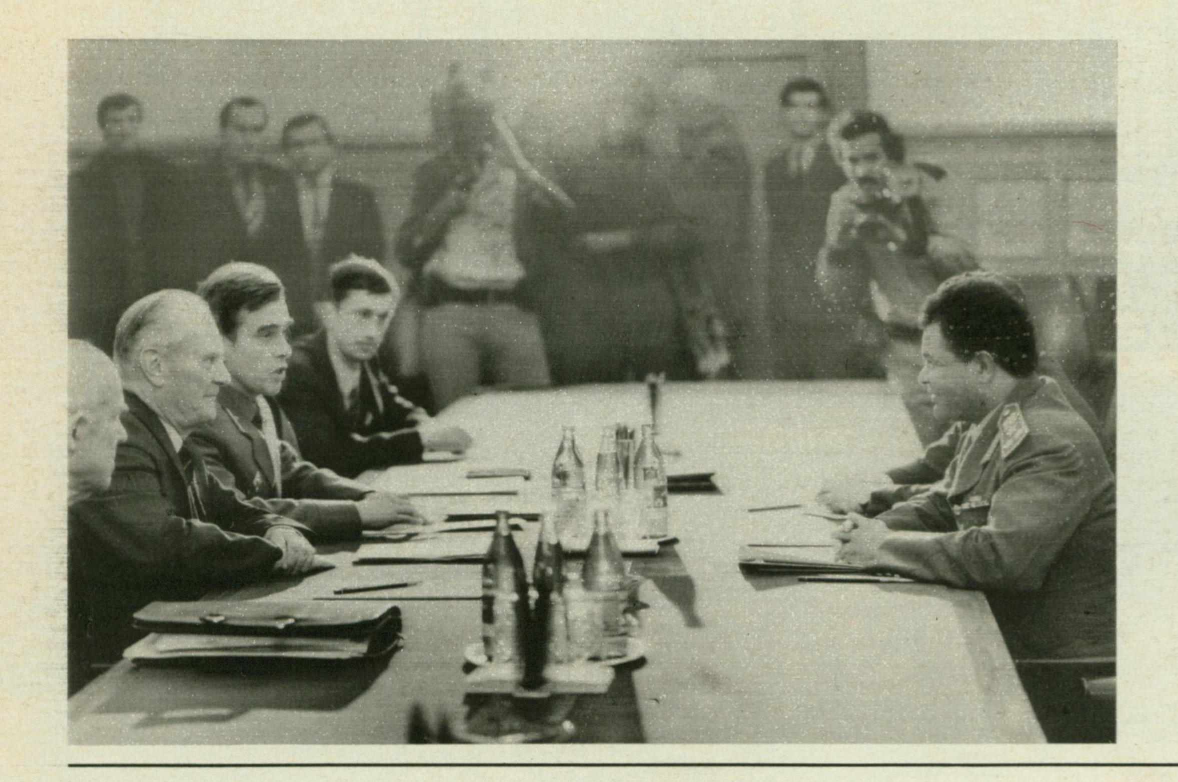
К. У. Черненко и Ф. Зиновац были едины в том, что долг всех государств, независимо от их размера, социального устройства, принадлежности к какому-либо союзу или группе неприсоединившихся и нейтральных государств, сделать все возможное, чтобы объединенными усилиями отстоять мир на планете, оздоровить политический климат, возродить атмосферу доверия в международных отношениях.

Беседа прошла в дружественном духе, характерном для советско-австрийских отношений.

Присутствовал помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров.

Во время беседы. Фото Э. Песова и Ю. Лизунова (ТАСС)

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

22 ноября Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов принял в Кремле находившегося в Москве члена Революционного руководства, главнокомандующего вооруженными силами Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии (СНЛАД) бригадира А. Ю. Джабера.

В ходе беседы, проходившей в дружественной обстановке, состоялся обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития советско-ливийских двусторонних отношений. Были обсуждены также некоторые международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

На снимке: во время беседы.

Фото Б. Христофорова (ТАСС)

ТОРЖЕСТВА В УЛАН-БАТОРЕ

По приглашению ЦК МНРП и правительства МНР для участия в мероприятиях, посвященных 60-летию III съезда МНРП и провозглашения Монгольской Народной Республики, 23 ноября из Москвы в Улан-Батор отбыла советская партийно-правительственная делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем МГК КПСС В. В. Гришиным.

В ее составе — член ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР З. Н. Нуриев, ткачиха Московского шелкового комбината имени П. П. Щербакова Герой Социалистического Труда М. Д. Полещук, посол СССР в МНР С. П. Павлов.

26 ноября в Улан-Баторе состоялось торжественное собрание представителей партийных, государственных, общественных организаций и трудящихся Монголии, посвященное 60-летию III съезда Монгольской народно-революционной партии и провозглашения МНР.

Продолжительными аплодисментами участники собрания встретили Генерального секретаря ЦК МНРП, Председателя Совета Министров МНР Ж. Батмунха, других партийных и государственных руководителей страны, советскую партийно-правительственную делегацию во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем МГК КПСС В. В. Гришиным.

С докладом выступил Ж. Батмунх.

Монголо-советскую дружбу, краеугольный камень которой заложили вождь мирового пролетариата В. И. Ленин и руководитель монгольской революции Д. Сухэ-Батор, мы ценим и крепим как наше великое революционное завоевание, подчеркнул он.

Затем выступил тепло встреченный участниками собрания В. В. Гришин.

Нас, советских людей, радует, как динамично крепнет экономический и духовный потенциал Монголии, сказал он, какие успехи достигнуты в совершенствовании новых общественных отношений, как принципиальная и последовательная внешняя политика республики способствует неуклонному росту международного авторитета вашего государства.

На снимке: во время посещения выставки, посвященной 60-летию III съезда МНРП и провозглашения МНР.

Телефото В. Будана (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 49 (2994)

1—8 ДЕКАБРЯ 1984

НАГРАДА РОДИНЫ ВРУЧЕНА

23 ноября состоялось торжественное заседание, посвященное вручению коллективу АПН награды Родины.

За заслуги в пропаганде внутренней и внешней политики КПСС и Советского государства, в информировании мировой общественности о достижениях советского народа агентство награждено орденом Трудового Красного Знамени.

С воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем К. У. Черненко.

Тепло встреченный собравшимися на заседании выступил секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин.

От имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Советского правительства он горячо поздравил работников Агентства печати Новости с высокой наградой, пожелал коллективу АПН новых успехов в труде на благо социалистического Отечества.

М. В. Зимянин огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР и под продолжительные аплодисменты собравшихся прикрепил орден к знамени АПН.

Участники торжественного заседания с подъемом приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу К. У. Черненко.

Встреча делегации с товарищем К. Фомвиханом 19 ноября во Вьентьяне.

ПРЕБЫВАНИЕ ДЕЛЕГАЦИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР В СРВ, ЛНДР И НРК

12 ноября в Ханой с официальным дружественным визитом по приглашению Национального собрания СРВ прибыла делегация Верховного Совета СССР во главе с депутатом Верховного Совета СССР, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС В. И. Долгих.

15 ноября в Хошимине Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан принял делегацию Верховного Совета СССР. Состоялась беседа, прошедшая в атмосфере братской дружбы, сердечной теплоты. В этот же день делегация Верховного Совета СССР осмотрела экспозицию мемориального музея Хо Ши Мина.

Делегация приняла участие в митинге по случаю начала строительства в Хошимине наземной станции космической связи «Лотос-2», которая будет сооружена при техническом содействии Советского Союза.

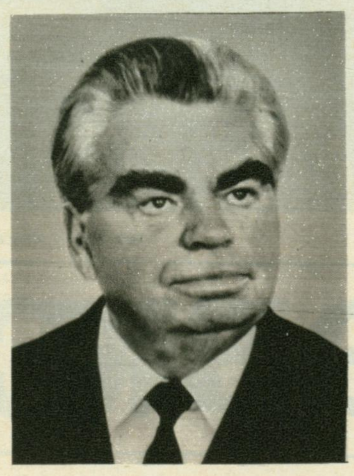
По приглашению Верховного Народного собрания Лаосской Народно-Демократической Республики с 17 по 20 ноября 1984 года в ЛНДР находилась с официальным дружественным визитом делегация Верховного Совета СССР во главе с В. И. Долгих.

Делегация была принята Генеральным секретарем ЦК НРПЛ, Председателем Совета Министров ЛНДР Кейсоном Фомвиханом и членом Политбюро ЦК НРПЛ, Президентом ЛНДР, Председателем Верховного Народного собрания ЛНДР Суфанувонгом. В ходе встреч состоялись беседы, проходившие в атмосфере дружбы, сердечности и полного единства взглядов.

С 20 по 22 ноября делегация Верховного Совета СССР во главе с В. И. Долгих находилась по приглашению Национального собрания Народной Республики Кампучии с официальным дружественным визитом в этой стране и была принята Генеральным секретарем ЦК Народно-революционной партии Кампучии, Председателем Государственного совета НРК Хенг Самрином.

Во время бесед, проходивших в атмосфере дружбы, сердечности и полного единства взглядов, состоялся обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития советско-кампучийских отношений, углубления сотрудничества между Верховным Советом СССР и Национальным собранием НРК. Были также рассмотрены некоторые актуальные международные проблемы, в том числе положение в Юго-Восточной Азии.

Алексей Федосеевич ВАТЧЕНКО

22 ноября 1984 г. после тяжелой болезни на 71-м году жизни скончался член ЦК КПСС, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР, Герой Социалистического Труда Алексей Федосеевич Ватченко.

А. Ф. Ватченко родился в 1914 году в селе Каменка Днепропетровской области в семье крестьянина. Окончил Днепропетровский государственный университет. Трудовую деятельность начал в 1938 году преподавателем средней школы. В годы Великой Отечественной войны принимал участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками, был тяжело ранен. После демобилизации работал в органах народного образования. С 1948 года находился на партийной работе. Был вторым, первым секретарем райкома партии, заведующим отделом, секретарем, вторым секретарем Днепропетровского обкома партии. В течение 17 лет работал первым секретарем Хмельницкого, Черкасского и Днепропетровского обкомов Компартии Украины.

В 1976 году А. Ф. Ватченко избирается Председателем Президиума Верховного Совета Украинской ССР, заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

На всех постах, которые поручала ему партия, А. Ф. Ватченко отдавал все свои силы, знания и опыт подъему экономики и культуры Советской Украины, росту благосостояния трудящихся республики, беззаветному служению делу Коммунистической партии, социалистической Родине. Его отличали высокая принципиальность, требовательность, большое трудолюбие, внимание к людям. Он пользовался уважением и авторитетом у коммунистов, всех трудящихся Украины.

А. Ф. Ватченко — член КПСС с 1940 года. На XXII съезде КПСС он избирался кандидатом в члены ЦК КПСС, а на XXIII и последующих съездах партии — членом Центрального Комитета КПСС. С 1966 года — член Политбюро ЦК Компартии Украины. Он был депутатом Верховного Совета СССР с шестого по одиннадцатый созывы, депутатом Верховного Совета Украинской ССР.

За большие заслуги перед партией и Советским государством А. Ф. Ватченко удостоен звания Героя Социалистического Труда. Награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, многими медалями.

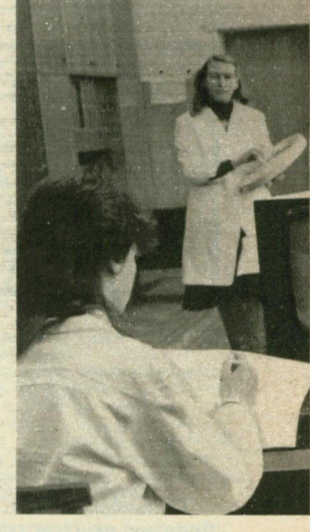
Светлая память об Алексее Федосеевиче Ватченко — верном сыне Коммунистической партии и советского народа, навсегда сохранится в наших сердцах.

К. У. Черненко, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, Т. Н. Ментешашвили, Л. Н. Толкунов, А. Э. Восс, И. А. Герасимов, Ю. Н. Ельченко, Е. В. Качаловский, Б. В. Качура, А. П. Ляшко, В. П. Миронов, И. А. Мозговой, В. А. Сологуб, А. А. Титаренко, В. Ф. Добрик, А. С. Капто, Ю. А. Коломиец, В. Д. Крючков, С. Н. Муха, Я. П. Погребняк, К. М. Сытник, В. С. Шевченко, Ю. Г. Бахтин, В. П. Щербина, А. Ф. Федоров, Н. Г. Хоменко, В. Г. Бойко, Т. Г. Лисовой, И. К. Лутак, Г. К. Крючков.

Автомагазин приехал...

◄ Обновка для Ольги Балацька.

К дисплеям тернопольские кооператоры уже привыкли.

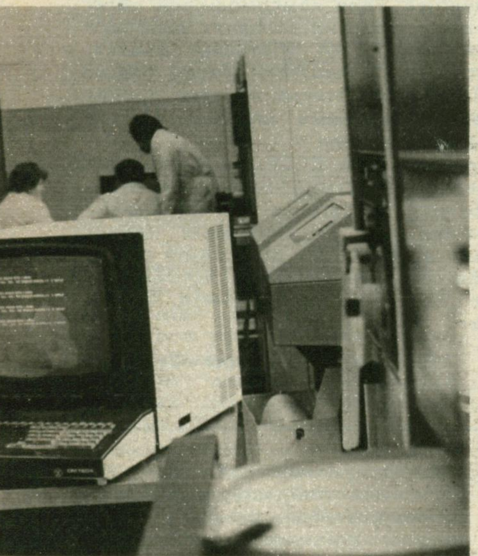
ЭВМ И ДЕРЕВЕН

К. БАРЫКИН,
фото И. ТУНКЕЛЯ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Через несколько дней в Москве откроется очередной, одиннадцатый съезд советской потребительской кооперации.

Кооперация сегодня — это около 60 миллионов пайщиков, более семи тысяч потребительских обществ, более трехсот тысяч магазинов; это современные рестораны, кафе, столовые, чайные; это заготовки сельскохозяйственных продуктов и сырья. Это сотни заводов и цехов по выпуску различной продукции. Значительна роль кооперации в повышении благосостояния советских людей...

И вычислительные машины стали деревенским товаром.

СКИЙ МАГАЗИН

С компьютером договориться не удавалось. Он не понимал слов «войди в мое положение». Дисплей высветил строку: «Не по графику». Поспоришь ли с машиной, которая все помнит? И приехавшие на базу явно смущены. Но возразить не могут. В четкой электронной памяти расписание отбора товара определено на много дней и недель вперед.

С той поры, как на оптовую базу Тернопольского облпотребсоюза поставили мощные вычислительные машины, а в торговые залы вывели настольные компьютеры, работать товароведам стало легче и... сложнее. В памяти ЭВМ весь товарный запас как на ладони. На магнитных дисках все до самой малой малости. Что где залежалось (много еще неходового товара), чего недостает, что потребуется завтра и даже через год? И выдаются на дисплей списки. Или, если нужно, электронная память печатает их на бумажном листе.

Все построено так, что с машиной (если перевести ее в режим диалога) можно и потолковать, вместе поискать варианты, узнать, в каком магазине запасы идут на убыль и, стало быть, надо спешно отправить контейнер с разной разностью; а в каком, напротив, на полках и на складах излишки.

Но обувные перебои так вот запросто не восполнишь. Еще вчера от обуви полки ломились. Но словно сговорились обувные предприятия, словно команду получили из Минлегпрома и стали мало поставлять товара, и притом дурного он качества. Из того, что пришло с Виноградовской обувной фабрики, она в Закарпатье, пришлось забраковать мужских ботинок на 74 тысячи рублей. Сапожки, сандалеты, рабочая обувь — не стыдно ли делать такое? Днепропетровское швейное объединение — чтобы в браке не отставать от обувщиков?— с непохвальной последовательностью шьет и шлет плохие пальто. Швейникам пришлось выставить штрафной счет за неряшливо сшитые костюмы.

— Но штраф на прилавок не выложишь, он костюма не заменит,— говорит директор базы Василий Петрович Гуцул.

Кооператоры стараются укреплять прямые связи с предприятиями, пишут, звонят, наведываются. Хвалят и поругивают, не очень, однако, нажимая: поставщик не любит, когда его — пусть и справедливо — ругают, поставщик может и обидеться. И непредсказуемы при этом его действия. Может «по ошибке» задержать товар, может прислать незаказанное, может еще что-то придумать. Его можно за это наказать... все тем же штрафом.

На базе — два оптовых покупателя. Приехали из дальних сельских магазинов. Остановились возле магнитофонов и радиоприемников. Хорошие есть аппараты, большой выбор. Однако... Попытались включить «Легенду-404».

Клавиши не поддавались. Наконец одолели.

— Шумит, как трактор,— замечает один.

— Зачем же ты трактор обижаешь?— с укоризной спрашивает другой.

Сейчас для торговли наступила сложная пора. Минуло время, когда любой товар шел, что называется, с колес. Ныне магазины полны: посуда, телевизоры, вычислительные, счетные машинки, фотоаппараты, ковры, хрусталь (до чего же любит промышленность выпускать дорогой хрусталь!), бытовая техника. Охотно покупают стиральные машины, они нужны, но не любые. Прислали «Вятку»-автомат. За год продали... одну машину.

После того, как поставили в Тернополе электронные системы, все огрехи, все плюсы и минусы самой торговли (и промышленности) выявились с отчетливостью. Здешняя электронная команда за короткое время может сделать полный анализ сиюминутного состояния всех товарных запасов, вычислить неходовые или, напротив, нужные изделия и отбить эти данные четкой сводкой. Идет она директору базы, поступает и в облпотребсоюз — тут держат руку на пульсе товарооборота, пока основного торгового показателя. А товарооборот пробуксовывает. План если и вытягивается, то с трудом. Покупатель стал разборчивее, требовательнее. Село следит за каждым изменением моды. Чуть что в модели не так, как полагается, и оседает она, не раскупается. Здешний покупатель установил, что иная зарубежная «фирма» — это прежде всего яркая этикетка. «А ярлык не греет»,— объяснил мне один из покупателей.

2 ДЕКАБРЯ 1975 ГОДА ПРОВОЗГЛАШЕНА ЛАОССКАЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ТХОНГЛЕН И ЕГО «СЫНОВЬЯ»

Евгений СОЛОВЬЕВ

Городок Мыангкхуа — административный центр провинции Пхонгсали — ступенями спускается по ущелью к реке. На «газике» поднялись мы по этой лестнице на самую вершину горы, где расположена небольшая одноэтажная гостиница. Вечером я отправился прогуляться по городку. Дверь одного из домов была открыта, и при свете яркой керосиновой лампы я увидел скромно убранную комнату, карту на стене. Мне как раз нужно было уточнить предстоящий маршрут, и я решился зайти. Хозяин, узнав, что я советский журналист, обрадовался.

— В наших краях советские люди пока еще очень редкие, но всегда желанные гости,— приветливо улыбаясь, говорит товарищ Нут.

На столе появилось скромное угощение — ароматный зеленый чай, который выращивают и сушат здесь же, в местных кооперативах, домашнее печенье и... целая сковорода еще горячих подсолнечных семечек, сразу напомнивших мне детство.

Мы разговорились. Я узнал, что товарищ Нут — коммунист с двадцатилетним стажем.

Родился он в 1940 году на севере Лаоса, в деревушке Лабак, в десять лет остался сиротой, батрачил. До пятнадцати лет не знал грамоты. Читать научился, когда в 1959 году пришел в партизанский отряд. Затем были годы борьбы с оружием в руках. Много раз, выполняя партийные поручения, пробирался в тыл врага для ведения агитационной работы среди крестьян, создания отрядов народного ополчения. За активное участие в освобождении Пхонгсали награжден революционными орденами. Еще в годы войны был избран в состав партийного комитета округа, вскоре стал секретарем парткома.

Сейчас товарищ Нут занимается вопросами экономического развития провинции. Он рассказывал о том, как создавались первые предприятия и кооперативы, строились первые школы и больницы. Сейчас здесь действуют небольшая швейная фабрика, кирпичный завод, кузница, рыбоводческое хозяйство. За годы народной власти в провинции были созданы и хорошо зарекомендовали себя более 160 кооперативов. В 1982 году одной из первых в стране провинция Пхонгсали полностью ликвидировала неграмотность.

На следующее утро, переправившись на пароме через реку Нам У на другой берег, мы попали в промышленную зону города Мыангкхуа. Большинство предприятий созданы здесь еще в годы войны, так как этот район был глубоким тылом партизанской зоны. Тогда многие из них находились в пещерах, в укрытиях, недоступных для американских бомб.

Директор кузнечного предприятия товарищ Кхамлек показал свое хозяйство.

— В первые послевоенные годы, когда с металлом было трудно,— рассказывает директор предприятия,— мы использовали корпуса неразорвавшихся американских бомб, контейнеры от шариковых бомб. Чего-чего, а этого смертоносного груза для нас не жалели. Подсчитано, что на каждого жителя Лаоса пришлось по тонне американских бомб. Вот и приходилось нам в буквальном смысле «перековывать мечи на орала».

После обеда меня пригласили в сельскохозяйственный кооператив в деревне Монгсаван, расположенный километрах в двадцати от города. Деревенька раскинулась в долине небольшой реки. Нет привычных заборов, дворов — все дома дружно стоят вместе, и только по околице они окружены огородами, где растут овощи, ананасы, бананы, а в небольших ставках плещется рыба. Этот кооператив со стажем. В старой партизанской зоне, куда входила и провинция Пхонгсали, социально-экономические преобразования были начаты еще в годы вооруженной борьбы. Сейчас это прочное, богатое хозяйство — один из тех кооперативов, которые, согласно линии Народно-революционной партии Лаоса, должны наглядно показать крестьянам преимущества коллективного труда.

На орошаемых полях здесь собирают более тридцати центнеров неочищенного риса с гектара; для Лаоса неплохой урожай. Выращивают кукурузу, батат, фрукты, собирают в лесу ценные смолы тропических деревьев, используемые в парфюмерной промышленности.

После осмотра полей товарищ Нут пригласил всех в свой дом. По лаосской деревенской традиции был подан «лао-хай» — в переводе «вино в кувшине». Это не только напиток, а целая церемония, которую организуют по торжественным случаям или в честь почетных гостей.

— Вы видели наше хозяйство, деревню. Не все еще у нас гладко,— говорит хозяин дома.— Но главное то, что благодаря объединению усилий мы смогли покончить с былой нуждой, полностью обеспечить себя продовольствием.

Таких людей я встречал повсюду в Лаосе.

Подполковник Тхонглен — начальник строительного полка, работающего на сооружении дороги № 9. Эта дорога, дающая республике выход к морскому побережью братского Вьетнама, порту Дананг,— главная стройка первой лаосской пятилетки. Тхонглен рано узнал, что такое война. С 1953 года воевал в партизанских отрядах, участвовал в крестьянском восстании в южных провинциях. Десятки городов прошел с освободительными боями. Он один из немногих оставшихся в живых свидетелей применения американцами химического оружия. Во время только одной химической атаки у деревни Лабу на его глазах погибло 15 мирных жителей...

Отгремела война, и партия назначила его руководителем строительного полка на важнейшем объекте пятилетки.

Невысокого роста, смуглый, седоватый, с внимательным, изучающим взглядом живых глаз, он рассказывал:

— Строительство идет ударными темпами, план выполняется, хотя есть, конечно, и серьезные проблемы. Очень сложная трасса, да и в хозяйственном механизме стройки пока не все отлажено. Задача нашей партийной организации не только строить дорогу, но и укреплять социалистические общественные отношения, воспитывать нового человека.

Я побывал в классах учебного центра, который готовит механизаторов для работы на дороге № 9. Ребята внимательно слушали каждое слово Тхонглена. Многих из них он сам привел в училище.

Училище ежегодно выпускает более трехсот шоферов, трактористов, механиков, которые работают не только здесь, в Саваннакете, но и в других провинциях страны.

Встречал я здесь и выпускников советских вузов и техникумов. В дорожно-строительной бригаде номер три их 19 человек — основной костяк коллектива, ядро комсомольской организации. В очень трудных условиях работают ребята: оторванность от «большой земли», сложная обстановка в округе — совсем рядом граница с Таиландом, откуда нередко проникают контрреволюционные элементы. Но никто не струсил, не сбежал.

— Нам, учившимся в СССР, не к лицу отступать перед трудностями,— сказал мне бульдозерист Бункет, выпускник белгородского профтехучилища № 17.— Передайте привет моим друзьям в Белгороде, расскажите о том, как мы работаем, как вечерами вспоминаем годы учебы в СССР. А еще передайте, что мы не подведем!

АПН — специально для «Огонька»

Пхонгсали — Вьентьян.

На помощь приходит электроника. Здесь установлен и селектор, аппараты которого позволяют быстро, без хлопот переговорить с любым районом, даже заочное совещание можно провести. А вот теперь вычислительный центр, автоматизированная система учета и движения товаров.

— Время — «товар» дорогой,— говорит председатель облпотребсоюза Богдан Емельянович Сорока.— И уценки на него не предвидится. Стремимся к тому, чтобы работать в одном ритме и темпе с теми, для кого трудимся,— с сельскими тружениками.

В штатах сельского торгового ведомства Тернопольщины появились новые должности: инженеры-программисты, электронщики, системные программисты, операторы ЭВМ, люди, которые держатся с компьютерами и запросто и с почтением. Директор вычислительного центра, выпускник математического факультета Ленинградского университета Михаил Яковлевич Дзыгало отмечает, и с ним согласны экономисты, что теперь появилась возможность более четкого управления движением товара до покупателя, правильнее разрабатываются заявки.

Вот небольшой пример. Экономисты как-то просчитали надобность в школьной форме и определили ее примерно в четыре тысячи детских костюмчиков. Но тут подоспела ЭВМ. Заложили в нее данные демографов, другие нужные сведения и получили довольно заметную поправку. Кому верить: машине, в торговле новичку, или опытному товароведу? Приняли все же машинные расчеты, заказали костюмов больше. Начался школьный сезон — убедились: электроника была права...

Кое-кто по привычке еще пытается электронные прогнозы и подсчеты перепроверить на счетах с костяшками, но никто уже не делает этого открыто: охота ли прослыть ретроградом?

Словом, компьютер работает на сельскую торговлю.

— К месту вспомнить одно ленинское положение,— замечает председатель облпотребсоюза.— Владимир Ильич говорил, что нужны не старые бюрократические средства, а учет торговых условий, точное их знание, умение быстро всякие изменения учитывать... Вот мы и пришли к выводу, что без современных средств сбора и обработки экономической информации проблемы не решить.

В Центросоюзе подсказали мысль о вычислительном центре, о компьютерах и видеотерминалах. В Украинском республиканском потребсоюзе, в областных организациях поддержали идею и помогли ее осуществить. Все нужные слова были сказаны. Оставалось дело. Сейчас и оно в основном сделано.

Электроникой кооператоры занимаются всерьез, с пониманием ее надобности. Но при этом тут не отказываются и от традиционных форм торговли. «Если продавец не ищет покупателя, это плохой продавец»,— услышал я от Б. Е. Сороки, а вскоре представилась возможность увидеть, что это такое — продавец ищет покупателя. В среду, точно по графику, в час, всем здешним известный, возле молочной фермы колхоза имени Горького остановилась машина. Это был автомагазин, в котором и продавцом и водителем много лет работает Михаил Антонович Почтарь, заслуженный работник торговли, опытный кооператор. Он привез прилавок прямо к рабочему месту покупателей, подгадал к обеденному перерыву. Одним выполнил сделанный прежде заказ, других приманивает новинкой, третьим рассказывает, что сможет захватить в следующий раз. Шапки, ботинки, покрывала, незатейливая парфюмерия — повседневный ассортимент.

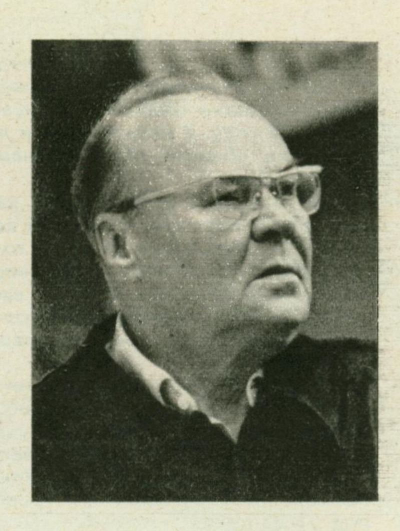
— Но нужный,— это говорит председатель колхоза Иосиф Иосифович Гайда.— Животноводу отыскать свободный день очень непросто — работа такая. За большой покупкой доярка еще поедет в районный центр, а повседневную удобнее сделать в таком вот магазине. У колхоза с кооператорами деловые отношения. Считаем, что торговля помогает в выполнении наших планов. Время экономит, силы. Скоро будем строить колхозный Дом торговли. Но и тогда, считаю, автомагазин не помешает...

Так и работают кооператоры — рука об руку с животноводами, полеводами, мелиораторами.

И с помощью компьютеров...

Николай Васильевич ТОМСКИЙ

Советская художественная культура понесла тяжелую утрату. На 84-м году жизни после продолжительной болезни скончался Герой Социалистического Труда, народный художник СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, Государственной премии РСФСР имени И. Е. Репина, действительный член Академии художеств СССР Николай Васильевич Томский.

Ушел из жизни великий скульптор современности, достигший своим ярким талантом и подвижническим трудом вершин реалистического искусства.

Николай Васильевич Томский родился 19 декабря 1900 года в селе Рамушево Старорусского района Новгородской области в семье кузнеца. Художественное образование получил в Ленинграде.

Всю свою жизнь Н. В. Томский отдал беззаветному служению Родине. В его творчестве с большой художественной силой отображены славные достижения и победы советского народа, раскрывается нравственная красота человека социалистической эпохи.

Н. В. Томский внес значительный вклад в осуществление и развитие ленинского плана монументальной пропаганды, в создание художественной Ленинианы. В число классических достижений нашей культуры вошли памятники В. И. Ленину в Ташкенте и Воронеже, С. М. Кирову в Ленинграде, М. И. Кутузову в Москве, И. Д. Черняховскому в Вильнюсе, П. С. Нахимову в Севастополе. Выдающимся произведением искусства стал монумент вождю пролетариата в столице Германской Демократической Республики. Велики заслуги Н. В. Томского в развитии портретного искусства. Он создал замечательную галерею образов современников. Последние годы скульптор работал над проектом памятника Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов в Москве.

Н. В. Томский воспитал плеяду талантливых мастеров. С 1948 по 1982 год он — профессор Московского государственного художественного института им. В. И. Сурикова, несколько лет был его ректором. Творческая и педагогическая деятельность Н. В. Томского всегда органично связывалась с активной пропагандой принципов искусства социалистического реализма.

Художник-коммунист Н. В. Томский вел большую государственную и общественную работу. Избирался делегатом XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС, депутатом Верховного Совета РСФСР III, VI—X созывов. С 1958 года являлся членом президиума, а с 1968 по 1983 год — президентом Академии художеств СССР. Состоял почетным членом ряда зарубежных академий искусств.

Самоотверженный труд Н. В. Томского, его выдающиеся заслуги перед Родиной высоко оценены Коммунистической партией и Советским государством. Он был удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени и орденом Карла Маркса (ГДР).

Светлый образ Николая Васильевича Томского, патриота и интернационалиста, истинно народного художника навсегда сохранится в благодарной памяти советских людей.

К. У. Черненко, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, Г. Ф. Сизов, А. А. Епишев, С. Г. Лапин, Б. И. Стукалин, В. Ф. Шауро, Г. М. Марков, В. М. Мишин, С. А. Шалаев, Т. Н. Ментешашвили, Ф. Т. Ермаш, А. М. Роганов, Е. М. Чехарин, Б. С. Угаров, Г. А. Айтиев, М. К. Аникушин, Ю. Я. Барабаш, П. И. Бондаренко, В. З. Бородай, А. М. Грицай, Е. В. Зайцев, Л. А. Землянникова, В. С. Кеменов, Л. Е. Кербель, А. П. Кибальников, И. Н. Клычев, Ю. К. Королев, П. Н. Крылов, Л. А. Кулиджанов, М. В. Куприянов, Ю. С. Мелентьев, Д. А. Налбандян, А. Т. Полянский, Н. А. Пономарев, М. В. Посохин, Ф. П. Решетников, К. И. Рождественский, О. М. Савостюк, Т. Садыков, Т. Т. Салахов, Н. А. Соколов, П. М. Сысоев, С. П. Ткачев, З. П. Туманова, П. Т. Фомин, Т. Н. Хренников, М. И. Царев, В. Е. Цигаль, Д. А. Шмаринов.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ВАЯТЕЛЯ

Ленинград... Грозная пора блокады. Зима. На полу огромной мастерской намело сугроб снега. Вдруг по радио прозвучал сигнал тревоги. Скульптор продолжал работу. Внезапно в окно студии влетел осколок фугаски и вонзился в плоть рельефа «Героям обороны». Художник принадлежит своей эпохе — смысл искусства Николая Васильевича Томского. Все его творчество посвящено решению этой задачи...

В самом начале века на берегу реки Ловати, в старину звавшейся Волотой, что означало в древности «богатырская река», родился в селе Рамушево Николай Томский. Новгородская, старорусская земля одарила его талантом недюжинным. Как все истинно сильные люди, он с отрочества был основателен и непоколебим в своих решениях и, задумав что-либо, брался за дело и доводил его успешно до конца — верно и неодолимо. Кряжистый, крепкий, с широкими, покатыми плечами, тяжелыми кистями рук, он напоминал о былинах родного края. Его узловатые пальцы трепетно осязали форму. Николай Томский любовно вглядывался в окружающий его дивный мир могучей северной природы, людей труда... Рисовал. Писал стихи. Пытался ваять. К этому поваживал его отец — сельский кузнец. Художник-самородок.

— С каждым годом,— вспоминал не раз Томский,— все ярче и ярче, будто вижу багровый свет кузницы, слышу тихий голос отца: «Коля, люби людей...»

В двадцатые годы молодой Томский приезжает в Ленинград учиться. Вот что рассказывал скульптор: «Когда я увидел фальконетова Петра, другие памятники великого города, немедля понял — вот моя судьба! Позже прочел слова самого Фальконета: «Натуру живую, одухотворенную, страстную — вот что должен воплотить скульптор в мраморе, бронзе, в камне». Это стало моим девизом». В 1938 году скульптор создал памятник С. М. Кирову. В плеяде крупнейших мастеров отечественного искусства засияла звезда первой величины. Монумент обладал яркой динамической формой, цельностью пластики. Его силуэт отлично вписался в городской ансамбль Ленинграда. Как живой шагнул бронзовый Киров в бессмертие.

Трудно объять все содеянное скульптором Николаем Васильевичем Томским. Одна из ключевых, главных тем его творчества— Лениниана. По существу, работа всей его жизни — подвиг во имя осуществления ленинской идеи монументальной пропаганды. Все созданное Томским суть летопись Родины, воплощенная в металле и камне.

...Николай Васильевич Томский, великий скульптор, народный художник СССР, президент Академии художеств, был прост и доступен. Это отнюдь не означало, что у него бывали свободные минуты. Нет. Их не было. Но Томский человечен. Депутат Верховного Совета СССР, коммунист, он всегда находил время выслушать и помочь. Как сейчас вижу лукавый прищур его мудрых глаз. Большой выпуклый лоб. Пух его мягких, так и не поседевших волос. Никто не слыхал, чтобы Николай Васильевич повысил голос, кого-то обидел. Это не потому, что он не был тверд. Томского отличала суровая непримиримость к явлениям, чуждым нашему реалистическому искусству.

Никогда не уйдет из памяти старая московская улица имени Алексея Толстого. Негасимое тепло окон его студии. Прямоугольные пятна света то на синем ночном снегу, то на багряном золотом ковре осенних листьев, то на изумрудной траве. Много раз доводилось бывать в его мастерской поздно вечером. Ваятель в большой мастерской один на один с твердым гранитом, либо мрамором, или с податливой глиной неустанно осуществлял задуманное. Это был мир образов истории, сегодняшнего дня, порою ваятель заглядывал в завтра.

Тихо. Где-то звонко отсчитывает время мерная капель. Бессонно мерцают софиты. На стеллажах десятки скульптурных бюстов — строители, агрономы, литейщики, летчики, ученые, генералы, писатели. На станке мраморный портрет. Он почти окончен. Пол усеян осколками белоснежного камня. Мастер устал. Ведь скоро полночь. «Каррара»,— промолвил Томский, нежно прикасаясь к сверкающему сколу благородного камня. Я взглянул на крепкую, натруженную длань ваятеля. Странный острый бугорок выпирал на широкой кисти руки. Николай Васильевич улыбнулся. Сказал: «Рубил камень. Опять заходила косточка. Блуждает...» Вмиг подумалось: сколько тонн гранита, мрамора, глины прошло через эти руки! «Знаешь, в профессии скульптора, кроме мастерства и трудоспособности, которые, конечно, обязательны, есть еще и какая-то тайна. Она-то, наверно, и помогает найти,— тут Николай Васильевич бережно вновь коснулся мрамора,— единственную, неповторимую форму. Само сердце будто подсказывает: остановись... И камень начинает жить».

...Томский внес большой вклад в наше искусство — это его ученики. Его школа. И в этом чудесное продолжение дела, которому он посвятил свою жизнь.

Однажды в беседе Николай Васильевич сказал: «Мы, художники, счастливый народ. Счастливы мы тем, что рассказываем людям о них самих. И тем формируем, воспитываем их вкусы, обогащаем их душу. Раскрываем им красоту бытия, прелесть природы, воспитываем любовь к нашей многонациональной Отчизне».

В произведениях великого ваятеля остался навеки образ Человека нашей эры. Лик творца грядущего.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

ГРИГОРИЙ МЯСОЕДОВ

Галина ЩЕРБАКОВА

Передвижники... Сейчас мы не можем себе представить русское искусство без их картин. Все лучшее, что создавалось в отечественной живописи второй половины прошлого века, так или иначе связано с деятельностью Товарищества передвижных художественных выставок.

Одним из инициаторов и руководителей Товарищества был замечательный художник, русский интеллигент, верный своему гражданскому долгу, Григорий Григорьевич Мясоедов.

...7 апреля 1834 года в селе Паньково Тульской губернии, в семье обедневшего помещика родился сын, названный в честь отца Григорием. Род Мясоедовых был древний (предки — выходцы из Литвы, служили еще при Иване III), да постепенно зачах. Отец будущего художника дослужился всего лишь до портупей-юнкера, в тридцать пять лет вышел в отставку, поселился со своей многочисленной семьей в деревне и занялся хозяйством. Детство Григория прошло среди крестьянских детей. Способности к рисованию проявились рано, еще в гимназии, там и зародилась мечта об Академии художеств. Учитель рисования, заметив способности мальчика, укрепил в нем веру в то, что именно живопись — его подлинное призвание. Отец же предполагал для него другую карьеру. Но юноша был тверд в своем решении и, не закончив последнего класса гимназии, поссорившись с отцом, уехал в Петербург. По существовавшим тогда правилам учиться в Академии мог каждый желающий, независимо от возраста и общеобразовательной подготовки, и это очень устраивало Мясоедова. Однако существовать без материальной помощи от родных было трудно. «Жил я, как и большинство студентов Академии Художеств, на Васильевском острове в бедной комнате,— вспоминал мастер.— Источником существования моего была работа на кондитерскую, где пеклись пряники,— я с товарищами раскрашивал их. Баранам и свиньям золотили головы, генералам — эполеты. Платили за это по три копейки с дюжины... Обедали на Неве, на барке, где давали за шесть копеек щи с кашей без масла...»

Идеи Белинского и Добролюбова, эстетические концепции Чернышевского волновали умы студенческой молодежи. Мясоедов общался со своими сверстниками из Петербургского университета, участвовал в музыкальных и рисовальных вечерах, где обсуждались животрепещущие проблемы.

Сам он неплохо играл на скрипке, дружил с Балакиревым и представителями «Могучей кучки», там же познакомился с известным критиком Стасовым. Возможно, идеи балакиревского кружка о создании национальной русской музыки и зародили у Мясоедова идею о национальной школе живописи, отличной от господствовавшего тогда классического академизма. Жизнь русского народа, его быт, история, характер, обычаи проходят через все творчество художника. Уже в дипломной работе, написанной в 1862 году — «Бегство Григория Отрепьева из корчмы на литовской границе» — и получившей Большую золотую медаль, он создает не просто отвлеченную композицию по трагедии Пушкина, а целый ряд живых крестьянских образов. Награда дала право уехать на шесть лет в пенсионерскую поездку за границу для продолжения обучения. Мясоедов посещает музеи и выставки Европы, знакомится с произведениями западного искусства и уделяет большое внимание системе организации самих экспозиций, порядку приема художественных произведений, правилам посещения выставок, изданию каталогов. Его интересует возможность показать работы современных мастеров широкому кругу зрителей, независимость художников от меценатов.

Во Флоренции он встретился с Николаем Николаевичем Ге, сыгравшим большую роль в формировании его идейного мировоззрения.

Великий живописец Н. Н. Ге был одним из наиболее прогрессивных, демократически настроенных людей своего времени. Вместе они ездили на этюды в окрестности Флоренции, посещали художественные салоны. В то время в Италии находилась передвижная выставка англичан, картины которых не были приняты в Париже. Ге и его молодой друг заинтересовались идеей устройства такого рода показов, тщательно обдумывали форму объединения прогрессивных русских мастеров.

Вернувшись на родину, Мясоедов сближается с группой москвичей, работающих в реалистическом жанре, и обращается к ним с идеей создания такого общества. Он пишет проект первого устава Товарищества передвижных выставок, который подписывают Перов, Прянишников, Саврасов. А затем едет в северную столицу для объединения московских и петербургских художников. Идеи москвичей с энтузиазмом восприняли Крамской и его сподвижники. Создание свободного, независимого творческого союза, возможность широкого показа произведений, посвященных острейшим социальным проблемам, стали к тому времени насущной необходимостью.

И вот 29 ноября 1871 года в Петербурге открылась Первая передвижная выставка. В ней участвовали шестнадцать художников, показавших сорок семь картин. Экспозиция имела огромный успех и демонстрировалась затем в Москве, Харькове, Киеве. В путешествиях картины сопровождали Мясоедов и Пероз.

Самым значительным творческим достижением мастера стало полотно «Земство обедает», написанное ко Второй передвижной выставке в 1872 году. В нем художник показал подлинный характер реформы 1864 года, обещавшей крестьянам равное участие с помещиками в делах земства.

«Видите ли, я хочу написать картину, где затронут вопрос об «освобождении» крестьян, в которой заключалось бы негодование по поводу обмана народа... Моя задача в том, чтобы сцена, разработанная в стиле повседневного жанра, сама говорила за себя, приобрела и обобщенное значение, чтобы каждый зритель почувствовал, что в этом случае дан образ современного положения крестьян, понял, на какой обман народа пошло правительство, давая реформу!»— рассказывал он Крамскому.

...Полдень. Жара. Ярко светит солнце. У подъезда земской управы группа мужичков, участвовавших в заседании. Сейчас перерыв, и на обед у них хлеб, соль да луковица в котомке. Лица усталые, понурые, поглощенные собственными нелегкими думами. А за окошком официант с угодливым лицом старательно протирает тарелку у столика, заставленного бутылками и графинами. Художник не показывает господ заседателей, наверняка сытых, холеных, довольных. Ненавязчивое противопоставление ясно без объяснений. Все осталось по-прежнему: помещик — при своем, крестьянин — при своем, ни о каком равенстве прав не может быть и речи.

Картина «Земство обедает» принесла художнику широкую известность, стала значительной вехой в развитии русской реалистической бытовой живописи второй половины XIX столетия.

Вслед за «Земством» Мясоедов пишет «Чтение манифеста 19 февраля 1861 года» и для этого работает с натуры в деревне, в крестьянской риге. С большой достоверностью и убедительностью он передает правдивость, непосредственность крестьян, их живые, выразительные лица, заинтересованность, ожидание подлинного освобождения и обманутые надежды, разочарование. Произведение сразу было приобретено П. М. Третьяковым для его коллекции.

В 1887 году мастер создает «Страду», лучшую свою работу на тему крестьянского труда. На холсте из золотистого моря ржи точно вырастают фигуры косцов, их лица строги и сосредоточенны, размах рук уверен и силен, движения точны, выразительны...

Творчество отнимало много сил и энергии, но художник находит время и возможность для общественной деятельности. Он полон проектами и идеями по улучшению организации выставок, его голос громко звучит на всех собраниях Товарищества. Именно он предложил создавать экспозиции в рабочих районах и на селе. Много внимания уделял Григорий Григорьевич и воспитанию молодого поколения живописцев. В своих многочисленных поездках по России он изучал систему преподавания в художественных школах, хлопотал об улучшении условий работы начинающих живописцев.

Мясоедов был тесно связан с кругами передовой русской интеллигенции, знаком с Толстым, Менделеевым, Гаршиным, бывал у Чехова, дружил со Стасовым. В его доме в Павленках, на Полтаве, гостили писатели Бунин, Короленко, профессор-медик Склифосовский, известный садовод Симиренко. Сам художник посадил прекрасный сад и даже написал несколько статей по садоводству.

Последнее десятилетие своей жизни Григорий Григорьевич изредка выезжал в Петербург или Москву по делам Товарищества и постепенно отошел от дел. Его жена, тоже художник, умерла от туберкулеза, сын Иван, весьма одаренный живописец, с ним не жил, да и отношения у них были более чем прохладные. Однако друзья не покидали. По вечерам в доме Мясоедова музицировали, говорили об искусстве, литературе. Там, под Полтавой, в 1893 году он и написал полотно «Чтение «Крейцеровой сонаты» Л. Н. Толстого», навеянное, возможно, одним из таких собраний.

В Павленках у него была прекрасная коллекция живописи, состоявшая из произведений, подаренных друзьями-передвижниками. И среди них — великолепные этюды Репина к картине «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». Репин долго искал натуру для головы царя (лицо царевича написано с Гаршина) и, наконец, умолил Мясоедова ему позировать. «Уж раз я согласился,— писал художник,— Репин считал, что я поступил в полное его распоряжение в качестве собственности, и распоряжался мной, как хотел. Раз десять, а то и больше он писал меня с разными поворотами головы... заставлял подолгу оставаться без движения в самых неудобных позах и на диване и на полу, ерошил мои волосы, красил лицо киноварью, имитируя пятна крови, муштровал в выражении лица, принуждая делать... сумасшедшие глаза».

Григорий Григорьевич Мясоедов умер 17 декабря 1911 года. Он завещал похоронить себя без обрядов в Павленках, но полиция воспрепятствовала этому, и его погребли на городском кладбище; однако вскоре пришло разрешение из Петербурга, и прах был перенесен в усадьбу, где и сейчас находится скромный гранитный обелиск с надписью: «Выдающийся русский художник Г. Г. Мясоедов. 1834—1911».

Г. Мясоедов. 1834—1911. ЗЕМСТВО ОБЕДАЕТ. 1872. (Фрагмент).

Государственная Третьяковская галерея.

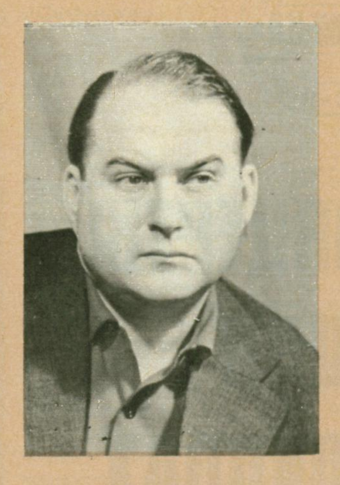

Г. Мясоедов. СТРАДА. 1887. (Фрагмент).

Государственный Русский музей.

Евгений ВИНОКУРОВ

Свиток дней

СВИТОК

Старых писем,
телеграмм,
открыток
груду
из стола достал я,
будучи больным...

Дней моих
неимоверный свиток
жизнь
вдруг расстелила
предо мной!
Я тогда,
признаться откровенно,
загрустил,
приблизясь к рубежу...

Но сейчас я:
— Будь благословенно
все, что было! —
все-таки скажу.

●

И был я
как будто
на гребне волны...
Как жить я хотел,
возвратившись с войны!
И весел я был,
и я был еще молод...
Размотан был шарф,
и распахнут был ворот!
И волосы взбиты,
и щеки румяны.
Засунуты были
ладони в карманы!
Кружилась безудержная
голова...

Все в прошлом печали!
И все трын-трава!
Я в небо смотрел,
подбородок задрав...

И был я поэт
и во всем был
неправ.

КОМЕТА

Я думал так:
и этого не стою —
но, как комета
через небосвод,
вдруг женщина,
пылая красотою,
когда-нибудь сквозь жизнь
моюпройдет...

ЗОЛА

Сколько было
за войну историй,
но такая тоже ведь
была...
День и ночь
работал крематорий,
истребляя личные
дела.
День и ночь
дымил тяжелым дымом,
так, что было все черно
кругом,
перед угрожающим,
незримым,
ощущаемым уже врагом...

И давала указанья людям
так
моя ответственная мать:
— Мы врагу сдавать Москву
не будем,—
все же меры надобно
принять...
Лишь один
попархивал упрямо
над пустынной
улицей
листок!..
В это утро
отправляла мама
эшелон с архивом на восток.

Я в то утро
свято верил маме!..
Но смотрел тоскливо,
как плыла
над ссутулившимися патрулями
личных дел тяжелая зола.

МОРОЗ

Мы шли за пушкой...
Вдоль обочин,
в мороз слепящий,
словно зной,
лежал
стерильно
непорочен
снег,
поражавший белизной.
Я, пояс затянув потуже,
шел, туловище наклоня,
но из-под шапки зимней
уши
смешно торчали у меня!..
Мне не забыть вовек
на свете
тот, обжигающий до слез,
в полуденном слепящем свете
мне душу выевший
мороз...

ХРАМ ОГНЕПОКЛОННИКОВ В БАКУ

Это место вот
важней гораздо
всех других,
куда б ни занесло...
Может, здесь по воле
Зороастра
от добра вдруг отделилось
зло?
Может, здесь,
где тополь у арыка,
на века развеялся туман,
проступило два могучих лика:
вот Армузд,
а это Ариман!
И на свете это означало:
уходящие куда-то ввысь
темное и светлое начала
в смертной схватке навсегда
сплелись.
И до нас
из древних книг
и хроник
описанья тех боев
дошли...
Руки вытянул
огнепоклонник
к пламени, что бьется из земли.
Круглый нимб, как благодать
земная,
около святого огонька...

И питает пламя
нефтяная
вечная подземная река.

Из цикла «Эллада»

ПАН

Легких нимф
святая вереница
иль туман, скользящий
по реке?..
Пан проснулся.
И дрожит цевница
в старческой руке.
Все ему сегодня ночью рады...
Пан косматый выставил живот!..
Фавны озорные и дриады —
все в лесу ликует,
все живет!
Старый пан смеется
красноротο,
и улыбка месяца ала...
Мощная священная природа
все плющом свободно оплела!
Полоса на западе белеса,
Лес в густом, клубящемся
дыму...

И не может быть уже вопроса:
для чего живем и почему?
И во мраке том
полубагряном
ждет Мужчину у ручья Жена,
сброшены одежды,
так как Паном
на планете жизнь
разрешена...

ГЕРАКЛИТ

Кто б мог
для утоленья жажды,
сняв под кусточком башмаки,
сбежать по берегу
и дважды
напиться из одной реки?..

Но по ученью Гераклита
нам, людям, это
не дано...

Та истина была открыта
им в Древней Греции
давно.

И мы согласны с нею
вроде?..
Но ученик его Кратил,
уж в мир не веря,
при народе
лишь молча
головой крутил...

ЭДИП

Повела Эдипа Антигона
по миру, несчастного
слепца!..
Нарушитель вечного закона
в мать влюбился
и убил отца...
Сгорбленный,
как будто бы под кладью,
горестен, беспомощен и хил,
он ступает,
преданный проклятью
высочайших наднебесных сил...
Было так замыслено
поэтом,
погружающим Эдипа в ад:
мир трагичен,
и на свете этом
невиновный тоже виноват...

ЭПИКУР

Хлеб, бобы, циновка
для постели...
Он сказал,
стирая пот со лба:
— Что ж, я все законопатил
щели,
ну-ка же
возьми меня,
судьба!..
Тень навеса да горбушка
с луком,
и, пристроясь так вот
в холодке,
медленно вести беседу
с другом,
чашу чуть качая на руке!..
— Ты уйдешь,
внемля моим советам,
так ни с чем и не наладив
связь,
не жалея жизни в мире этом,
смерти в этом мире
не страшась...

КОНЦЕРТЫ ШЛИ В ОКОПАХ...

В дни сорокалетия Курской битвы, собирая материалы по истории нашей гвардейской ордена Суворова Висленской стрелковой дивизии, отыскал я № 32 журнала «Огонек» за 1963 год. На первой обложке этого номера крупно напечатано: **«Курская битва — подвиг советского народа»**.

В том же номере публиковалась статья «Концерт шепотом» военного корреспондента «Огонька» О. Кнорринга и его снимок.

Я сразу узнал на фотографии своих ребят — бойцов-музыкантов из состава дивизионной агитбригады. Они выступали на переднем крае, прямо в окопах у пулеметчиков, в дни боев на Курской дуге.

С того времени, когда была напечатана корреспонденция О. Кнорринга и его фотография, прошло еще двадцать лет. Многие ушли из жизни. Ушел и Олег Кнорринг. Но я помню и назову фамилии тех, кого он снял. Боец с аккордеоном в руках — это Сергей Онищенко; скрипач—старший сержант Илья Базылянский, на трубе играет лейтенант Падымов... К сожалению, не знаю бойцов пулеметного расчета — тех двух зрителей, для которых мы давали концерт прямо в пулеметном гнезде. Это был наш концерт!.. На всем протяжении боевого пути нашей дивизии агитбригада дивизионного клуба дала многие десятки таких концертов. Часто от немецких окопов нас отделяло каких-нибудь пятьдесят — сто метров...

Вот и Кнорринг вспоминал, как «после грохота боя наступила какая-то необычная тишина...

Уже на закате солнца, возвращаясь по ходу сообщения на командный пункт, я,— пишет Кнорринг,— неожиданно встретился со странной группой солдат. Вместо винтовок и автоматов в руках они несли музыкальные инструменты: баян, трубу и скрипку. Всякое можно увидеть на переднем крае, но скрипку!.. Особенно сейчас, когда вот уже третий день идут напряженные бои. Земля горит вокруг, а тут вдруг музыканты.

— Куда это, братцы, вы со скрипкой-то? — спрашиваю я солдата, прижавшегося к стенке окопа, чтобы пропустить меня.— Здесь вам не филармония.

— Точно, не филармония,— улыбнулся солдат.— Мы, товарищ капитан, дивизионная художественная самодеятельность, идем выступать перед отличившимися в бою. Сегодня, говорят, наши станковые пулеметчики дали фашистам прикурить. Так мы к ним. Они-то ведь в тыл уйти не могут, вот мы сами и ходим на передовую, даем героям персональные концерты. Может, поинтересуетесь?.. Пойдемте с нами».

И дальше военный корреспондент так описывает эти удивительные гастроли:

«Концерт шепотом» — иначе эти выступления назвать было нельзя. Играли и пели тихо-тихо. До немецких окопов каких-нибудь двести — триста метров. Малейший шум может вызвать огневой налет, и все кончится бедою. На этот раз концерт проходил на огневой позиции станкового пулемета. Его расчет отразил сегодня несколько атак пьяных гитлеровцев. Их трупами усеяно все пространство между нашими и немецкими окопами.

Артистов трое, зрителей два. И вот над полем, где еще совсем недавно гремели выстрелы и лилась кровь, зазвучала тихая музыка:

— Темная ночь, только пули свистят по степи...

Усталые лица пулеметчиков постепенно добреют, разглаживаются суровые морщинки, и на пересохших, растрескавшихся губах появляется теплая улыбка. Музыканты кончили играть... День кончался. Становилось уже совсем темно. Высоко в небе, невидимые для глаза, гудя перегруженными моторами, пересекали линию фронта ночные бомбардировщики. Битва на Курской дуге продолжалась...»

Этими словами заканчивается корреспонденция О. Кнорринга.

А воспоминания живы... Помню, когда в боях в Корсунь-Шевченковском котле мы заняли половину села Тишковка, вторая половина этого села все еще находилась в руках немцев. Но мы решили дать концерт для наших бойцов переднего края. И тогда даже немцы, буквально через дорогу от нас, слушали «Катюшу» и наш любимый «Синенький скромный платочек...».

И вот еще что интересно было: пока звучала музыка, немцы не стреляли. Зато, когда кончился концерт, они открыли ураганный огонь по хатам, возле которых мы выступали... Наши артиллеристы подавили их огневые точки. Как шутили ребята из 223-го гвардейского стрелкового полка, сами они — в знак благодарности за наш концерт! — в тот же день полностью освободили Тишковку от захватчиков.

Наша дивизионная газета «Боевая красноармейская» в конце войны тоже напечатала заметку о бойцах-музыкантах, имевших на вооружении не только автоматы, но еще и скрипку и баян, а главное — наши советские песни.

«Кто сказал, что надо бросить песни на войне?..» Об этом писал в газете-«дивизионке» Герой Советского Союза гвардии лейтенант Семен Гурвич:

«Наша агитбригада начала свое существование под Белгородом. Тогда из уст участников бригады наши воины услышали вдохновенные слова советских песен. С тех пор мы прошли большой путь победы. Вместе с нами этот путь прошла и агитбригада. Ее участники проделали немалую работу по художественному обслуживанию подразделений. Гвардейцы слушали концерты агитбригады перед боем, в часы затишья, на переднем крае в дни обороны...

...Николай Ульянов в своих монтажах давал образ героев, показывал их подвиги.

С удовлетворением слушают наши гвардейцы участников агитбригады Базылянского, Ванину, Недвигу, Анищенко, Егорова, Остремского и Ульянова. В их исполнении песни и скетчи, рассказы и отдельные музыкальные номера доходчивы и просты».

Автор заметки, кстати сказать, не только нас хвалил, но и высказал пожелание, чтобы побольше было номеров народного жанра.

«Мы, слушатели агитбригады, желаем и требуем, чтобы она показала во всей широте и полноте славный путь нашей части, героев, отличившихся в борьбе с немецкими захватчиками, и утвердила память воинов, павших в борьбе за честь и свободу нашей Родины...»

Так заканчивалась заметка про нашу агитбригаду, озаглавленная тепло: «Она шла вместе с нами».

Сколько же лет прошло!.. А мы, ветераны Отечественной войны, и сегодня находимся в строю. Я работаю в районном Доме культуры, а это значит нахожусь на переднем крае битвы за хлеб! Поэтому-то так и взволновал тот 32-й номер «Огонька» за 1963 год, где, рассказывая о Курской битве как о подвиге всего народа, журнал напоминал еще и о том, что у хлеба ЗАПАХ СОЛНЦА.

Удивительно это сочетание: суровая фронтовая битва за свободу. И тут же — битва за хлеб. Озаренный солнцем, мирный труд советского человека.

Непередаваемое чувство это живет в нас и сегодня.

Руководитель дивизионной агитбригады, гвардии сержант, ныне режиссер народного театра, заслуженный деятель искусств РСФСР и БАССР Николай УЛЬЯНОВ

Ковылкино
Мордовской АССР.

На снимке: концерт в окопе.

Фото О. Кнорринга редакция перепечатывает из «Огонька» № 32 за 1963 год.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Яков Дмитриевич Андрейченко надел военную форму в 1935 году. Годичная полковая школа, и он, 22-летний воин Красной Армии, помощник командира взвода.

Незаметно пролетели три года обучения в военно-артиллерийском училище, и вот уже младший лейтенант Андрейченко направляется для прохождения дальнейшей службы в одну из воинских частей под Смоленском, а затем, в начале 1941 года, в Брест.

...Утром 22 июня артиллерийский взвод, в котором служил лейтенант Андрейченко, вместе с другими подразделениями был поднят по тревоге.

Якову Дмитриевичу до сих пор не забыть своего боевого крещения, принятого у западной границы. Гитлеровцы бросили в наступление авиацию, танки, мотопехоту. Казалось, сама земля горела и стонала от взрывов огня, гула моторов. Тяжело ранен был в это раннее утро командир артиллерийской батареи Куницын, его сменяет Андрейченко.

Потом был Смоленск. И снова бой, еще более жаркий и жестокий. Фашисты были вынуждены здесь притормозить, получив первый решительный отпор. Гитлеровцам надолго запомнилась Соловьева переправа на Смоленщине. Артиллерийский полк, куда входила батарея лейтенанта Андрейченко, прикрывая переправу, вел прицельный огонь. Три дня фашисты пытались овладеть переправой, шли цепь за цепью. Но все их попытки форсировать Десну пресекались плотным огнем артиллерии.

И только под напором превосходящих сил, особенно авиации и танков, советские воины оставили боевые позиции у Смоленска и отступили.

С тяжелыми боями выходила из окружения группа артиллеристов, имея при себе шесть лошадей и два орудия. В этой группе был и Я. Д. Андрейченко.

Вырвавшись из вражеского кольца, они попали в дивизию генерала Панфилова, защищавшую подступы к Москве. Помнятся слова генерала, обращенные к артиллеристам:

— Будете охранять Волоколамское шоссе, да так, чтобы мышь по нему не прошла! Позади вас Москва!

Артиллеристы — был среди них и командир батареи Андрейченко — сдерживали натиск гитлеровцев. Враг не прошел.

Яков Дмитриевич хорошо запомнил день 7 ноября 1941 года. В составе артиллерийской части ему довелось участвовать в военном параде, проехать вместе с орудием по Красной площади. А потом, прямо с площади, он отправился на огневой рубеж.

Якову Дмитриевичу еще раз посчастливилось быть на Красной площади — 24 июня 1945 года он участвовал в Параде Победы.

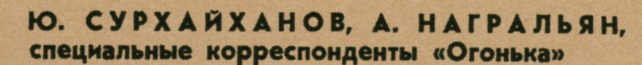
За ратные подвиги в 1941—1945 годах Яков Дмитриевич Андрейченко награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и многими другими.

А летом этого года Яков Дмитриевич получил еще одну боевую награду — второй орден Красной Звезды.

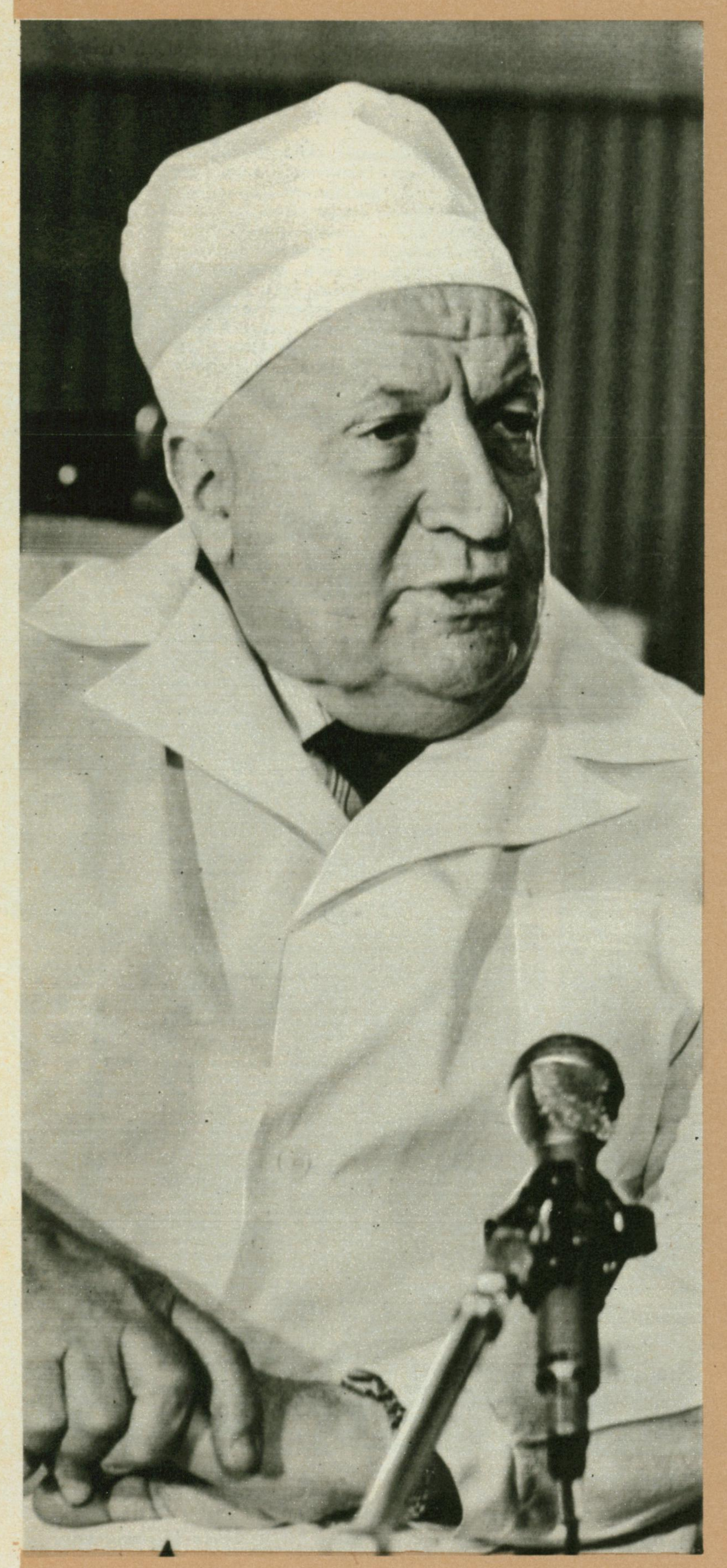
Дело в том, что вручить вовремя не удалось. И вот теперь эта высокая награда нашла ветерана-артиллериста. Нашла, когда он еще находился в строю, но уже на мирном фронте. Работает Яков Дмитриевич сейчас в профтехучилище города Унеча Брянской области. Работает честно, добросовестно. На живых примерах воспитывает подрастающее поколение.

И. ТОРБА

Унеча.

Ю. СУРХАЙХАНОВ, А. НАГРАЛЬЯН,
специальные корреспонденты «Огонька»

Директор ВНЦХ АМН СССР академик Борис Васильевич Петровский.

ДОБРАЯ ХИРУРГИЯ

«Лечить, учить, искать и внедрять» — таков девиз Всесоюзного научного центра хирургии — ВНЦХ Академии медицинских наук СССР.

Четыре энергичных глагола. И на первом месте — лечить.

— Прежде всего мы врачи, наш святой долг — избавлять людей от страданий,— подчеркивает академик Борис Васильевич Петровский, директор и организатор Центра, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий.

— Мы обязаны и учить. Работа Центра тесно связана с I Медицинским институтом имени Сеченова, у нас проходят стажировку врачи не только со всей страны, но и из многих других государств мира,— продолжает он.

Следующее слово в девизе Центра — искать. Искать новое, перспективное. Десятки тысяч сложнейших операций, открытия, сотни изобретений, докторских и кандидатских диссертаций, каждая из которых, взятая в отдельности, имеет ценность для медицины. Это вклад сотрудников Центра в современную науку, в живую жизнь страны, в сохранение здоровья людей.

И, наконец,— внедрять. Сегодня уже работают три крупных филиала и 411 подобных хирургических центров. А ведь первому, Всесоюзному, чуть больше двух десятилетий.

Заглянем в его операционные и лаборатории.

Отец и сын Берулава приехали в Центр хирургии из Сухуми. Операция уже позади. Почку от отца сыну пересадил заведующий отделом трансплантации, заместитель директора по науке, ученик Петровского, профессор Олег Сергеевич Белорусов. Удачная пересадка органа от донора больному еще каких-то двадцать лет назад, даже меньше, воспринималась как чудо. Наверно, оттого, что мы быстро привыкли к термину, в который вложено столько разочарования,— «биологическая несовместимость». А чудо (отбросим неуместные здесь кавычки) состояло не только в преодолении этого высокого барьера, возведенного природой, но и в том, что оно обещало продление жизни обреченным.

15 апреля 1965 года Борис Васильевич Петровский осуществил успешную трансплантацию почки от донора к пациенту. Казалось бы, от этого, хотя и большого успеха до настоящей победы, то есть широкомасштабного внедрения, должны пройти долгие годы. Но уже спустя четыре года в Центре открывается новое отделение — трансплантации органов. Более того, некоторые из первых людей с пересаженной почкой, ныне здравствующие, старше самого отделения: их «новый возраст» более семнадцати лет. А в самом отделении эти сложнейшие операции идут в плановом порядке, их число уже превысило восемьсот. Но эту цифру следует умножить, ведь методика трансплантации с каждым годом все шире распространяется в хирургических центрах страны.

В зале гемодиализа — искусственной почки — одновременно принимают процедуру несколько человек; это люди разных национальностей из разных республик, а также иностранцы: болгарин и товарищ из Югославии.

— Мы оказываем помощь иностранцам, которые к нам обращаются,— говорит Олег Сергеевич Белорусов.— На днях уехал домой эквадорец и попросил разрешения прислать двух своих знакомых, срочно нуждающихся в лечении. Ближайшее место, где они могут сделать операцию,— США, но там она стоит 15 тысяч долларов.

Чумой двадцатого века называют врачи сердечно-сосудистые заболевания. Кардиохирурги ведут наступление на этот недуг. Именно здесь был создан один из первых советских искусственных клапанов сердца, разработана методика аорто-коронарного шунтирования при ишемической болезни сердца; применен аппарат искусственного кровообращения в условиях барооперационной. Более девяти тысяч операций на открытом сердце провели ученики Б. В. Петровского. Среди них такие видные ученые, как академик АМН СССР, Герой Социалистического Труда, профессор лауреат Государственной премии Н. Н. Малиновский, лауреат Государственных премий СССР Б. А. Константинов, а также молодые профессора Л. П. Черепенин, Б. В. Шабалкин и другие сотрудники корпуса «открытого» сердца. Под руководством Н. Н. Малиновского и Б. А. Константинова группа ученых, медиков и инженеров сделала открытие в области физиологии и биомеханики сердечно-сосудистой системы. Оно принципиально меняет сложившиеся представления о механизме работы аортального клапана сердца, объясняя его долговечность и уникальные гемодинамические свойства. На основе этого открытия создан новый вид биологического протеза клапана сердца, который успешно применяется в клинической хирургии более шести лет. Это позволило вернуть к жизни сотни больных.

В последние годы в Центре появились новые направления. В 1972 году было открыто отделение микрохирургии, которое возглавил профессор В. С. Крылов. Входим в послеоперационную палату отделения. Здесь пациенты, которым были возвращены (пришиты) — это все еще звучит сказкой — руки, ноги, потерянные в результате травмы. Есть среди них и дети. За двенадцать лет выполнено около двух тысяч уникальных микрохирургических операций.

— Наши операции не требуют громоздкого и очень сложного оборудования, за исключением микроскопа,— объясняет Виктор Соломонович,— все инструменты могут уместиться в небольшой коробочке, ведь некоторые из них едва различимы невооруженным глазом. Так что в экстренных случаях микрохирург может выехать в город, где находится пациент.

Операция длится от пяти до двадцати часов, необходимо сшить тончайшие артерии, вены, нервы, лимфатические сосуды, сухожилия. Многолетний научный труд по разработке этих необычных операций отмечен Государственной премией СССР. Ее лауреатами стали профессора В. С. Крылов и Г. А. Степанов, старшие научные сотрудники Н. О. Миланов и Р. С. Акчурин.

Другое новое направление — рентгенэндоваскулярная хирургия. Этот отдел возглавляет лауреат Государственной премии СССР профессор И. Е. Рабкин.

Иосиф Ефимович разрешает нам присутствовать на операции по по-

воду почечной гипертонии. Из объяснения становится ясно, что предстоит расширить суженный кровеносный сосуд почки.

Операция совершенно безболезненная и не требует наркоза. Через вену на ноге молодой девушке вводят зонд. Весь ход операции видим на экране телевизора. Тонкий катетер хорошо просматривается, вот он входит в суженный сосуд, девушка с интересом смотрит на экран.

— Вот и все, сосуд расширен, почечной гипертонии больше нет,— улыбается профессор.— Суть нашей работы состоит в том, что рентгенологи от диагностирования болезней перешли к их оперативному лечению. Скажем, у пострадавшего в автомобильной аварии лопнул крохотный сосуд в печени. Через вену в ноге с помощью зонда с подвижным управляемым концом мы вводим катетер в этот сосуд и выпускаем специальную пружинку с велюровым хвостиком. Велюр вбирает элементы крови и превращается в биологически совместимый тампон, который наглухо закупоривает разрыв. Прежде в такой ситуации больному грозила смерть, в лучшем случае удаление всего органа.

Катетер может быть введен практически в любой сосуд. Вот такой пример. Больной стенокардией принимает в день от сорока до шестидесяти таблеток нитроглицерина, на второй этаж поднимается с несколькими остановками — задыхается, операция на сердце ему противопоказана. Причина такого состояния — сужение сосуда на сердце. В него через аорту на локтевом сгибе вводится зонд с катетером, манжетку на конце которого можно надуть воздухом, тем самым растянуть сосуд до необходимого диаметра.

Таких операций выполнено больше сорока... Причем больные начинают активно и весьма энергично двигаться, бегать по лестнице вверх и вниз, настолько восхитительно для них новое состояние — свободного дыхания.

— В 1981 году опыт, накопленный Центром, позволил приступить к выполнению Государственной программы «Реконструктивная хирургия»,— говорит заместитель директора Центра, член-корреспондент АМН СССР, профессор Э. Н. Ванцян.— Из самого названия ее видно, что это качественно новый этап в медицине, в ее осуществление включено 169 научно-исследовательских учреждений, 20 министерств и ведомств страны. Научным руководителем программы Госкомитет по науке и технике СССР назначил академика Б. В. Петровского. Принципы реконструктивной хирургии, которые сформулированы хирургической школой моего учителя Петровского, таковы: мы стремимся сохранить, а не удалить орган, при этом максимально полно восстановить утраченные функции, позволив тем самым оперированным больным вернуться к трудовой деятельности, к нормальной жизни в оптимально короткий срок.

Операцию в барокамере проводит заместитель директора Центра по науке член-корреспондент АМН СССР Э. Н. Ванцян.

Заведующий отделением трансплантации профессор О. С. Белорусов и врач гемодиализа Г. М. Сагалович с пациентами — отцом и сыном Берулава.

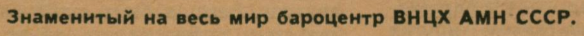
Заведующий рентгено-радиологическим отделением профессор И. Е. Рабкин проводит операцию по поводу почечной гипертонии.

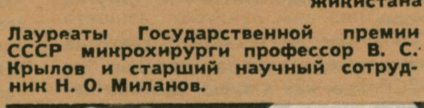

Знаменитый на весь мир бароцентр ВНЦХ АМН СССР.

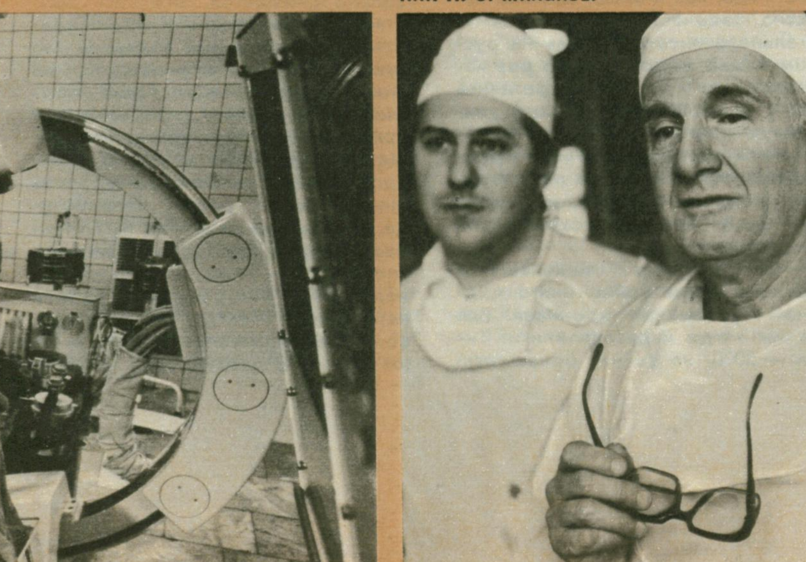
Самую маленькую пациентку Центра осматривает лечащий врач-ординатор из Таджикистана К. А. Абдумурадов.

Лауреаты Государственной премии СССР микрохирурги профессор В. С. Крылов и старший научный сотрудник Н. О. Миланов.

Утреннюю летучку в отделении хирургии легких и средостения ведет заведующий доктор медицинских наук Ю. В. Бирюков.

Встречи в Белграде

29 НОЯБРЯ 1945 ГОДА БЫЛА ПРОВОЗГЛАШЕНА ФЕДЕРАТИВНАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА ЮГОСЛАВИЯ

В 1945 году в Париже Пикассо и Матисс рассматривали уникальную книгу стихотворений и не могли поверить, что она издана и проиллюстрирована в партизанском крае; буквы этой книги были писаны гусиным пером, а обложка сделана из парашютного шелка. Это был один из 250 экземпляров литографического издания поэмы «Яма» хорватского поэта Ивана Горана-Ковачича, ослепленного и убитого фашистами.

Социалистическая Югославия родилась в огне освободительной войны против фашистского нашествия. В свободном государстве объединились народы южных славян, населяющие Сербию, Хорватию, Черногорию, Македонию, Словению, Боснию и Герцеговину. Началось строительство новой жизни, рождалась новая культура. Люди, с которыми я встретилась в Белграде, были участниками тех далеких событий.

Новелла ИВАНОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

Встреча первая:

РАДОНЯ ВЕШОВИЧ

Приехав в Белград, я позвонила по телефону Радоне Вешовичу, автору переведенной у нас в стране повести «Колонна и горизонты». Мой звонок очень обрадовал писателя, и он предложил встретиться в тот же вечер в гостинице «Москва», где я остановилась.

Первая пролетарская бригада — первое регулярное воинское формирование югославской революции была создана 22 декабря 1941 года в боснийском местечке Рудо. В строю ее бойцов, коммунистов и комсомольцев находился шестнадцатилетний черногорский юноша, ныне известный поэт и публицист, общественный деятель Радоня Вешович. С Первой пролетарской проделал он весь путь до победы и рассказал о боях и подвигах бойцов этой бригады в документальной повести «Колонна и горизонты». Вешович писал ее четыре военных и четыре послевоенных года, и книга была отмечена премией Союза ветеранов Югославии.

Таких людей, как Радоня Вешович, в Югославии называют «первоборцами». Они, эти люди, самыми первыми отважно вступили в поединок с врагами родины и сохранили не только память о той жестокой битве, но и характер первоборца, для которого нет ничего дороже независимости родины и ее счастья. Такие люди не умеют жить только для себя, они ищут и находят полезные дела и с особенным вниманием, даже пристрастием, приглядываются к молодому поколению. Вешович хорошо знает их проблемы, потому что у него две дочери — школьница и студентка-художница.

— Мы, старшее поколение, несем ответственность за них, молодых, ведь подчас они не знают, куда приложить силы, во имя чего сражаться, а материальные блага, полученные при рождении, оборачиваются так, что мы с горечью порой обнаруживаем: вместо идейных борцов, продолжателей нашего дела, выросли циники-потребители...

На долю его поколения выпало много тяжких испытаний, и уже в юности он и его друзья знали цену жизни, смерти, счастья. В семнадцать лет Радоня начал писать свою будущую книгу. В восемнадцать лет Вешович стал комиссаром роты. А самые счастливые дни молодости? Конечно, то незабываемое время сорок четвертого года!

И он увлеченно вспоминал:

— Это было за день до начала битвы за освобождение Белграда. Мы сражались всю ночь, а когда наступил рассвет, не сразу поняли, что идущие нам навстречу, увязающие сапогами в раскисшем осеннем поле солдаты — это долгожданные, родные советские бойцы! За солдатами шли танки, самоходки, и мы, стреляя от счастья в воздух, кинулись к ним. Если бы вы только видели эти объятия, эти слезы радости. Запомнился один солдат — на обыкновенной телеге он вез боеприпасы. Я поразился, увидев эту телегу, и, припоминая известные мне русские слова, спросил: «Откуда едешь, друг?» «От Сталинграда». Я удивился еще больше: «С конем и телегой от самого Сталинграда?» «Ага! — рассмеялся солдат.— Видишь, снаряды везу для пушек!» Он стегнул кнутом лошадь и крикнул: «Давай с нами на Белград!» Я стоял ошалелый от счастья: так вот какие они, русские! В тот же день наш командир Пеко Дапчевич построил нашу бригаду, и командующий 3-м Украинским фронтом, стоя рядом с ним, сказал: «Товарищи, мы договорились с Пеко, что примем решение прямо сейчас идти на Белград или завтра — по вашему усмотрению». «Сейчас! Прямо сейчас!» — раздались воодушевленные крики. И мы пошли на Белград...

— А после войны как началась ваша новая жизнь?

— Она началась с учебы, надо было закончить гимназию, и для таких, как я, ребят, ушедших на войну из гимназии, были созданы специальные «партизанские школы». Потом в Белграде стал работать в редакции молодежной газеты. Самый первый опыт этой работы я получил еще в партизанском отряде, где вместе с народным героем Крсто Бойичем я выпускал информационные бюллетени и газету для своей роты — шесть экземпляров, отпечатанных на пишущей машинке, с моими рисунками...

Он редактировал черногорские газеты «Культура», «Победа», журнал «Творчество». Много лет работал в телеграфном агентстве ТАНЮГ. Радоня Вешович имеет высокие награды — орден «За храбрость», орден Братства и Единства с золотым венком, орден Республики с золотым венком.

А сегодня, сейчас в чем видит он свой главный долг?

— В современной идеологической борьбе особое место отводится культуре. Нас призывают к «культурному обновлению», пропагандируя тезис — «человек одинок, индивидуальность не должна испытывать давление со стороны общества». Это отрава! Ведь для тех, кто ищет в жизни высокие идеалы, воспевание индивидуализма дает возможность порабощать человека.

В марте прошлого года состоялся пленум ЦК Союза коммунистов Югославии, обсудивший вопрос об актуальных идеологических процессах в обществе и задачи партии. Большое место уделено было проблемам культуры, в частности литературе. На пленуме откровенно говорилось о том, что усилия противников социализма в Югославии направлены на то, чтобы ограничить влияние СКЮ, вытеснить его с позиций ведущей идейно-политической силы. Свою задачу как писатель-коммунист я понимаю так, как понял ее еще в сорок первом году. Мы должны честно рассказывать людям о проблемах нашей жизни, не уходить от острых вопросов и не бояться вступить в бой за свои идеалы!

Встреча вторая:

ЭРИХ КОШ

Мы встретились с ним в доме Иво Андрича — так называют белградский дом, где находится литературное наследие писателя, «фонд Андрича». Эрих Кош, академик Сербской академии наук и искусств, выдающийся прозаик, мастер тонких психологических повествований, принадлежит к старшему поколению. Яркая остросатирическая повесть «Большой Мак» получила одну из высших литературных премий страны и переведена, как и ряд других его произведений, на языки мира, известна также нашему читателю. Он родился в 1913 году, гимназистом вступил в революционное движение, стал членом Коммунистической партии Югославии. Подвергался преследованиям в королевской Югославии. С первых дней народного восстания до 1945 года — в рядах партизан. Он командир, политработник, а после войны — журналист, общественный деятель.

Как оказалось, Эрих Кош совсем не случайно мне назначил встречу именно в доме Андрича: здесь собраны все рукописи писателя, письма, статьи, воспоминания современников, его книги, переведенные на многие языки мира. И член президиума «фонда Андрича» Кош гордится той исследовательской работой, которую здесь ведут энтузиасты — филологи, литературоведы — в содружестве с представителями других стран.

— У нас постоянно бывают на стажировке литературоведы из СССР, где, как я знаю, широко известно творчество нашего замечательного писателя. Ведь на русском языке Андрич много раз издавался. Но коль мы встретились здесь, я покажу вам одну уникальную книгу.

По его просьбе одна из сотрудниц принесла из архива пожелтевшую от времени книгу, изданную на серой бумаге, похожей на оберточную.

— Это первая появившаяся сразу же после войны книга Андрича «Травницкая хроника». Вот так мы тогда издавали книги! Тираж — 5000, но сейчас большинство изданий ниже этого тиража. Книга, как видите, издана скромно, но цена была малой. Мы знали, что нужно дать людям поскорее хлеб духовный — книгу, и не могли сделать ее понарядней: главное, чтобы она была у каждого в доме! Помню, в 1945 году в Белграде на отрезке всего один километр от Славии до Терезии было 200 книжных магазинов, и люди стояли в очереди, чтобы купить книгу. Все было по карточкам, но не книги! Теперь же, увы, книги стали такими дорогими... Например, 8 томов моих сочинений еще полгода назад стоили 4500 динаров, а сейчас вдвое больше.

...Слушая писателя, я невольно вспомнила свое посещение «Югословенской книги». Попав впервые в этот огромный книжный магазин в центре Белграда, я буквально замерла, увидев такое книжное богатство. С наслаждением разглядывая сделанные с отменным полиграфическим вкусом книги для взрослых и детей, я представила, с каким ажиотажем ринулись бы к этим полкам мои московские друзья. Но, приглядевшись к ценам... оторопела: как, неужели собрание сочинений Иво Андрича стоит десять тысяч динаров? По данным Союзного статистического управления Югославии средняя заработная плата в стране — около 23 тысяч динаров. Значит, покупка этих книг многим не по карману!

— Когда война закончилась, мне было 32,— продолжал Эрих Кош.— Если учесть прожитое, то я уже был человеком большого жизненного опыта. Жизненный опыт был, а литературного никакого. И все-таки все мы тогда, воодушевленные верой в прекрасное будущее Югославии, дерзко и безбоязненно взялись за перо. Кто нас учил литературе? Та самая жизнь, которая была жизнью каждого из нас и жизнью всей страны. Мы взялись налаживать новую культуру и поняли, как плохо подготовлены к этому трудному делу, как мало сами знаем. Трудно ли было начинать? Очень трудно! В стране почти 80 процентов населения не знало грамоты, а нам так хотелось поскорее донести до простых людей Мир прекрасного, дать им в руки книгу!

Он вспоминал те, самые первые послевоенные шаги в области культуры, когда вместе с Родолюбом Чолаковичем Кош возглавлял Комитет по культуре.

Я спросила, как он оценивает сегодня достижения в области культуры.

— Судя по цифрам, они должны быть неплохими. Если прежде на всю страну было только три университета, то сейчас их почти 20. Прежде было всего по 3—4 факультета, нынче чуть ли не три десятка. Раньше было всего несколько газет, теперь их больше двухсот. Раньше было одно издательство в Белграде, сейчас их только в Сербии 55! Вроде бы радоваться надо, но... общий уровень культуры, как ни парадоксально, снижается.

— А в чем причина?

— Сложная у нас в стране ситуация в области культуры. Как вы знаете, конечно, Югославия переживает серьезные экономические проблемы — нашу экономику душит инфляция. Цены растут с непостижимой быстротой, а уровень жизни падает, растет безработица. И культура не может быть оторвана от этих проблем, потому что экономика — базис, а культура — надстройка, которая связана с ним неразрывно. Театры, киноискусство, музеи, издательства испытывают большие затруднения в сред-

ствах, и, увы, книги дорожают, и все меньше их покупают.

— Герои первых книг, которые вы написали сразу после войны по свежему следу национально-освободительной борьбы,— ваши знакомые и ровесники: они живут осмысленно, воодушевленно. А затем в ваших книгах появляются люди, зараженные вирусом мещанства. Этот вирус, отрывая людей от увлеченности делом, разобщает их, и перед нами опасная болезнь — бездуховность, которая полностью перерождает человека. «Большой Мак» — это уже повесть-гротеск, повесть-шарж об обывателях. Почему вы перешли к сатире?

— Я написал своего «Большого Мака» оттого, что уж очень обозлился на новоявленных мещан, которые неплохо устроились при социализме, и тема, взволновавшая меня сама по себе, вылилась в сатирическую форму.

— Мещанство, конформизм остались вашими главными врагами?

— Да, это так! Писатель обязан быть честным и не бояться показывать негативные стороны общества. Язвы не припудривают — их лечат; писатель обязан своему читателю подсказать, как надо бороться со злом. И сатира — очень грозное оружие в борьбе со злом. Так было во все времена, и так будет, я думаю, всегда!

Югославские исследователи творчества Коша неоднократно отмечали, что его произведения принадлежат к числу лучших рассказов в сербской литературе о войне, и даже пишут о том, что он, «несомненно, самый крупный, самый выдающийся современный сатирик не только сербский, но и общеюгославский». Известный югославский критик Драган Еремич писал: «Если окинуть взглядом его большой труд — 18 томов, среди которых 8 сборников рассказов, восемь романов, две книги эссе и памфлетов,— станет видно, что за четверть века постепенно он создавал произведения не только разнообразные по форме, но и занимающие особое место в современной сербской и югославской литературе...»

— Сегодня, когда человечество добивается прочного мира на земле, особенно остро встает вопрос о бережном отношении к памяти о минувшей войне и ее героях. Тем не менее в некоторых странах Запада бытует мнение, что тема войны для современного писателя уже исчерпана. А что думает об этом мой собеседник?

— Сорок лет миновало с того самого счастливого дня, когда мы праздновали победу, но война осталась в каждой семье: у нас в стране миллионы погибших, и живы те, кто сражался. Когда я встречаюсь с пожилым человеком — все равно где, на улице, в поезде, наш разговор обязательно начинается с того, где он сражался в дни войны... Война оставила нам ПАМЯТЬ о героях, память о подвиге, память о верности родине. И особенно важно писать о войне сейчас, когда человечество изо всех сил старается сдержать ядерное безумие. Я долгое время возглавлял Югославский комитет сторонников мира, был на встрече сторонников мира в Москве, встречался с известными советскими писателями, и мы были едины в своем убеждении: писатель, пока он жив, должен служить миру, людям, счастью.

Встреча третья:

СТЕВАН РАИЧКОВИЧ

... Старый дом в центре Белграда. По ступенькам подымаемся на второй этаж. Звонок в дверь. На пороге высокий, чуть сутулый, крепко сложенный человек. Грива волос, сильные руки. Он приглашает в комнату, предупредив, что нездоров: «Горло царапает». Так вот каков Стеван Раичкович, стихотворения которого вошли в школьные учебники! Он обстоятельно расспрашивает меня об «Огоньке».

— Я ваш журнал знаю еще с послевоенных лет. Мы в Югославии его покупали и искали новые стихи, рассказы!

Свои первые стихи он опубликовал в 1945-м. Тогда ему было 17. Сын школьного учителя из села уже в 19 лет вошел в литературу своей страны книгой «Детство». Сейчас Стеван Раичкович — лауреат нескольких литературных премий, его стихи переводятся и изучаются в других странах.

> Может быть, борьба за рифму
> нас подводит
> Ближе к дыму, чем к огню,
> а жизнь проходит?

В этих строках девиз его поэзии — нельзя, чтобы она стала делом утонченной, красивой лжи о жизни, пусть она станет самой жизнью! Среди множества книг, которые я увидела в этом доме, русские книги — Достоевский, Есенин, Лев Толстой...

— У нас все довоенное поколение выросло на русской поэзии и литературе. Внутренний мир русского человека очень близок нам и созвучен настроениям души.

Я пришла в дом к поэту, который волнует необычайной искренностью, влюбленностью в человека и природу... Его поэтическое перо показалось мне очень близким есенинскому. Я спросила его:

— Что роднит вас с русской поэзией?

— Для нас есенинские книги были словно библия. Русской поэзии свойственно высокое размышление о смысле жизни, о времени, о значении человека и его дела. Я это особенно почувствовал, когда работал над книгой антологии советской поэзии.

«Шесть русских поэтов» — так называется эта книга, выпущенная в Белграде в 1970 году. Среди этих поэтов Блок, Цветаева, Ахматова.

— До меня их, конечно, уже переводили, но я хотел своим поэтическим языком рассказать о том, как я понял этих поэтов, и честно скажу, испытывал немалые муки.

— А потом еще одна сложная работа. Я имею в виду вашу антологию славянской поэзии «Славянские рифмы».

— Да, снова мучительные поиски слова, но я очень доволен этой работой.

Он поднялся из-за стола, неторопливо ушел в кабинет, а вернувшись, протянул мне книгу.

— Это десять лет моей жизни...

Я листала эту поистине уникальную книгу. Максим Рыльский, Янка Купала, Борис Пастернак, Юлиан Тувим, Витезслав Незвал, Лацо Новомеский, Елизавета Багряна, Алойз Градник, Блаже Конески.

— Я собрал вместе поэзию, у которой единые славянские корни: здесь русская, украинская, белорусская, словацкая, болгарская, польская, словенская, македонская поэзия,— и мне хотелось показать читателям, как много у нас, славян, общего и в нашем языке, и в нашей прошлой культуре. Надо сказать, что книга, появившаяся в 1976 году, была вмиг раскуплена...

Так началась наша полуторачасовая беседа, и в ней, конечно, нельзя было обойти молчанием судьбу книги в этой стране. Что думает об этом Раичкович, один из популярных поэтов? Только в прошлом году вышел его шеститомник в издательстве «Просвета». А стоит шеститомник немало — 3 тысячи динаров. Спрашиваю Стевана, не останавливает ли такая высокая цена читателя.

— Конечно, не каждому по карману такое дорогое издание! Хотя книга издана так, что ее приятно взять в руки. А вообще у нас дорожают книги с каждым годом, и я с беспокойством думаю о молодых, которые в силу этой причины не всегда имеют возможность прочитать умную, хорошую книгу или познакомиться с настоящей пьесой, музыкальным произведением. Среди некоторой части молодежи все чаще стала популярной «поп-рок культура». Я имею в виду ту музыку, живопись и литературу, которую называют «кич». В Суботице, моем родном городе, мне как-то довелось на эту тему выступить. Увы, «массовая культура» — сложная проблема, потому что ее появление у нас связано с экономическим состоянием страны, от этой проблемы не уйти. Но я считаю себя обязанным писать для взрослых и для детей хорошо, и я буду так писать всегда!

Ему веришь: кредо поэта Стевана Раичковича в стихотворении «Люди просыпаются без оружия». В нем речь идет о позднем часе, когда во всем мире люди расходятся по домам, палаткам, хижинам. Среди них есть и солдаты. И вот:

> Солдаты оставляют
> свои винтовки
> И входят в палатки,
> Наклоняя при этом головы,
> Словно кланяются кому-то...

Солдаты словно благодарят за то, что у них нет винтовок и нет необходимости стрелять в кого-то! Поэту Раичковичу война не по душе. Ему по душе строить мосты дружбы между людьми, и он их строит. «Шесть русских поэтов» — перевод с русского. «Шекспир. Сонеты» — перевод с английского. «Славянские рифмы» — перевод с нескольких славянских языков.

— Стеван, наверно, нелегко строить такие мосты?

— Очень трудно! Ведь переводчик, словно танцовщик, идущий по натянутой проволоке. Ты должен все время держать баланс, иначе не заметишь, как вместо автора появишься ты сам. Вспоминаю адову работу над 150 сонетами Шекспира. Полтора года по десять часов в день я жил этими сонетами, не зная отдыха ни днем, ни ночью. Сонеты настигали меня даже во сне. Никогда в жизни мне так тяжело не работалось, хотя мне тогда было на двадцать лет меньше, чем теперь. Работа поэта-переводчика очень тяжела, и мне очень повезло, что в Советском Союзе меня переводили такие прекрасные поэты, как Белла Ахмадулина, Маргарита Алигер, Юнна Мориц... Очень прошу вас, когда будете писать о нашей встрече, передайте привет и слова благодарности от всего сердца всем, кто помог мне встретиться с советскими читателями — настоящими, умными ценителями книги!

Белград — Москва.

среди книг

ЛИШЕННЫЕ РОДИНЫ

Трагическая судьба четырехмиллионного народа Палестины, народа-труженика, народа-борца, не может оставить безучастным ни одного честного человека на нашей планете. Более трети века тому назад сионисты с помощью своих империалистических покровителей совершили одно из чудовищных преступлений в истории человечества — изгнали арабский народ Палестины с его исконных земель, лишили его родины. Сионисты не только стерли с политической карты мира целую страну, но и пытаются всячески вытравить из памяти людей само понятие «арабский народ Палестины», прибегая к нагромождению лжи, фальсификации истории, подтасовке фактов. И не только это. Они пытаются физически ликвидировать этот героический народ, проводя на протяжении многих лет в отношении его кровавый геноцид.

Палестинской проблеме, одной из самых актуальных проблем современности, посвящена книга известного советского ученого-востоковеда В. И. Киселева «Палестинская проблема и ближневосточный кризис».

Знакомство с книгой дает возможность читателю получить полное представление об исторических корнях палестинской проблемы, о ее сущности и месте в ближневосточном конфликте, об освободительной борьбе арабского народа Палестины за осуществление своих национальных прав на самоопределение и создание собственного суверенного государства. Значительное место в ней уделяется политике Советского Союза, направленной на справедливое политическое решение ближневосточного кризиса, сердцевиной которого является палестинская проблема.

Размышления автора над историей и перспективами борьбы арабского народа Палестины пронизаны глубоким сочувствием к его судьбе, солидарностью с его справедливой борьбой, уверенностью в победе правого дела палестинцев. Книга В. И. Киселева «Палестинская проблема и ближневосточный кризис», несомненно, послужит делу дальнейшего упрочения уз дружбы и солидарности, связывающих советский и палестинский народы.

Г. БОЧКАРЕВ,
кандидат исторических наук

В. И. Киселев. Палестинская проблема и ближневосточный кризис. Киев, Издательство политической литературы Украины, 1983 г., 215 с.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

КУДА СПЕШ

— Повторим?

— Повторим...

Стараясь не потерять ни капли обжигающей влаги, наполняю на треть пиалу и подаю спутнику. Каюм, лишь слегка сбрасывая газ и не отрываясь взглядом от ровной ленты дороги, на которой на обозримом пространстве, кроме нас, никого нет, принимает пиалу, и мы начинаем очередное чаевничанье. Выехали мы еще затемно, по холодку. Но солнце проворно взобралось по горизонту, и сухой зной уже начал палить. Когда язык распухает во рту, а все мысли сводятся к одному — лишь бы глоток какой-нибудь влаги, чай не только удовольствие. Чай — это силы. Тем более в пустыне. И потому расстояние здесь я определяю не километрами дороги, не временем в пути, а количеством чаевок. Три чаевки, пять, восемь...

— Повторим?

Я опрокидываю термос, но убеждаюсь, что он не бездонен.

— Ничего, сейчас свежую воду будем пить...

Серые раскаленные пески, рябеющие бородавками выжженных растений, и серое выгоревшее небо, однако, не обещают никаких перемен. И вдруг... на дороге возникает темнеющее пятнышко. Приближаемся, и оно обретает форму и цвет, а вскоре мы оказываемся в настоящей роще, или, можно сказать, в саду, раскинувшемся по сторонам дороги. Под зелеными ветвями мурлычет арычок. В тени у обочины остановились не мы одни. Передыхают шоферы и их спутники. Иные со стеклянными банками и стаканами уже отходят от колодца. Наполняем и мы свою тару, а заодно и желудки сладкой водой. Да, именно сладкой — такая отрада на душе от нее! Слава тому безымянному, кто позаботился о тебе в пути, создал этот благословенный приют и вырастил этот райский сад.

— Почему безымянному? У каждого человека имя есть. И даже у колодца имя есть. Это колодец Бекмурада.

И Каюм рассказал мне небольшую историю. Жил человек. Можно было бы сказать — как все, и тут не ошибешься. Но было в нем то ли чуть побольше мечты, то ли доброты, то ли еще какого-то качества, которое и делает человека человеком. Задумал он в голом песке, под голым солнцем, среди бескрайней пустыни у тонкой ниточки дороги вырыть колодец. Может, на память о себе, может, думая о подрастающих детях, а может, сочувствуя незнакомым путникам, изнуренным жаждой. А может, просто из-за того, что любил свой край — такой неприютный чужому глазу, но ему-то бесконечно родной. Пусть и другие полюбят его,— ведь он тоже может быть ласковым и добрым.

Словом, взялся человек за кетмень и лопату и добыл в пустыне животворную влагу. Выложил стенки колодца. Арычок прокопал. Мешками натаскал земли. Той, что могла принять нежный росток, взлелеять его, пока не войдет он в силу. Стал саженцы раздобывать. Иные издалека возил, за десятки и сотни километров — сотни километров пустыни. И вот возник сад. И раскинулись широкие кроны. И налились плоды под зелеными сводами. И стал этот крохотный уголок украшением земли и лучшим памятником тому человеку.

— Почему памятником? Наверное, какие-то другие слова есть. Памятник тут ни при чем. Жив же Бекмурад! Да он и сейчас, наверное, здесь. Пройдемте-ка к тому пруду, старика поищем...

Спутник мой оказался прав. Нам не пришлось долго искать. В облысевшей теплой шапке, выгоревшей синей куртке и с неизменной мотыжкой в руках старик оказался поблизости — прочищал какую-то канавку. Мы вежливо поздоровались, на айван в холодок присели. Каюм с Бекмурадом перекинулись какими-то фразами — старые знакомые. Я следил только за глазами старика: добрыми, ласковыми к другу и к незнакомому человеку... Дорога звала нас вперед, а время у всех дорого. Пришла пора расставаться и вновь уходить в пески. Садясь в машину, я записал в блокнот несколько строк: «130-й километр дороги Чарджоу — Керки. Бекмурад Велиев — Колодец Бекмурада». И еще. Прозвище Бекмурада — Косе, что значит Безбородый (хотя борода у старика в полном порядке). А редко кто не знает, что Косе у туркмен то же, что у нас Иванушка из сказок,— это воплощение доброты и смекалки при всей простоте и бесхитростности души. И подумал еще, какие хорошие люди водятся в числе знакомых моего спутника, с каким уважением относятся они друг к другу. Каюм здесь многим знаком, как и многие близки ему. Секрета тут особого нет. Каюм в этих местах родился, и знакомы ему здесь не только люди, но и каждый поворот дороги, каждый бугорок, каждый арык. За той вон развилкой дорога свернет на Каюмов аул...

«Голос моего аула — неумолчная песня Амударьи, сладчайшей из рек. Только раз в жизни, только один глоток отведайте из Амударьи, и вы не забудете ее вкуса. Но мой аул счастлив вдвойне, ибо его земли омывает и другая река, о которой ничего еще не ведал мой дедушка и дедушка моего дедушки, хотя они жили на этой земле, кормились этой землей, любили эту землю и находили на ней свое последнее успокоение. Эта великая река родилась на моих глазах, и зовут ее Каракумским каналом...» Такие строки написал о своей родине Каюм Тангрыкулиев, писатель, автор многих любимых детьми поэтических книжек, обладатель премии-диплома Х. К. Андерсена, лауреат Государственной премии республики имени Махтумкули.

...В селе уже ждали. Как положено, гостей с дороги напоили чаем, расстелили скатерть, чтоб подкрепиться. Пришел брат Каюма — той же красивой лепки голова, только еще седые борода и усы. Председатель пришел, много других старых приятелей Каюма, родственники, а их в селе чуть ли не сотня. И тоже, как положено, шли неторопливые разговоры о делах насущных, вспоминались прошлые дни... Из этого села когда-то уходил на учебу Каюм в свой первый город Керки. Он и нынче не поразит воображения своими размерами, да и по укладу жизни это скорее село, чем город. Но после небольшого аула деревенскому подростку было чему подивиться: и оживлению на улицах, и обилию домов, многие из которых не в один этаж, и обилию незнакомых лиц. Да и воображение рисовало мальчику: сидят горожане возле окон и белые булки с халвой едят. Людей с булками встретить не пришлось — шла война, и заботы в этом городе были те же, что и в родном селе.

Биография писателя крупицами рассеяна в его произведениях. Но если их все собрать, то получится не только прожитая писателем жизнь, а судьба целого поколения — поколения тех, кто встретил приход войны мальчишками, а заканчивал подростками, водившими тракторы и стоящими у станков, принявшими на свои плечи тяжесть работы ушедших на фронт... И хотя с тех пор прошло много лет, у известного писателя — интеллигента в первом поколении — есть законная гордость: он первым в селе получил высшее образование, окончил университет. Однако многому научил своих детей и его отец, хотя сам был неграмотным. Единственное, что он умел,— вывести свое имя Тангрыкули. После такого писания язык у него всегда был синий — прежде чем вывести букву, отец прикасался химическим карандашом к кончику языка... Да, много воды утекло. Хотя прошло меньше жизни одного поколения...

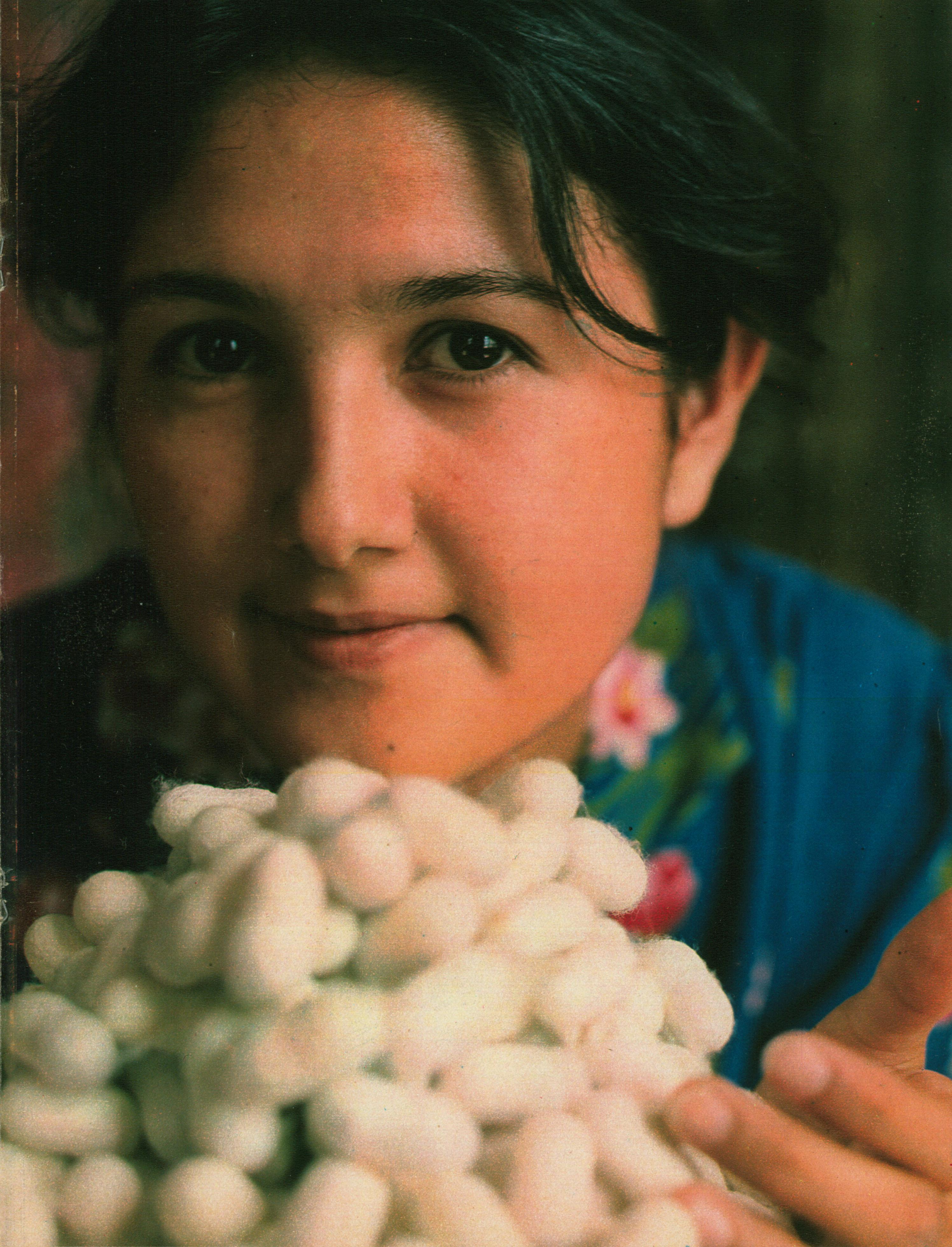
Жара стала спадать, солнце заметно склонилось к закату, и можно было продолжить путь. Засветло нам хотелось попасть на головные сооружения Каракумского канала, посмотреть на те ворота, через которые вода Амударьи устремляется на поля республики. Уже давно вокруг нас была не пустыня, а зеленеющие поля хлопчатника. Шел очередной полив. Блестящие канавки тянулись вдоль зе-

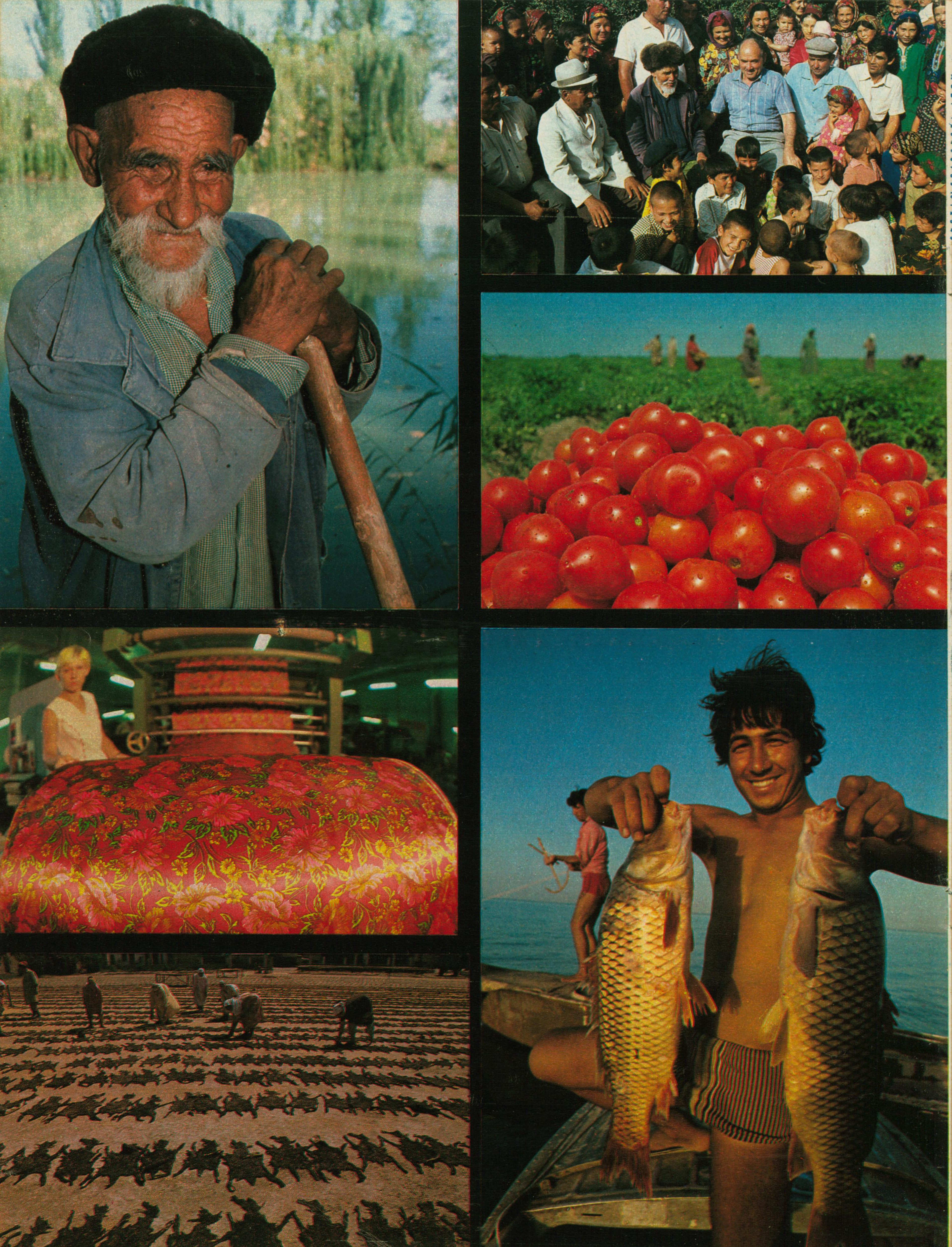
Пески Каракумов и вода Амударьи...

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Где по раскаленным пескам пролегали лишь верблюжьи тропы, встают промышленные установки — растет Нефтезаводск * А шелководство, которым занимается Рахатгуль Умарова,— традиционное занятие туркмен.

ИШЬ, АМУ?

леных рядков. Здесь и там виднелись фигуры хлопкоробов. Мужчины были одеты привычно, а женщины так убраны белыми одеждами, что неприкрытыми оставались только руки и глаза. Это мы, северяне, неуемно жадны до солнца. А тем, кому оно светит более трехсот дней в году, приходится остерегаться обжигающих лучей.

Вскоре машину сменил катерок. Мы неслись на первую встречу с Амударьей, великой рекой Аму!

Увидели мы ее утром. Колючее, резкое солнце заступило на свою дневную вахту. Ветер, союзник солнца, старательно выгонял остатки влаги из почвы, шершавым полотенцем стирал пот с наших лиц. Вода была под рукой, рядом, за бортом лодки, но от нее не веяло прохладой. Серо-желтые тягучие волны менее всего вызывали желание погрузиться в них. Казалось, в волнах этих меньше воды, чем глины и песка. Граница между рекой и берегом казалась условной: тот же тягучий серо-желтый песок вдоль воды. И то же вечное движение: берега сочатся струйками песка. Песок перетекает с места на место, с бугорка в ямку, с берега в реку. Неспешная эта работа всесильна. Если она и не может остановить и засыпать реку, то может изменить ее путь, развернуть ее потоки, указать ей новое русло. Недаром ведь несколько сотен тысяч лет назад Амударья текла совсем иначе. Спешила она тогда к Каспийскому морю. И шла примерно тем путем, каким в наши дни пролег великий канал. Да река и сейчас горазда если не повернуть вспять, то заметно вильнуть. И сколько ни плавают по ней здешние речники, а всякий раз приходится им заново привыкать, заново приноравливаться.

Широко разлила свои воды Амударья. От берега до берега глаз едва достает. И сумасшедшая скорость течения. Тысячи, а может, и миллионы кубометров, ворча, устремляются куда-то. Куда ты спешишь, Аму? Куда мчишься, неистовая? Куда гонит тебя твой неуемный нрав?

Как ни крут и ни своенравен характер реки, Амударья издавна служила людям дорогой, помогала торговым связям народов Средней Азии с другими странами. Многие века носила на своей спине Аму деревянные лодки — каюки. Длиною такая лодка бывала до трех десятков метров и могла принять груза до пятидесяти тонн. Немалое было суденышко, особенно если судить по старым временам. В носовой части каюка вмазывались котлы для приготовления пищи, под ними оборудовалось место для очага. Была и мачта с парусом на судне и весла. По течению ходили на веслах, а против воды тянули бечевой,— впрямь репинские бурлаки!

Богата история Аму. Еще Петр I интересовался возможностями вести торговлю с Востоком и посылал экспедиции, которые должны были изучить, в частности, и водные пути по Амударье и Аральскому морю. Экспедицию князя Черкасского уничтожил хивинский хан Ширгази. Не удалось выполнить царский приказ — «Завести на Аральском море пристани и вооруженные суда, открыть плавание для исследования моря и торговли» — и экспедиции Кириллова. Регулярное паровое судоходство возникает на Амударье лишь спустя сто с лишним лет. 27 апреля 1873 года русская эскадра, состоящая из двух пароходов и трех барж, входит в Амударью. В том же году пароходы стали совершать рейсы из Казалинска — базы флотилии на Сырдарье — через Аральское море в Амударью. Вот что писал корреспондент одной из газет в то время: «25 июля в 4 часа дня пароход «Перовский» пришел в Нукус, появившись неожиданно перед изумленными жителями города». Французский географ Элизе Реклю так прокомментировал это событие: «...пароход «Перовский»... в 1873 году успел проложить себе дорогу... С этой поры судоходство по Нижнему Аму никогда не прерывалось, несмотря на препятствия, встречаемые при входе в реку, и на быстрое течение, которое пароходы с трудом одолевают».

Развитие речного флота, постройка железной дороги в Чарджоу, образование русских населенных пунктов на Амударье, появление рабочего класса способствовали проникновению революционных идей в эти отдаленные районы. Водники вместе с другими рабочими принимают участие в революционном движении 1905 года. В 1917 году в Чарджоу создается Совет рабочих и солдатских депутатов, в составе которого и активисты-водники. А в первые же дни победы Октября в Чарджоу создается временный революционный комитет. Чарджоу становится советским городом.

Много дней прошло с той поры, много воды утекло. Изменился ли норов Великой реки за эти годы? Едва ли. Однако она исправно служит надежной транспортной артерией, связывающей братские республики Туркмению, Узбекистан, Таджикистан и Казахстан. По ней идут грузы в дружественный Афганистан. Мощные теплоходы, вместительные самоходные баржи, суда различных типов и предназначений бороздят воды Аму, заходят в ее порты. Среднеазиатское ордена Трудового Красного Знамени пароходство, которому недавно исполнилось шестьдесят лет, перевозит строительный камень и песок, минеральные удобрения и топливо, хлеб и хлопок, щебень, да мало ли еще что — миллионы, миллионы тонн ежегодно. И пассажиров, разумеется, перевозит. И делает еще десятки больших и малых дел — ремонтирует суда, строит жилье, поселки для своих работников. Трудится пароходство, одно из крупных в стране, значит, трудится Аму.

Но это лишь часть ее дел. Есть у нее забота иная и не менее важная — поить земли, к ней прилегающие, да и те, что отстоят от ее русла на сотни и даже десятки сотен километров. Почти через всю Туркмению прошел сын Аму — Каракумский канал имени В. И. Ленина. Одно из последних газетных сообщений: амударьинская вода по водоводу подошла к Небит-Дагу. Событие, важнейшее для города и прилегающих промыслов и поселков. Флагманом энергетики Туркмении является Марыйская ГРЭС имени 50-летия СССР, которая производит до семидесяти процентов всей электрической энергии, вырабатываемой в республике. ГРЭС входит в объединенную энергосистему Средней Азии и Казахстана. Туркмения питает энергией не только свои объекты, но и делится электричеством с соседями. Создание такой станции стало возможным не только потому, что поблизости были разведаны изрядные запасы природного газа — топлива электростанции, но и потому, что рядом уже был проложен канал. А для технологического цикла, для работы подобного сооружения требуется немало воды. Вся она после использования вернется обратно и будет так же годна и для поливов, и для питья, и для технических нужд.

Красивое, аккуратное сооружение — ГРЭС,— на территории которого разбиты газоны и сады, отражается в амударьинских водах, подведенных каналом. Во все стороны на голенастых опорах убегают отсюда провода — по сути, твои отдаленные веточки, Амударья! Несут они энергию и к отдаленным поселкам и к затерянным в песках буровым. Но тем же буровым одной этой энергии мало, нужна еще и вода. А вода эта опять же амударьинская. Меня не раз поражало, насколько наглядно здесь, в Туркмении, все взаимосвязано. Вода оживляет поля, осваиваются новые земли, на них возникают поселки. Поселки требуют, кроме той же воды, энергии, а поля — удобрений. Благо, в республике есть нефть и газ, соли и другое сырье. Энергию даст газ, удобрения будут производить заводы, поля станут давать людям больше хлопка и хлеба, кормов и бахчевых культур. С воды тут все начинается и ею же завершается. Вода тут — это сама жизнь.

...Мы едем с одного завода на другой. В Мары смотрели только что пущенный Туркменский завод азотных удобрений, который обеспечит республику аммиачной селитрой, столь необходимой для хлопка. А впереди нас ждет город-завод, который так и называется — Нефтезаводск. Путь наш не близкий, и, разумеется, через пески. И проходит он мимо уникального, возможно, единственного в мире пустынного заповедника — Репетек. В субботний день в дирекции научного подразделения пусто. В тени на крылечке поблескивает термометр. Все правильно: сорок шесть в тени. Жить можно! Вот в прошлом году этот термометр показал пятьдесят и две десятых градуса. Вот тогда, наверное, было совсем жарко. В коридоре конторы приятно, тут, пожалуй, не больше сорока.

...Кандидат географических наук, директор заповедника Сувхан Вейсов (разумеется, знакомый Каюма) поит нас чаем, рассказывает об уникальности места, в которое влюблен, а потом вывозит нас в пески. Вот здесь они настоящие, как на картинке,— сыпучие барханы. Стоят неподвижные горы мельчайшей земной тверди. Станешь взбираться вверх, а она, как эскалатор, несет тебя вниз. Увлекательнейшее занятие, если б только не жара.

А вот другая картинка, срисованная с пустыни. Солнце опускается к кромке голубой, хорошо отстоявшейся воды. Рыбаки с лодок вытягивают сети. И вот уже полупудовые золотые сазаны сверкают в умирающих лучах. Нет, это не мираж, не фантазия. Трудятся рыбаки на одном из водохранилищ канала — Хауз-Ханском.

Когда говорят о трудностях пребывания в пустыне, всегда ли помнят, что, испытывая все климатические неудобства, человеку нужно еще и дело свое делать? А это безмерно увеличивает и расход сил и напряжение воли... Когда посредине песчаного пекла возникает вдруг город, когда возле него ты замечаешь контуры возводимых цехов и технологических установок, трудно сказать, чего ты больше испытываешь: удивления или уважения перед создателями всего этого?

Чарджоуский нефтеперерабатывающий завод обязан своим рождением бурному развитию промышленности и сельского хозяйства восточных районов Туркмении и соседних областей Узбекистана и Казахстана. Завод будет производить не только бензин, керосин, дизельное топливо, но и каучук, эфирные масла. Потребность региона в этих продуктах растет с каждым днем. Конечно, строительство можно было бы развернуть и поближе к Чарджоу, а не здесь, чуть ли не в сотне километров от него, но тогда пришлось бы занимать плодородную землю, с большим трудом отвоеванную у Каракумов. Вот почему решили: пусть будет строить труднее, но в целом рациональнее...

И вот уже стоит город в пустыне. Есть в нем и современный торговый центр, профтехучилище, готовящее кадры для завода, есть плавательный бассейн и даже озеро, названное, как и большинство молодых озер в среднеазиатских городах, Комсомольским...

...И снова дорога, и снова Каюм за рулем, и снова неизменный термос, наполненный ароматным горячим чаем, выручает нас. Сейчас мы простимся с Амударьей и повернем на запад. Великую эту реку сравнивают с могучим деревом. Русло ее — ствол, отходящие каналы — ветви.

Я смотрю на Каюма. Он сосредоточен за рулем. О чем он думает? О дороге? Конечно, о дороге. Но, наверное, не только о той, по которой едем, но и о той, что прошла республика — его родная Туркмения — за шесть десятков лет. Неполный срок одной человеческой жизни — гигантский срок, если измерять его содеянным...

Ашхабад — Чарджоу.

«Колодец Бекмурада» — так называют оазис, который разбил в пустыне Бекмурад Велиев ❊ Шелковые узоры и ... узоры каракуля ❊ Писатель Каюм Тангрыкулиев приехал в родное село ❊ Щедры напоенные пески ❊ Золотой сазан не сказка, а каракумская быль.

Бен ХЕКТ

РАССКАЗ

ЧУДО ПЯТНАДЦАТИ УБИЙЦ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Профессиональные совещания медиков всегда окружены ореолом некой таинственности. Можно только гадать, не вызвана ли эта таинственность, которой коллеги окружают свои собрания, стремлением скрыть от непосвященных, что им известно в своей науке, а что нет. Ведь любой ответ на этот вопрос был бы неприятен той бессмертной морской свинке, на которой под предлогом, что ее скорее лечат, нежели эксплуатируют, испытывают всевозможные препараты, скальпели и магические заклинания.

Среди самых загадочных собраний медиков нашего поколения были совещания в Нью-Йорке группы именитых врачей, называвшейся «Клубом Икс». Раз в три месяца эти эскулапы собирались в отеле «Уолтон», в зале с видом на Ист-Ривер, где за закрытыми дверями, подальше от глаз досужих журналистов, до зари занимались каким-то неизвестным делом.

Что там, на этих конклавах, происходило в течение двадцати лет, не знал никто, даже сам вездесущий президент Американской медицинской ассоциации, а уж о коллегах и женах членов «Клуба Икс» и говорить нечего. Умение хранить тайну высоко развито среди врачей, которые, даже когда им нечего скрывать, зачастую столь же немногословны, как какой-нибудь идущий на дело бандит.

Откуда же в таком случае известна мне история этих столь долго остававшихся тайной заседаний? Ответ прост: война. Война положила им конец, как и почти всем другим тайнам, кроме своих собственных. Мир, занявшись переоценкой ценностей, захлопнул двери перед менее значительными вещами. Девять из пятнадцати мудрецов медиков, входивших в «Клуб Икс», надели офицерские мундиры и заведуют прифронтовыми госпиталями. Другие по возрасту и состоянию здоровья остались дома, но работы и им прибавилось.

— Раз уж наше общество распалось,— сказал мне как-то за обедом доктор Алекс Хьюм,— и вряд ли когда соберется снова, я не вижу, какой смысл в том, чтобы хранить нашу тайну. Воображение у вас детское, романтическое, и история, которую я вам расскажу, возможно, вызовет у вас отвращение. Вы наверняка сляпаете из нее какую-нибудь сатанинскую сказку, а глубоко человеческую и научную сущность «Клуба Икс» упустите. Впрочем, не мне реформировать беллетристику, которая правде предпочитает сентиментальность, а Галилею — Золушку...

И все в таком роде. Остальную часть прелюдии моего всезнающего друга я опускаю. Вы, возможно, читали многочисленные труды доктора Хьюма относительно того, какие номера выкидывает порой подсознание. Если да, значит, вы хорошо знаете этого лысого титана. Если же нет, тогда вот вам мое слово: он гений. Я не знаю никого, кто был бы более искусен в умении гарцевать в дебрях солнечного сплетения, откуда, похоже, и берут начало всякая путаница и невежество в мире. Он также, если есть сомнения в его величии, обладает презрительно-самодовольной усмешкой, этим боевым кличем психолога самой высшей марки. У него круглое лицо, а губы так и застыли в гримасе недоверия и противоречия. Стоит вам однажды обнаружить, до чего же это мерзкая и гадкая трясина — человеческая душа, как вам уже нипочем не избавиться от подобного выражения лица. Как большинство работающих в потемках, мой друг без своих очков с массивными стеклами, что называется, «слепая курица». И, подобно многим ведущим психиатрам, своей фигурой с брюшком он напоминает коротышку Наполеона.

Последняя драматическая встреча членов «Клуба Икс» состоялась дождливым мартовским вечером. Пришли, несмотря на плохую погоду, все его пятнадцать членов — предстояло принять в общество нового собрата, что придавало этому заседанию дополнительный интерес.

Подготовить неофита к дебюту поручили доктору Хьюму. И именно вслед за этим исцелителем душ человеческих и вступил доктор Сэмюэл Уорнер в святая святых «Клуба Икс».

Для гения медицины — во всяком случае, общепризнанного — доктор Уорнер был слишком молод. И избрание его членом «Клуба Икс» было самым большим признанием тех чудес, которые он творил, вооружившись хирургическими инструментами. Ведь четырнадцать старших его коллег, пригласивших его в свой круг, были ведущими специалистами в различных областях. Они были, что называется, медицинской знатью. И это вовсе не означает, что о них было широко известно обыкновенным смертным. Известность в медицинской профессии сравнима в лучшем случае с цветением весной эдельвейсов на горной вершине — они цветут, а их почти никто не видит. Война, которая предлагает свои волшебные щиты для рекламы тщеславия мелких душонок и преобразует жажду широкой известности в жертвенно-патриотический пыл, до сих пор не потревожила анонимности этих великих медиков. Они передвинули свои шатры на линию фронта и под их прикрытием заняты употреблением своих знаний на пользу раненым.

Новый собрат оказался взволнованным человеком с симпатичным лицом, в его темных глазах горел огонек напряженной умственной работы. Его широкий рот раскрылся в быстрой неопределенной улыбке — так частенько улыбаются хирурги, добивающиеся того, чтобы их внешние реакции не мешали внутренней сосредоточенности.

Обменявшись приветствиями с этими выдающимися членами клуба — а среди них была добрая половина тех живых героев, которых он боготворил,— доктор Уорнер уселся в уголке и вежливо отказался от предложенных ему хайбола, коктейля и бренди. Лицо его оставалось взволнованным, атлетическое тело напряглось на стуле, как будто он приготовился к спринту, а не к заседанию.

В девять часов доктор Уильям Тик распорядился закончить ужин и объявил пятьдесят третье заседание «Клуба Икс» открытым. Сей почтенный диагност устроился за столом в конце этой изысканно украшенной залы и устремил пристальный взгляд на сидевших перед ним.

Свои семьдесят пять лет доктор Тик поделил поровну между тем, что, с одной стороны, рекламировал искусство медицины, а с другой — делал все возможное, чтобы его искоренить,— таково, во всяком случае, было впечатление тысяч студентов, которые на себе испытали, что значит быть под началом этого желчного человека. Являясь профессором одного крупного медицинского колледжа на востоке страны, доктор Тик предпочитал педагогическую теорию «обучения посредством оскорбления». Было немало видных докторов, которых до сих пор коробило, когда они вспоминали, какие оценки давал старый, артритичный, сутулый Тик с желчным взглядом их зарождающимся талантам, и которых до сих пор бросало в дрожь при одном воспоминании о его «философии медицины».

«Медицина,— доверительно сообщал доктор Тик одному поколению студентов за другим,— это благородная мечта и в то же время самое древнее выражение заблуждения и идиотизма, какое только известно человеку. Разрешение загадок Вселенной не породило столько бесплодных теорий, как проникновение в тайны человеческого тела. Когда вы мните из себя ученых, я хочу, чтобы вы постоянно помнили о том, что все, чему вы учитесь у меня сегодня, завтра, возможно, будет считаться наивным лепетом жалкой кучки аборигенов от медицины. Несмотря на все наши труды и успехи, медицинская наука по-прежнему пребывает где-то посередине между определением места, пригодного для ловли форели, и сочинениями о призраках».

«В медицинской практике есть два препятствия,— упорно твердил Тик все сорок лет своего профессорства.— Первое — это извечное шарлатанство со стороны пациента, который прямо напичкан несуществующими болезнями и воображаемыми страданиями. Второе — это элементарная неспособность человеческого разума, будь то медик или любой другой, беспристрастно наблюдать и с умом использовать полученную информацию, не позволяя собственному самодовольству загубить все вконец, а главное, употреблять эту мудрость без всякого тщеславия».

И вот теперь, сидя за своим столом, воззрившись на собравшихся в зале «несмышленышей» и дождавшись, когда установится тишина, как в аудитории, он повернулся к застывшему в напряжении красивому доктору Уорнеру.

— Сегодня среди нас находится новый гений медицины,— заговорил он,— которого я хорошо помню еще по тем дням, когда он не был знахарем. Увеличенная щитовидная железа с признаками расстройства функции почек. Но не без таланта. Ради вашего же блага, Сэм, я расскажу вам о целях и задачах нашей организации.

— Я уже сделал это,— заметил доктор Хьюм,— причем довольно подробно все объяснил.

— Объяснения доктора Хьюма,— холодно продолжал Тик,— если они такие же, как его печатные труды, почти наверняка ошеломили вас, чтобы не сказать, сразили наповал.

— Я вполне его понимаю,— сказал доктор Уорнер.

— Как бы не так,— возразил Тик.— Вы всегда питали слабость к психиатрии, и я не раз указывал вам на это. Психиатрия — это заговор против медицины.

— Вы совершенно правы,— при этих словах доктор Хьюм лукаво улыбнулся.

— Позвольте же мне,— гнул свое Тик,— по-

яснить, что бы там наш ученый коллега Хьюм ни пытался рассказать вам.

— Если уж вам так хочется понапрасну тратить время.— Новый член улыбнулся и отер шею носовым платком.

Доктор Фрэнк Россон, этот выдающийся и не менее величественный гинеколог, хихикнул.

— Тик сегодня в ударе,— шепнул он Хьюму.

— Старческий маразм в сочетании с садизмом,— ответил Хьюм.

— Доктор Уорнер,— продолжал педагог,— собрания членов «Клуба Икс» преследуют одну интересную цель. Они собираются каждые три месяца, чтобы исповедаться в убийстве, которое тот или иной из них совершил со времени нашей последней встречи. Я, разумеется, веду здесь речь о медицинском убийстве. Хотя, вероятно, выслушав признания одного из нас в убийстве, совершенном в пылу страсти, а не по причине собственной глупости, мы бы испытали несомненное облегчение. Нет, в самом деле, доктор Уорнер, если вы недавно убили жену или укокошили дядюшку и хотели бы скинуть груз с души, мы с почтением вас выслушаем. Само собой разумеется, ничто из сказанного вами не станет достоянием полиции.

Старый Тик помолчал, увидев, что новичок еще больше встревожился.

— Я убежден, что вы не убили никого из своих родственников,— вздохнул он,— и что вы никогда этого не сделаете, разве что из чувства долга. Наш ученый коллега Хьюм,— продолжал он,— наверняка толковал об этих наших форумах с точки зрения психиатрии — исповедь, мол, облегчает душу. Все это чепуха. Мы собираемся здесь не для того, чтобы облегчать наши души, а для того, чтобы совершенствовать их. Подлинная цель наших собраний преследует научные задачи. Мы создали это общество потому, что не смеем публично признаться в своих ошибках, потому, что мы настолько знамениты и учены, что не можем допустить, чтобы нас критиковали неученые профаны, потому, наконец, что нечеловеческое совершенство, на которое мы притязаем, вредно для наших слабых человеческих натур. Это единственная медицинская организация в мире, члены которой похваляются только своими ошибками.

Ну, а теперь,— Тик улыбнулся неофиту,— позвольте мне дать определение тому, а что же мы считаем настоящим, отменным, профессиональным убийством. Это умерщвление человеческого существа, которое доверчиво отдало себя в руки врача. Имейте в виду, смерть пациента сама по себе еще не убийство. Нас интересуют только те случаи, когда доктор убил пациента, поставив неправильный диагноз либо же прописав заведомо не то лечение или операционное вмешательство, без каковых пациент жил бы себе да поживал.

— Хьюм мне все объяснил,— нетерпеливо пробормотал новый член, затем возвысил голос: — Присутствовать на таком собрании большая честь для меня, и я понимаю, что могу многому научиться у моих именитых коллег, если буду слушать, а не говорить. И все же я должен сделать весьма важное сообщение.

— Убийство?— спросил Тик.

— Да,— ответил новичок.

Старый профессор кивнул.

— Очень хорошо,— сказал он.— И мы с удовольствием вас выслушаем. Но в списке дел, назначенных к слушанию, у нас несколько убийц раньше вас.

Новый член ничего не ответил. Он сидел как будто аршин проглотил. Именно тогда кое-кто из присутствующих, в том числе Хьюм, заметил, что в напряженности молодого хирурга, кроме страха перед первым выступлением, есть и что-то еще. Все были убеждены, что в Сэме Уорнере, пришедшем на свое первое заседание в «Клубе Икс», происходит какая-то загадочная борьба.

Доктор Филип Кэртифф, видный невролог, положил ему руку на изгиб локтя и спокойно сказал:

— Не надо расстраиваться из-за того, что вы собираетесь нам рассказать. Мы все довольно хорошие медики, а, уверяю вас, мы совершали ошибки и похуже, что бы там у вас ни было.

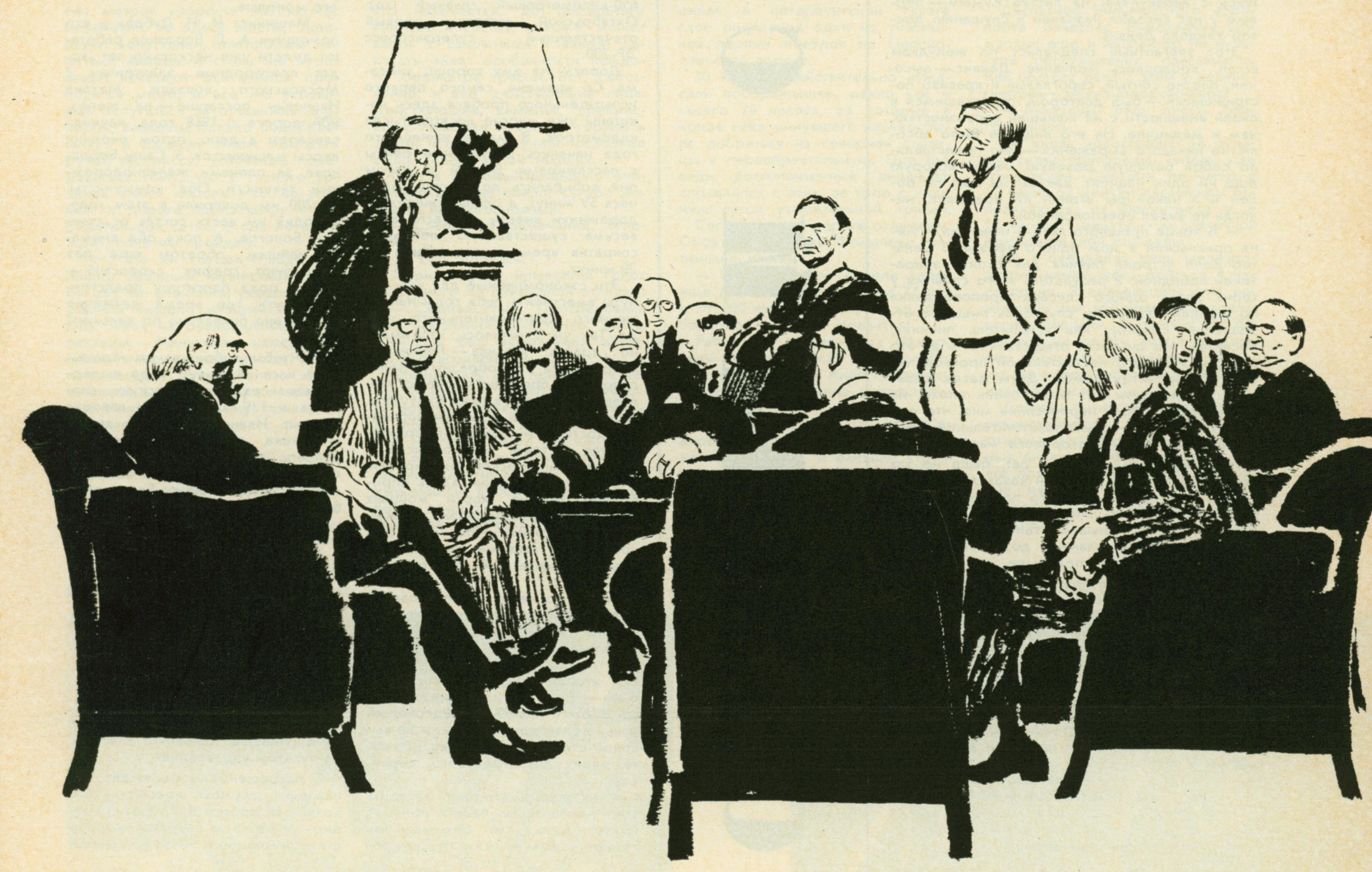
— Попрошу потише,— потребовал старый Тик.— Здесь не санаторий для врачей с комплексом вины. Это клиника ошибок. И мы будем продолжать заправлять ею в упорядоченной манере. Нравится вам держать Сэма Уорнера за руку — держите, это ваша привилегия. Но делайте это молча.

Он вдруг одарил нового члена лучезарной улыбкой.

— Признаюсь,— продолжал он,— мне больше всех не терпится услышать, как же это вышло, что такой великий всезнайка, как наш молодой друг доктор Уорнер, взял да и угробил одного из своих пациентов. Но наше любопытство придется пока смирить. Поскольку пятерых из вас не было на предыдущем заседании, я полагаю, что ради вашего же блага следует повторить признания доктора Джеймса Суини.

Доктор Суини встал и обратил горящие на скорбном лице глаза к пятерым отсутствовавшим.

— Ну,— заговорил он монотонным голосом занятого человека,— один раз я уже рассказывал, но могу повторить. Я послал пациента в рентгенокабинет пройти флюороскопию. Мой ассистент, дав ему выпить раствор бария, поставил его перед аппаратом. Через минуту туда вошел я и, увидев пациента на экране, заметил своему ассистенту, доктору Крочу, что это же просто удивительно — я никогда не видел ничего подобного. Кроч был слишком поглощен зрелищем, чтобы подтвердить мои слова. Весь кишечный тракт от пищевода и ниже был словно сделан из камня — вот что предстало моему взору. Изображение у меня на глазах становилось светлее и четче. Са-

мым страшным в данной ситуации было то, что мы оба понимали, что уже ничего не поделаешь. Более того, у доктора Кроча даже проявились весьма определенные признаки истерии. Мы с ним все смотрели, а у пациента уже появились симптомы смерти. Она не заставила себя ждать, и он грохнулся на пол.

— Ну, черт меня дери!— вскричали в один голос двое-трое из отсутствовавших.

А доктор Кэртифф добавил:

— И что же это было, черт возьми?

— А ничего особенного,— ответил Суини.— На дне стакана, из которого мы дали пациенту раствор бария, был запекшийся осадок. Мы напоили пациента гипсом. Давление, вероятно, вызвало мгновенный разрыв сердца.

— Боже милостивый!— воскликнул новый член.— И как же гипс попал в стакан?

— Ошибка фармацевта,— мягко сказал Суини.

— А что же было с пациентом — если с ним вообще что-нибудь было,— прежде чем он рискнул прийти к вам?

— Вскрытие показало в основном затвердевший кишечный тракт,— сказал Суини.— Но, судя по некоторым признакам, мне кажется, что у пациента была небольшая предрасположенность к пилорическому спазму, который вызывал икоту, из-за чего его и направили ко мне.

— Прямо-таки литературное убийство,— заметил старый Тик.— Своего рода Пигмалион наоборот.

Старый профессор помолчал и устремил свои покрасневшие глаза на Уорнера.

— Кстати, прежде чем мы пойдем дальше,— сказал он.— Пожалуй, пора сообщить вам полное название нашего клуба. Оно следующее: «Икс — символ невежества». Мы, разумеется, предпочитаем пользоваться сокращенным названием, как более светским.

— Ну, разумеется,— сказал новый член, и лицо его, казалось, покраснело еще больше.

— А теперь,— объявил старый Тик, сверившись с каракулями на листке бумаги,— первым у нас сегодня назначен к слушанию доктор Уэнделл Дейвис.

Этот элегантный специалист по желудкам встал, воцарилось молчание. Дейвис — высокий, плотно сбитый, сероглазый и красиво постриженный — был доктором, относившимся к своей внешности с не меньшей серьезностью, чем к медицине. На его лице не было абсолютно никакого выражения — оно представляло собой большую розовую маску, которую еще ни один пациент, как бы ни был он болен и в какой бы агонии ни пребывал, никогда не видел обеспокоенной.

— В конце прошлого лета,— начал он,— меня пригласили в дом одного рабочего. Сенатор Белл устроил пикник для своих избирателей победней. В результате этого события у троих детей одного слесаря-паропроводчика по фамилии Хоровитц случилось пищевое отравление. Сенатор, как устроитель пикника, посчитал, что он несет ответственность за это дело, и я по его настоятельной просьбе поехал к Хоровитцу домой. Двум детям девяти и одиннадцати лет было очень плохо, их сильно рвало. Мать перечислила мне, что они трое съели — что-то умопомрачительное. Я дал им хорошую дозу касторового масла.

Третьему, мальчику семи лет, было не так плохо, как двум другим. Он казался бледным, у него был легкий жар, его поташнивало, но не рвало. Казалось очевидным, что и он отравился, но в меньшей степени. Соответственно я прописал равную дозу касторки и младшему — от греха подальше.

Посреди ночи мне позвонил отец — его беспокоило состояние семилетнего. Двум другим детям, сказал он, значительно лучше. Я посоветовал ему не беспокоиться — просто у младшего процесс отравления проходит с некоторым опозданием, но утром ему, несомненно, станет лучше и он наверняка выздоровеет, как и его сестра с братом. Положив трубку, я чувствовал себя очень довольным собой — ведь я предугадал состояние младшего и в качестве профилактики прописал касторовое масло.

Перевели с английского
В. ПОСТНИКОВ и Н. ГАБОЛАЕВ.

Окончание следует.

САМЫЙ СКОРЫЙ

Олег ПЕТРИЧЕНКО

Фото Ю. ЩЕННИКОВА

...Серебристо-голубой, обтекаемый, внешне он чем-то напоминает огромный, приготовившийся к разбегу самолет. И в салоне, усаживаясь в глубокое, похожее на авиационное кресло, невольно ищешь страховочный ремень.

Но... Тихонько уплывает назад платформа Московского вокзала, едва заметно постукивают колеса на стрелках, и минут через пять естественное ожидание каких-то непривычных ощущений уступает место легкому разочарованию: поезд как поезд, разве что движется помягче да чуть побыстрей обычного.

Чуть... Отрываю взгляд от окна, за которым тают силуэты последних новостроек Ленинграда и... глазам не верю: электронное табло на стене бесстрастно высвечивает цифру 170 км/час! И чем дальше от города, от хитросплетения всяческих подъездных к нему путей, тем быстрее пляска зеленых цифр на табло, пунктуально фиксирующего всевозрастающую скорость.

Вот так — с места в карьер, без разбега и рывков устремился в 650-километровый главный ход Октябрьской магистрали первый отечественный суперэкспресс ЭР-200.

Дорога эта ему хорошо знакома. Со времени самого первого испытательного пробега здесь накатаны уже многие десятки тысяч километров. В марте нынешнего года начались регулярные рейсы с пассажирами. Весной и летом они добирались до столицы за 4 часа 59 минут, а осенью железнодорожники внесли в расписание весьма существенную поправку, сократив время поездки еще на 20 минут.

Эти сэкономленные для нас минуты вместили в себя годы напряженного подготовительного труда. Так уж сложилось, что именно трасса Москва — Ленинград давно стала своеобразным полигоном, где проходит проверку железнодорожная техника будущего. Здесь постоянно, с учетом последних достижений науки, модернизируются системы энергообеспечения, автоматической блокировки, сигнализации и связи; здесь опробованы многие марки мощных скоростных электровозов, специальных вагонов. Новинкой был когда-то и ставший теперь привычным «бархатный», бесстыковой путь.

Лететь по нему (иного слова не подберешь) одно удовольствие. В вагоне уютно, тихо, проводник Светлана Морева разносит свежие газеты, журналы. К услугам тех, кто хочет подкрепиться, два бара — в начале и в конце состава. В книге жалоб и предложений только благодарности: «... и на высокой скорости вы высоко держите марку ленинградского сервиса!»

А за окнами убегают за горизонт темнеющие леса и поля. И, право, жаль, что безымянными остаются для многих пассажиров деревеньки и даже города, мимо которых проносится (названий не успеваешь прочитать!) наш суперэкспресс. Хорошо бы иметь под рукой путеводитель или краткую брошюру об истории Любани, Малой Вишеры, Калинина... Или взять биографию самой дороги. Не так давно здесь торжественно отметили 40-летие первого рейса «Красной стрелы» после полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады. Еще бушевали бои, позади нарядных голубых вагонов была прицеплена платформа с пулеметом, но железнодорожники сделали все возможное, чтобы пассажиры хоть на несколько часов забыли о войне: проводники разносили крепкий чай, в буфете можно было купить давно забытые сливочное масло, шоколад, конфеты.

Мне посчастливилось познакомиться с Татьяной Ильиничной Петровой — кочегаром паровозной бригады того памятного рейса. Пассажиры отдыхали, а ей, двадцатилетней девчонке, пришлось перекидать в топку 15 тонн угля, чтобы поезд вовремя дошел до станции Бологое...

Не только скоростью должна запомниться поездка на ЭР-200! Впрочем, это, пожалуй, единственное замечание, а точнее, предложение. Все остальное продумано до мелочей, в чем немалая заслуга дружного коллектива проводников, возглавляемого опытным бригадиром А. Н. Вельским. В его подчинении в основном молодежь, и это примечательная черта нового поезда — осваивают его молодые.

...Машинист М. И. Дубров и его помощник А. Л. Боровков работают вместе уже несколько лет, водят пригородные электрички с Московского вокзала. Михаил Иванович постарше — на железной дороге с 1968 года, начинал слесарем в депо, потом окончил курсы машинистов. У Саши Боровкова за плечами железнодорожный техникум. Оба коммунисты. ЭР-200 им доверили в этом году. Сегодня им вести состав от станции Бологое. А пока оба внимательнейшим образом еще раз штудируют график скоростей — своего рода партитуру предстоящего пути, где время движения рассчитано буквально по километрам.

— Чтобы добраться до Москвы за 4 часа 39 минут, надо выдерживать среднетехническую скорость в 139,742 км/час,— говорит Михаил Иванович.— Саша вроде штурмана, подскажет мне, где убавить, где прибавить. Ну а, в общем, запас хода у поезда немалый, скоро можно будет прибывать в столицу и быстрее.

— Какова максимальная скорость ЭР-200?

— На испытаниях развивали и 220 км/час.

— Ну и как чувствуете себя, когда «забираетесь» за двести?

— А как вы себя сейчас чувствуете?— улыбается Дубров.

— Нормально, а что?

— Посмотрите на табло.

206!!!

Да, в пассажирском кресле особой разницы между 180 и 200 уже не ощущаешь. Каково-то впереди, за пультом управления?

С разрешения заместителя начальника службы локомотивного хозяйства дороги В. П. Рютина занимаем места за спинами машиниста и помощника. И тут-то начина-

ЭР-200 в Ленинграде на Московском вокзале.

ются главные впечатления: если за облаками на высоте 9—10 тысяч метров скорость 900 км/час незаметна, то здесь мосты, переезды, полустанки, платформы налетают вихрем и столь же мгновенно исчезают. Все мчится, проносится мимо, и все же успеваешь испугаться за отчаянных пионеров, слишком близко подобравшихся к насыпи, чтобы помахать рукой экспрессу; успеваешь порадоваться тому, что у глупого хозяина умная корова — он ее толкает к дороге через дыру в оградительной сетке, а она не идет, ждет, пока мы проедем.

Нет, что ни говори — надо обладать немалым мужеством, чтобы вот так спокойно, уверенно управлять бешено мчащимся составом, имея на размышления доли секунды. Минутами измеряется самое напряженное время взлета — посадки современного авиалайнера; здесь похожее напряжение каждому экипажу приходится выдерживать по два с лишним часа.

М. И. Дубров и А. Л. Боровков сменяют за пультом своих коллег и ровесников С. П. Копылова и С. В. Костюничева. Все четыре часа в кабине машинист-инструктор Олег Васильевич Малиновский. Он «ветеран» ЭР-200, изучил его, что называется, до последнего винтика, а состав, похоже, может вести с закрытыми глазами: наизусть знает особенности каждого километра трассы. Вот, собственно, и все действующие лица. Действующие, заметим, прекрасно, с немалым чувством гордости за то, что им поручено освоение столь совершенной техники.

Тихо в кабине. Предельно внимательны лица, диалог сугубо деловой, немногословный:

— Слева без замечаний. Зеленый.

— Есть зеленый.

Периодически врывается голос дежурного по очередной станции:

— Семнадцатый! Проследовали без замечаний. Счастливо ехать.

— Есть без замечаний, спасибо,— благодарит Саша.

Благодарить ему приходится часто, благо есть за что — все участки дороги к приему суперэкспресса подготовлены отлично.

А на табло снова 200 км/час.

«...вы сидите в вагоне спокойно, вы не замечаете той быстроты, ужасающей воображение, только ветер свистит, только конь пышет огненной пеною, оставляя за собою белое облако пара» — так почти полтора столетия назад описывал в петербургской газете свои ощущения один из участников первых поездок по Царскосельской дороге.

30 км/час действительно «ужасали воображение», равно как и «всего 20 часов», за которые в конце века минувшего можно было добраться из северной столицы в первопрестольную. Еще бы, ведь достопочтенный дилижанс справлялся с этим за трое с лишним суток утомительной тряски.

Сегодня мы в дороге отдыхаем. Софья Иосифовна Фомичева, например, вяжет.

— В первый раз ездила здесь еще до войны. Сейчас мне 77 лет и ЭР-200 выбрала специально, любопытно сравнить. Нравится!

Работники объединения «Ижорский завод» Николай и Лариса Ермоленко с дочкой Аней собрались погостить на Украине у родственников.

— Наш поезд на Новгород-Северский отправляется с Киевского вокзала в 19.10, и раньше, чтобы успеть на него, приходилось выезжать из дому почти за сутки. А сейчас потери на пересадку свелись к минимуму — в Москве переберемся с вокзала на вокзал и дальше. Удобно.

Диспетчер Вильнюсского аэропорта Вячеслав Николаевич Цимаркин еще и инспектор по культуре обслуживания пассажиров. Как обстоят дела с этим у «конкурентов» — железнодорожников?

— Молодцы! Буду писать благодарность.

...И вновь новостройки за окнами, снова пригороды. Теперь уже московские. Смотрим на часы: в 12 часов 52 минуты пассажиры отправляются из Ленинграда и в 17 часов 31 минуту — на столичной Комсомольской площади!

Ну а очередная цель железнодорожников — весь рейс за 4 часа ровно. В серьезности этих намерений мы убедились во время нашей поездки. В Москву ЭР-200 прибыл на десять минут раньше, чем обещано в расписании, затратив на дорогу всего четыре с половиной часа!

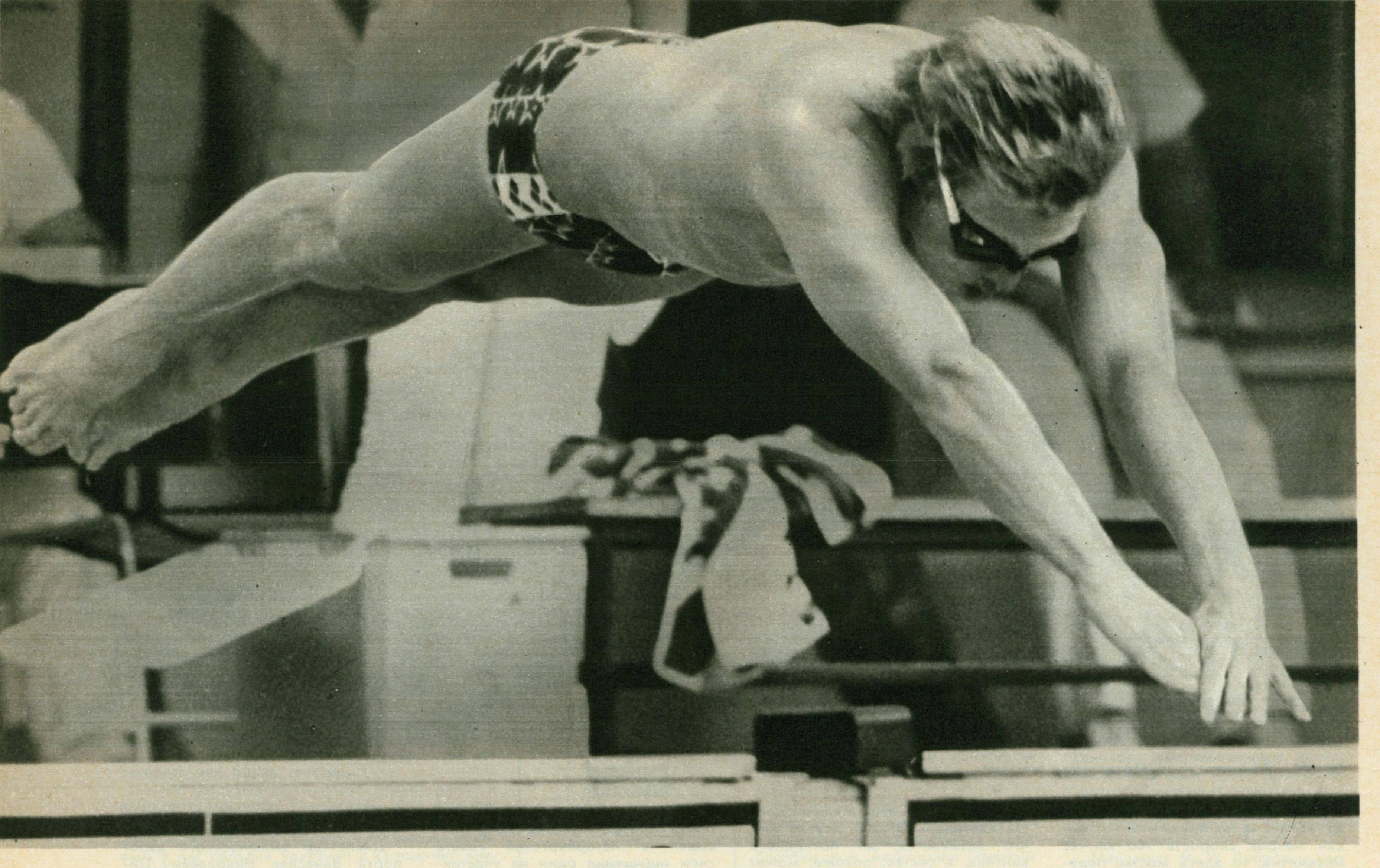
Добавим, что, используя опыт суперэкспресса, по ускоренному графику пошли и другие фирменные дневные поезда. За шесть часов преодолевают теперь расстояние между двумя крупнейшими городами страны «Аврора» и «Ленинград».

В вагоне суперэкспресса уютно, тихо...

Довольны поездкой жители Махачкалы супруги Мамиловы.

Старт. Фото Ю. Моргулиса

НЕЛЕГКАЯ ВОДА

Владимир САЛЬНИКОВ

ЗАПИСКИ ПЛОВЦА

IV

Одна из многих увлекательных возможностей большого спорта — путешествия. Теперь трудно сосчитать города и страны, где удалось побывать благодаря поездкам на различные соревнования и турниры, встречи и учебно-тренировочные сборы. У летчиков и стюардов есть даже знаки отличия за многотысячные перелеты. Нам же, спортсменам, это в зачет не идет.

Мой первый, самый дальний маршрут — авиационный: Ленинград — Ереван. Мы прилетели в Армению, и склоны Кавказа в моем представлении приобрели новые краски. То, что было хорошо знакомо по поездкам в Адлер и Сочи, напрочь отсутствует в ландшафте тех мест, где приютилась отличная учебно-тренировочная база Спорткомитета.

Два плавательных бассейна, один из которых, 50-метровый, позволит в любое время года проводить полноценные тренировки в условиях среднегорья. Построенная в канун Олимпиады 1968 года для специализированной подготовки,— Игры, как известно, проходили в Мехико на высоте 2200 метров,— база и сегодня служит верой и правдой не только ведущим спортсменам страны, но и тысячам поклонников отдыха в горах.

Окончание. См. №№ 46—48.

Оказались мы в Цахкадзоре летом 1975 года. Ребята в группе Кошкина повзрослели. Я имею в виду Горелика, Русина, Грибанова... По мнению Сергея Михайловича Вайцеховского, он тогда был старшим тренером сборной, именно кому-то из них стоило побывать в Кали на чемпионате мира. Прокатиться за опытом. Говорилось все так, словно этот экзотический город находится не в Колумбии, а где-то недалеко от Еревана.

Кандидаты ходили задрав нос и сторонясь нас, еще не доросших до главной команды страны, заговорщицки обсуждали предстоящий перелет, а я с грустью чувствовал себя в этой компании белой вороной. В свои 15 лет мне тогда не приходилось пересекать государственную границу ни по воздуху, ни по земле.

Тренировался я в те дни с удвоенным энтузиазмом (никогда не говорю, что с удвоенной силой: сил трачу ровно столько, сколько требует программа). Но вот, что касается эмоционального настроя, то здесь можно себя не ограничивать. Видимо, тренеры сборной заметили мое старание, а Кошкин не стал опровергать общее мнение. И вот подходит ко мне Игорь Михайлович и говорит, глядя куда-то поверх не только моей головы, но и тех гор, что окаймляют Цахкадзорскую базу:

— Тут тебя за старание планировали в ЧССР послать, но ты не поедешь. Я за тебя отказался...

Я думал, земля из-под ног уйдет, а солнце перестанет светить. Я замер, боясь хоть одним жестом показать Кошкину свою растерянность.

...Как-то после очередного дальнего странствования отца по морям я услышал историю одного его плавания. Пришли они к незнакомым берегам, встали на рейде. Предстояли разгрузка и погрузка. Каждый волнуется, подгоняет парадную форму в надежде на выход в порт. Работа закончена. Погода блеск: солнце, безветрие. День прошел, другой, а на берег выбраться так и не удалось. Неужели и мне не удастся выйти на берег?

— Ты не переживай,— утешал меня Игорь Михайлович,— мы сегодня улетим в Кали, а ты поживешь пару дней в Цахкадзоре с Толей Смирновым. План тренировок я вам оставлю, а через две недели поедешь со сборной в Швейцарию, в Женеву,— и улыбнулся, заметив мою растерянность.— Смотри, только в Женевском озере не выкупайся, вода там холодная, простудишься...

Все наши улетели, а мы с Толей остались. Два дня все шло, как при Кошкине. Утром прогулка, затем завтрак. Занятия в зале и в воде строго по плану. Свободного времени практически нет.

Тогда два дня без тренера показались мне крайне трудными. Плывешь где-то десятый километр, еле терпишь, а чужой тренер, которого попросили проследить за двумя мальцами, прохаживается по бортику или сидит под тентом. Приходилось терпеть, но те памятные тренировки прошли успешнее, чем ожидалось.

В Женеву на чемпионат Европы первые номера нашей юношеской команды прибыли в роли фаворитов, каждый заранее знал, сколько медалей ему достанется в предстоящих заплывах. Я же не знал, что меня ждет. В плане

Кошкина стояли высокие результаты, которые я должен был показать на 400 и 1500 метров. Увы, тренерскую задачу я не выполнил, хотя медали и получил: бронзовую — за 400 метров, серебряную — за 1500. Что и говорить, 16.40,00 на 1500 метров были ниже юношеского рекорда страны.

Обычно, находясь за рубежом, мы после завершения соревнований через день-два возвращались в Москву. Но бывало и так, что вся команда или группа пловцов переезжала в другую страну и вновь выходила на старт. Такие турне крайне тяжелы как физически, так и психологически. Порой сказывалась усталость, появлялась ненужная раздражительность, сонливость, не говоря уж о снижении работоспособности. Удержать себя на уровне необходимой кондиции не так просто. Вот и прошлым летом сразу после Универсиады-83 в Эдмонтоне нас пригласили в Лос-Анджелес на предолимпийскую неделю. Встречали американские любители плавания гостеприимно, независимо от того, из какой страны спортсмен. К советским относились с подчеркнутым вниманием. Разместили недалеко от олимпийского бассейна, в студенческом городке. То, что этот бассейн олимпийский, мы узнали только на третий день, когда рядом с ванной выросли огромные, на 4,5 тысячи зрителей временные трибуны. Появились рекламные щиты с олимпийской символикой. Мы, правда, так и не поняли, почему бассейну под открытым небом прочат столь высокий ранг. По предложению ФИНА заплывы на Играх должны проходить в закрытом бассейне. Но дело прошлое. Ветер, гулявший со всех сторон, и палящее солнце не способствовали высоким результатам. Плыть приходилось не в лучших условиях. Я уж не говорю о «мелочах»: поблизости не было душа, раздевалок, туалета. А тут еще возник вопрос, на какой дистанции выступать.

Всего несколько дней назад я плыл в Канаде и 400, и 1500 метров, и впереди был чемпионат Европы. Решение пришло при знакомстве с программой выступлений. В ней была указана дистанция 800 метров — случай редкий для официальных соревнований, и не воспользоваться им мы не могли.

Вечером жара в Лос-Анджелесе спадает. Дышать становится значительно легче. На разминке попробовал воду — нормально. Со старта поплыл легко и свободно. Кошкин так и настраивал: «Первую половину плыви легко, но быстро, а вторую по самочувствию... но быстрее». Такой настрой напоминает мне всегда шутку детских лет. Идут соревнования на приз «Веселого дельфина». Рядом на бортике двадцатипятиметрового бассейна тренер объясняет своим ученикам: «Что такое пятьдесят метров? Это со старта туда быстро-быстро, а обратно еще быстрее». Шутка шуткой, а американские спринтеры так и плавают зимой на национальном первенстве, когда соревнования идут в маленьком бассейне: туда во всю силу, а обратно еще сильнее. При всей моей любви к стайерским дистанциям мне всегда жаль, что у нас так мало хороших спринтеров, ведь это так просто — туда и обратно...

Однако вернемся к заплыву в Лос-Анджелесе. Позади первые 400 метров. Делаю поворот и начинаю постепенно прибавлять. По ходу это заметно, да и соперники один за другим начинают отставать. Не выдерживают и оба американца. После семисот метров слышу крики и шум трибун, не иначе судья-информатор «нагоняет страсти». Начинаю финишировать. К этому моменту я уже был убежден, что от соперников сюрпризов не будет, а когда до финиша оставалось метров сорок, понял по сплошному грохоту, что иду на рекорд. И тут же, откуда только силы взялись, я как спринтер забарабанил ногами.

Брайн Гуделл с интересом смотрел заплыв, а затем дал высокую оценку мне как пловцу. Гуделл был на костылях — нога в гипсе (я так и не понял, результат ли это автомобильной аварии или игры в футбол), но не терял хорошего настроения, он ведь уже давно не выступает в национальной сборной США.

Олимпийский чемпион, элегантный Марк Спитц, о котором я знал по репортажам из Мюнхена-72, среди американских пловцов слывущий отшельником и молчуном, на сей раз приятно удивил всех своим многословием и юмором. Улыбнувшись Гуделлу, он сказал: «Брайн, хорошо, что мы сейчас не плаваем...»

На предолимпийские соревнования собрался весь цвет американского плавания. Вот она, живая история! Чемпионы разных лет, герои Олимпиад, среди них двухметровый гигант Джон Набер, победитель Игр в Монреале-76, его мировые рекорды в плавании на спине держались семь лет.

Год я готовился к новому путешествию за океан, к стартам в Лос-Анджелесе. Не раз вспоминал радушный прием и добрые пожелания американских болельщиков. Казалось, ничто не помешает сильнейшим спортсменам мира полноценно провести свой праздник. Увы, на нашем пути была воздвигнута невидимая стена из угроз и насилия. Высокие идеалы, провозглашенные в Олимпийской хартии, оказались бесцеремонно попраны. Не самой яркой страницей войдут в историю мирового плавания события на водных дорожках Лос-Анджелеса. Да, были рекорды. Да, были захватывающие поединки, но в споре за награды не участвовало большинство из тех, кто на них по праву претендовал. Не состоялся и мой главный заплыв в олимпийском бассейне Лос-Анджелеса. Но мы стартовали в Москве, побеждали и устанавливали рекорды в бассейне на проспекте Мира. Можно помешать, но нельзя отнять у спортсмена право соревноваться в честной борьбе.

После Московской Олимпиады пловцы сборной избрали меня комсоргом. Вот уже год я на посту капитана. Жизнь показала, что в орбиту капитана могут входить любые, даже самые неожиданные вопросы, многие из которых невозможно и предвидеть. Ведь не запланируешь чуткое отношение к товарищам, как не станешь обсуждать с каждым в отдельности его предстоящий старт.

Капитан выводит команду на парад. От его спокойствия, внутренней уверенности, если хотите, от внешнего вида, во многом зависит общее настроение. Все это наглядно проявляется в трудную минуту, в тех ситуациях, когда от успеха каждого зависит успех общий.

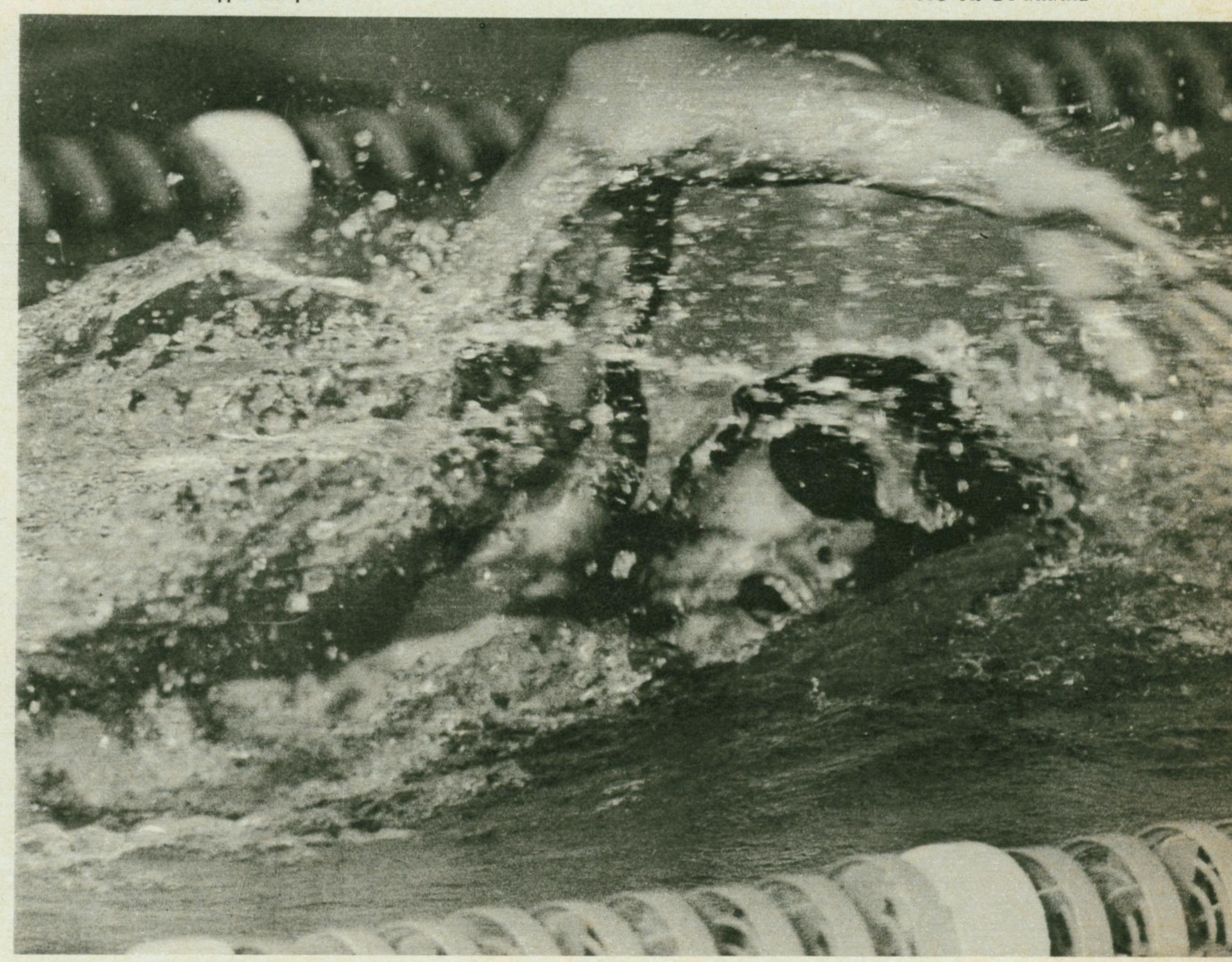
Я как-то узнал девиз ремдружин, есть такие у нас в стране,— «От каждого — коллективу, от коллектива — каждому!». Подобного принципа придерживалось большинство моих товарищей независимо от возраста и спортивных результатов.

Особенно трудными для команды оказались дни после летнего чемпионата СССР этого года. График соревнований изменился, и мы продолжали подготовку теперь уже не к Олимпиаде, а к турниру «Дружба-84».

Время, когда можно было добиваться успехов в одиночку, кануло в прошлое. Сейчас в одиночку не пробьешься. Теперь, если побеждаем, то «мы». Если уступаем, то тоже «мы». Мы — это постоянные спарринг-партнеры. Вместе тренировались брассисты Р. Жулпа и Д. Волков. Робертасу уже 24 года, а Диме исполнилось только 18. Жулпа — олимпийский чемпион на 200 метров и чемпион Европы на 100 метров, а Волков в этом году первым из советских пловцов превысил рекорд Европы. Оба пловца мечтали перекрыть самый старый рекорд континента на 200 метров, установленный англичанином Дэвидом Уилки еще на Играх в Монреале-76. Но кто первым коснется финиша — Жулпа или Волков? Их постоянное соперничество на тренировках приносило неоспоримую пользу как одному, так и другому. Правда, Робертас более опытный боец. Вот и в начале августа, когда встал вопрос, кто будет представлять сборную на «Дружбе» в заплыве на 200 метров, он или Д. Кузьмин (Волков, как чемпион СССР этого года, шел вне конкуренции), Робертас сумел в острейшем поединке буквально вырвать победу на последнем метре дистанции. Время, показанное им — 2.15.70,— было лучшим результатом сезона в Европе. Для сравнения напомню рекорд континента — 2.15.11, а страны — 2.15.36.

Интересным оказался спарринг и наших сильнейших пловцов на спине — Сергея Заболотного и Владимира Шеметова. Два года они «выясняли», кто лидер, никто не хотел уступать пальму первенства, и, когда в плавании на спине в их споре на какое-то время наступило равновесие, они решили блеснуть скрытыми резервами. Заболотнов выиграл чемпионат СССР на 400 метров в комплексном плавании, а Шеметов доказал свое право вы-

В. Сальников на дистанции — Фото А. Бочинина

ступать в эстафете 4×200 метров вольным стилем, и не просто доказал, а выиграл золотую медаль чемпиона.

Интересно, что и в этой ситуации Володя Шеметов нашел возможность показать своему партнеру, что он силен и в комплексе. На очередной «курсовке» (контрольные соревнования сборной) он отлично проплыл 200 метров. Сейчас сильней его в этом виде только Александр Сидоренко.

Спарринг Заболотного и Шеметова продолжается, а у их наставника в сборной, Олега Львовича Цветова, одна цель: для любого из учеников — рекорд мира.

И снова я говорю: «Мы». «Мы» — это тандем: «тренер — спортсмен». Сколько ярких побед на счету триумвирата — Веры Григорьевны Смеловой и ее учеников Сергея Фесенко и Александра Сидоренко! А сколько было нелегких дней, сколько размолвок, но ребята верили в тренера, а тренер — в ребят.

В этом году у Фесенко не все шло гладко, проиграл чемпионат, пропустил много тренировок, были на то причины. Но в последний момент собрался, наверстал упущенное и догнал конкурентов. Опыт есть опыт. Когда шли отборочные заплывы, Фесенко на своей коронной дистанции 200 метров баттерфляем на секунду опередил чемпиона страны А. Пригоду — 2.01.40. Пригода так быстро не плавал, но Сергею показалось, что руководители сборной усомнились в его спортивной форме, и тогда на следующий день Фесенко бросил вызов самым скоростным в баттерфляе во главе с рекордсменом Алексеем Марковским и победил в заплыве, хотя давно не блистал на дистанции сто метров.

У Сидоренко в этот момент настроение испортилось. Узнал, что на Олимпиаде первым был канадец Бауман, да еще с мировым рекордом, тот самый Алекс из Канады, который из-за травмы не участвовал в чемпионате мира 1982 года. Тогда Саша стал чемпионом, оба жаждали очной встречи, но она так и не произошла. А на Играх у Баумана не было сильных конкурентов.

Вот и мне пришлось пережить немало волнующих часов. Но правы были тренеры и специалисты: как ни скрывай секреты подготовки, но без предварительных результатов идти в атаку на рекорд мира практически невозможно. Американские пловцы явно надеялись в заочной борьбе переплыть мои рекорды, но чудес, как известно, не бывает, если их не приготовить заранее.

Оба чемпиона Лос-Анджелеса на 400 и 1500 метров лишь приблизились к уровню моих результатов шестилетней давности. Мне же оставалось завершить последний этап подготовки к «Дружбе», и мы с Игорем Михайловичем решили по традиции проверить средний ход, а раз так, то и дистанцию выбрали «среднюю» между олимпийскими — 800 метров.

После прилета из Цахкадзора, где проводились тренировки в условиях среднегорья, мы отказались от сбора, благо дом теперь в нескольких минутах хода от «Олимпийского». Но горная высота — дело серьезное: день, два после спуска «на землю» самочувствие отличное, на третий, четвертый еще есть ощущение легкости, но затем наступает реакклиматизация, появляется вялость, падает скорость. Вот и этот старт совпал с подобным явлением. Отказываться от заплыва было нецелесообразно: почти два месяца без соревнований. Выбрали оптимальный вариант: каждые сто метров по одной минуте. Легко и размеренно.

«Олимпийский» бассейн проверял готовность всех служб. Трибуны были почти пусты, но на бортике собралось достаточно близких болельщиков и каждый надеялся увидеть в моем контрольном заплыве контуры будущих стартов.

С первых метров дистанции я набрал необходимый ритм, стал отмеривать отрезок за отрезком и был приятно удивлен, когда почувствовал, что Святослав Семенов держится рядом. Он не пытался выходить вперед, но и отставать не хотел и, конечно, не отказался от мысли бросить мне вызов. Я же всегда считаю сильного товарища по сборной заслоном от зарубежных конкурентов. Вдвоем побеждать гораздо проще. Правда, слово «проще» для победных заплывов мало подходит. Итак, 800 метров мы проплыли в одинаковом ритме, но Святослав был чуть медленнее по ходу. В итоге у меня 8.01.19, а у него — 8.04.95. Впереди предстояли еще две недели тренировок, а затем главное испытание года.

Мне удалось победить на Играх в Москве. Четыре года я готовился к тому, чтобы повторить свой успех на новой Олимпиаде.

Как рассказать о событиях, происшедших на «Дружбе»? Столько стартов, столько сюрпризов.

Открыли финальную часть соревнований девушки заплывом на 100 метров вольным стилем, и первой победы добились спортсменки ГДР, правда, с результатом, далеким от мирового рекорда. Наши брасситы — Дима Волков, обладатель рекорда Европы, и Робертас Жулпа, прошлогодний чемпион континента,— тоже не порадовали зрителей результатом, и по трибунам пробежал шепоток: «А где же обещанные рекорды?» И тут-то появилась на стартовом плоту 15-летняя Лена Дендеберова. Когда я взглянул на своего первого тренера Глеба Георгиевича Петрова, учителя Лены, то сразу понял, что он и его ученица настроились на рекорд. И действительно, Лена улучшила свой же, всего за 10 дней до этого установленный рекорд страны в комплексном плавании на 400 метров.

Но не только это привело всех в восторг: Лена победила чемпионку Европы Катлин Норд, а ведь спортсменки ГДР почти 10 лет не знали поражений в этом виде программы. Победный настрой Дендеберовой передался всем нашим девушкам, никто из них уже не чувствовал себя слабее в споре за медали. А на второй день каждый финал доставлял нам радостные минуты, хотя наши спортсмены не всегда финишировали первыми.

Мне особенно приятно рассказать о победе и рекорде самого старшего в нашей команде, 27-летнего Алексея Марковского. До старта на 100 метров баттерфляем Алексей говорил, что мечтает улучшить рекорд страны, который он установил еще в 1981 году. Но он не знал, сможет ли победить своих грозных соперников — пловцов ГДР, ведь 20-летний Томас Дресслер на чемпионате своей страны проплыл 100 метров за 53.84 и установил рекорд Европы, а его товарищ Тино Отт тоже показал результат на секунду лучший, чем Марковский, а такой разрыв на стометровой дистанции — дело почти безнадежное. За это «почти» Алексей и ухватился. Значит, есть все-таки надежда. Марковский отлично принял старт, сразу же предложил невероятный темп и буквально задавил соперников на первых же метрах.

Финал на 200 метров брассом среди женщин все ждали с особым интересом. Предварительная раскладка сил в этом виде программы напомнила мне и Олимпиаду в Монреале и Игры в Москве. Наши девушки обладали лучшими результатами, рекорд мира прописан в нашей стране, но тем и прекрасен спорт, что при любой, даже самой ясной расстановке сил, невозможно предсказать все варианты... И вот Лариса Белоконь настигла Сильвию Гераш, которая лидировала в заплыве 190 метров, и первой коснулась стенки бассейна — лучший результат сезона в мире и отличное подтверждение того, насколько живы победные традиции наших девушек на этой дистанции.

До этого заплыва я пребывал в роли зрителя и еще не знал, предстоит ли мне участвовать в эстафете 4 × 200 метров вольным стилем. Почти до последнего дня мое выступление в четверке было под вопросом, ведь главные для меня дистанции—400 и 1500 метров. Но победа пловца ГДР Свена Лодзиевски на дистанции 200 метров — он мой основной соперник на 400 метров — заставила тренеров посчитать, что мое участие в эстафете просто необходимо.

...Эстафета началась. Володя Шеметов приплыл первым с личным рекордом, 19-летний Андрей Ляшенко выступил для себя просто хорошо, но передал мне эстафету на мгновение позже, чем это сделал соперник. Я старался как мог и, видимо, чуточку больше, чем мог, и закончил свой этап первым, обеспечив Сергею Красюку разрыв в шесть десятых секунды. И тут я еще раз увидел, с кем мне предстоит иметь дело в финале на 400 метров. Свен Лодзиевски поразил всех своим финишным спуртом и не только отыграл у Красюка эти шесть десятых, но и выиграл, да еще с разрывом в две секунды. Спортсмены ГДР получили золотые награды, а мы, хоть и с рекордом СССР, серебряные...

Кто может определить, как сказалась на дальнейших моих выступлениях эта неудача? Мне предстояла всего через два дня борьба на дистанции 400 метров, а я не мог забыть результат Свена. Он проплыл 200 метров за 1.48.19, а мне потребовалось на это еще две с половиной секунды...

Утренний заплыв на 400 метров прошел вполне спокойно. Мой результат был лучшим, я получил право плыть в финале по центральной, четвертой дорожке, и после отдыха по пути в бассейн мы с Игорем Михайловичем проштудировали несколько возможных тактических вариантов. Во-первых, Лодзиевски мог сразу пойти вперед и предложить свой ход заплыва. Во-вторых, он мог остаться на второй позиции, выжидая момент для атаки, рассчитывая на свою взрывную скорость, но Игорь Михайлович не исключал, что Лодзиевски, учитывая, что оба варианта мне знакомы, будет искать третий тактический ход. Какой? Разгадать заранее невозможно. Ждать и молниеносно принимать решение — вот все, что нам оставалось.

За несколько минут до финала я, как обычно, попытался отвлечься, несколько раз пробежал взглядом по трибунам бассейна: они заполнялись быстро, многие сидели в проходах, прямо на ступеньках, даже на трибунах прыжковой ванны расположились зрители. Перебросился взглядом с женой Мариной и с друзьями, а сам почему-то явственно представил себе рекордный заплыв Сергея Заболотнова на 200 метров на спине. Первый мировой на этих соревнованиях. И вот слышу свою фамилию. Идет обычная перекличка перед выходом на старт. Вызывают Лодзиевского, Святослава Семенова, Уве Дресслера...

Занимаем стартовое положение. Знакомый сигнал — и мы в прыжке. Еще в воздухе чувствую Свена впереди. Позади всего 25 метров, а я уже отстал! Это можно было предвидеть. Но то, что он проплывет первые 100 метров быстрее 56 секунд, я не ожидал. Теперь ясно: его расчет — высокая скорость. Значит, вперед, и я устремляюсь в погоню... Позади 200 метров. Поворачиваем почти одновременно, и я тут же ухожу в отрыв. Почему это мне удалось? Свен берег силы для финишного рывка, но он не рассчитал и выпустил меня слишком далеко. 300 метров — разрыв более 2 секунд. Я нахожу в себе силы проплыть финишные 100 метров быстрее предыдущих, но не настолько быстро, чтобы перегнать свой рекорд. Сказалось напряжение первых ста метров, когда мне пришлось догонять Лодзиевского. Радуюсь победе, но к радости примешивается откровенная досада. В ушах еще стоит несмолкаемый гул трибун, который сопровождал меня весь заплыв, ведь я шел с опережением рекордного графика.

Соревнования продолжались, было много еще памятных моментов, были встречи, короткие разговоры и длительные беседы, было все то, чем так богаты соревнования столь высокого ранга, как «Дружба-84».

Мне, капитану команды, было особенно приятно видеть, как стараются поддержать своих более молодых товарищей олимпийские чемпионы Робертас Жулпа, Александр Сидоренко, Сергей Фесенко и, конечно же, Алексей Марковский. Именно он внес существенный вклад в успех нашей комбинированной эстафеты 4 × 100 метров, которая закончилась с рекордом Европы.

Пловцы 12 стран сокрушали национальные, европейские и мировые рекорды. Почти все мои товарищи выступили отлично и показали свои лучшие результаты. Они установили 17 всесоюзных рекордов, один из которых превышал мировой, а три — европейские. Шел и я по рекордному графику 1500 метров, но превысить свой результат не смог. И все же получил большое удовлетворение и от побед, и оттого, что секунды, показанные в Москве, оказались лучшими, чем у тех, кто победил в Лос-Анджелесе...

Наши выступления на «Дружбе-84» уже история — позади отдых, и теперь надо начинать все сначала: и мою работу в спортивном клубе Советской Армии — я офицер — и новые тренировки.

Да, легкой воды не бывает.

Г. Мясоедов. ПРОБНЫЙ ОТТИСК. (ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА И. И. ШИШКИНА). 1891.

Пенза. Картинная галерея имени К. А. Савицкого.

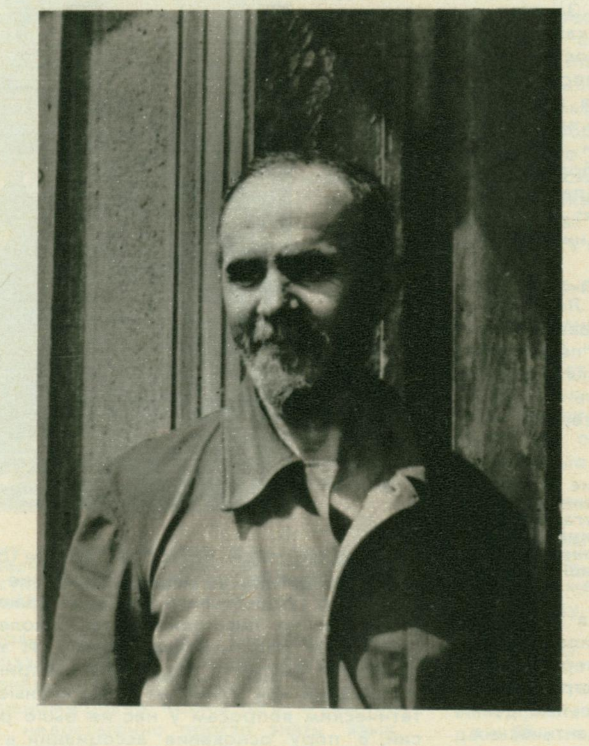
Г. Мясоедов. ПОЗДРАВЛЕНИЕ МОЛОДЫХ В ДОМЕ ПОМЕЩИКА. 1861.

Государственный Русский музей.

Певец труда

С. ШЕШУКОВ

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н. Н. ЛЯШКО

Тяжелую и героическую жизнь прошел Николай Николаевич Ляшко — писатель из рабочих, один из зачинателей темы труда, социалистического строительства в советской литературе.

Судьба этого талантливого человека, вышедшего из самых глубин народной жизни, многими чертами напоминает горьковскую судьбу. Оба они, и Горький и Ляшко, уходят «в люди» еще в детском возрасте и испытывают непомерные муки от тяжелой работы, от издевательства жадных хозяев, от невежества и жестокости окружающей мещанской среды. Как и Горький, Н. Ляшко в своих автобиографических произведениях будет вспоминать тяжелое детство. «Спи, в детстве награжденный сотнями отвратительных кличек — гаденыш, змееныш, выродок, дрянь; спи, всяко обláянный, спи, избитый, пропотелый, обожженный, забудься. От воды твои ожоги набухнут и будут похожи на ягоды винограда. Завтра эти виноградины будут раздавлены, и ты, касаясь обнаженным мясом горячей карамели, будешь корчиться от боли...» — так пишет Н. Ляшко о каторжном труде одиннадцатилетнего мальчика, ученика на кондитерской фабрике, испытанном им самим и описанном в автобиографическом романе «Сладкая каторга».

Подростком в пятнадцать лет Н. Ляшко попадает на Харьковский паровозостроительный завод — из «сладкой» жизни в «железную каторгу». Но люди здесь оказались совершенно другими. Они приняли в свою дружную семью паренька из Лебедина. Здесь и определилась его жизненная судьба.

Он потянулся к знаниям, стал посещать воскресные курсы. Любовь к чтению, к книге, возникнув в это время, уже не покидала его всю жизнь. И самое главное — юноша начинает осознавать ту великую правду, за которую ведут борьбу его старшие товарищи. Приобщение к этой правде делает его активным и мужественным участником пролетарского революционного движения в России.

Уже с 1902 года на восемнадцатилетнего юношу в департаменте полиции заводится политическое дело, где так сказано о Ляшко: «мещанин города Лебедина Николай Николаев Лященко (фамилию Ляшко на Лященко изменил старший брат писателя, и после этого младший стал писаться под этой фамилией вплоть до 1917 года.— С. Ш.) находится под гласным надзором полиции».

Еще в юные годы у Николая Ляшко возникло неудержимое желание писать. Он брался за перо, не думая, что когда-нибудь станет писателем, но природный дар настойчиво напоминал о себе, и юноша работал в любых, даже самых невероятных условиях. «Судьба написанного,— по свидетельству Н. Ляшко,— чаще всего была печальной: обыск, арест, и написанное гибло в шкафах жандармских управлений, или в тюрьме начальство отбирало».

И все-таки в период первой русской революции, в 1905 году, его очерки и рассказы появляются на страницах южных газет «Донская речь», «Южный голос», «Южная неделя». В его первых опубликованных рассказах, «В местах отдаленных», «Стены», «Макар», речь шла о мужестве политических ссыльных, о великой организующей силе труда в рабочем коллективе, о пробуждении рабочих к сознательной борьбе за свободу. В них уже определялся круг творческих интересов будущего писателя — певца рабочего класса. Публикации, неожиданные даже для самого автора, породили у него веру в свои творческие силы. Он твердо решил стать писателем. Но как? Простому рабочему, малообразованному, преследуемому царским режимом, было неимоверно трудно пробить себе дорогу в литературу. Н. Ляшко свидетельствует: «Немногим из писателей-рабочих удалось преодолеть тяжелые условия жизни и выйти на путь художественного творчества. Многие отчаивались и бросали перо, многие всецело уходили в подпольную работу».

Николай Николаевич Ляшко принадлежал к стойким и мужественным, убежденным и целеустремленным талантливым людям из рабочей среды, идущим в литературу. Он сумел стать писателем, оставаясь революционером-подпольщиком. В автобиографии 30-х годов он рассказал, как готовил себя к писательской деятельности: «Все трудности (говорю только о литературной работе) — от умения грамотно писать до осознания художественного слова — мне приходилось брать нутром, чаще всего «на свободе», то есть в четырех стенах одиночки, этапки, каморки ссыльного, поднадзорного. В ссылке до упаду работал над языком, стилем».

С 1913 года систематически стали появляться его произведения в столичных журналах. Его приняли не сразу. Вот что вспоминает сам писатель: «В 1912 году из Вологодской ссылки я привез в Москву около сорока готовых рассказов, но печатать их никто не хотел. Говорили, что в них много грязи, вшей, арестантов, тюрем... надо, знаете, что-нибудь такое красивое. А что мне было ответить этим господам, если самое красивое, что мне довелось видеть в тюрьмах и ссылках, это окровавленные рубахи, да слышать мелодичный звон кандалов». Наряду с суровыми реалистическими рассказами («Пятая камера», «На переправе», «Марево», «Старик с книгой») Н. Ляшко создает сказки («Орленок», «Леснушка», «Рубли», «Нарная чертовщина»). В тех и других прославляется борьба за свободу, любовь к родному краю, подчеркивается чтимый народом благородный характер человека-труженика, мастера своего дела. Во всем дооктябрьском творчестве Ляшко, несмотря на яркие трагические картины угнетения и насилия, звучит несокрушимая вера в победу светлых начал жизни.

Писатель был счастлив отдать Октябрьской революции все свои силы, все свое дарование. Н. Ляшко явился одним из создателей первой массовой литературной пролетарской организации «Кузница», куда входили известные поэты и писатели страны, объединенные желанием воспеть революцию, прославить труд, отразить революционную борьбу, жизнь рабочего класса, содействовать своим творчеством созиданию нового общества. Революция вдохновила Николая Николаевича Ляшко на создание самых значительных его произведений. В 20-е годы он выпускает замечательные повести «С отарою», «Доменная печь», «В разлом», «Минучая смерть». В 30-е годы выходит двухтомный автобиографический роман «Сладкая каторга», а в 40-е годы второй автобиографический роман, «Никола из Лебедина».

За годы Советской власти писателем создано немало ярких рассказов и сказок, в том числе о героях Отечественной войны — «Слово об Иване Спросиветер», «Волчья песня» и другие.

Несправедливо поступают историки литературы, авторы научных очерков и учебников по литературе, когда представляют многогранное творчество Николая Ляшко только одной темой — темой строительства и для этого избирают из его произведений только одну повесть — «Доменная печь». Писатель достоин более полнокровного портрета.

Он воспел героическую историю борьбы рабочего класса России за освобождение. Он показал процесс формирования характера передового рабочего в ужасных условиях царского режима. Он создал потрясающие картины угнетения, рабского труда, кандального звона, ужасов тюремных застенков. В то же время почти все его произведения пронизаны высокой любовью к людям, прежде всего к людям труда, удивительным вниманием к человеку, восторженным преклонением перед родной природой, трепетным желанием сохранить ее, не губить понапрасну.

С первых лет Советской власти Николай Николаевич Ляшко со своей семьей постоянно жил в Москве. Во второй половине 20-х годов работал мастером на кондитерской фабрике «Красный Октябрь», здесь же в 1928 году был принят в ряды Коммунистической партии и всю последующую жизнь был тесно связан с рабочим коллективом этой фабрики.

В двадцатые годы критики часто обращались к произведениям Н. Ляшко, и в их оценках отмечались существенные особенности творчества писателя. Ведущий теоретик и критик «Кузницы» Г. Якубовский писал: «Н. Ляшко перенес в пролетарское искусство лучшее, что было в народничестве и литературе русской: пристальное внимание и любовь к человеку труда».

В наше время открыты новые материалы и документы о жизни и деятельности писателя, вышел в свет сборник воспоминаний о нем. Вступительная статья к этой книге Н. В. Захарченко заканчивается справедливыми словами: «Мужественно прямо и честно прошел Н. Н. Ляшко свой жизненный путь, оставив людям книги, полные поэзии, света и добра».

В РАЙ

В городе Лахоре на 74-м году жизни скончался великий пакистанский поэт и общественный деятель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Фаиз Ахмад Фаиз. Многие его произведения посвящены борьбе за мир и национальную независимость.

В конце прошлого года в библиотеке «Огонек» вышла книга стихов Фаиза Ахмад Фаиза «Посвящение».

Мы публикуем интервью, данное Фаизом Ахмад Фаизом незадолго до кончины.

Брать интервью у Фаиза была нелегкая задача. Хотя он охотно встречался с людьми, готов был беседовать на любые темы и терпеливо относился к наивным вопросам собеседников. Может показаться, что жизнь Фаиза — открытая книга, его взгляды всем видны. Но это поверхностное впечатление. За огромным личным обаянием Фаиза, его кажущейся сдержанностью и даже медлительностью было многое, что не сразу открывалось глазу.

Жизнь всегда торопила Фаиза: в восемнадцать — признанный поэт, в двадцать четыре — один из организаторов Ассоциации прогрессивных писателей, в тридцать с небольшим — подполковник, в тридцать семь — редактор одной из центральных газет, в пятьдесят — лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Возможно, он сам и не осознавал того, что его имя давно уже стало легендой. Лицо, глубоко изрезанное морщинами, выдавало возраст и пережитые невзгоды, но в печальных глазах по-прежнему светилось любопытство ребенка, стремящегося познать радость жизни, а едва заметная улыбка открывала сердце, не очерствевшее с годами.

— Вы всегда выступали на стороне угнетенных. Как вы объясните свою неизменную популярность среди более широкого круга читателей? Возможно, опыт человека, пережившего великую депрессию, сближает вас даже с теми читателями, которые не разделяют ваших убеждений?

— Депрессия началась позднее, в 1929 году. Моя связь с читателями установилась раньше — в начале 20-х годов. После первой мировой войны во многих зависимых странах зарождались национально-освободительные движения. Это была пора расцвета романтических устремлений. И тогда с особой силой почувствовалось воздействие Великой Октябрьской социалистической революции. Она принесла народам новые надежды. Солдаты, возвращавшиеся домой с фронтов первой мировой, несли с собой революционные идеи. Политические движения внутри нашей страны подняли национально-освободительную борьбу на новую ступень. В стране происходили не только политические волнения. Начался культурный подъем. Интерес к национальной культуре, в течение двух столетий подавлявшийся английскими колонизаторами, стал частью политической борьбы. Интеллигенция заново открыла для себя народное искусство. За счет этого расширились рамки традиционной национальной поэзии. А с другой стороны, в это же время поэты и писатели ощутили влияние европейской литературы и эстетики. Все это способствовало сближению писателей с народом. В таких условиях не требовалось особых усилий для установления прочной связи со своим поколением. Кроме того, у меня сложилось полное взаимопонимание не только с поэтами моего возраста, но и со старшими выдающимися деятелями культуры.

— Когда вы осознали необходимость найти собственный путь в жизни?

— Я как раз собирался сказать об этом. В конце двадцатых годов произошли внезапные перемены в моей жизни и в жизни страны. Умер отец. Семья обеднела. Мне пришлось оставить учебу и искать работу. Общество переживало тяжелую экономическую депрессию. Спала волна национально-освободительного движения. На первый план выступили религиозно-общинные противоречия. Но уже стало ясно, что решающую роль в истории призваны сыграть народные массы. Под непосредственным влиянием общественно-политической ситуации родилась Ассоциация прогрессивных писателей (АПП).

— И она послужила причиной вашего разрыва с писателями старшего поколения?

— Не сразу. Старшее поколение писателей можно разделить на две группы: одни уходили в искусство ради искусства, другие отражали в своем творчестве демократические идеи. У нас давно существовали традиции политической риторики, но писатели моего поколения выступали за политическую лирику. И хотя ряд писателей старшего поколения воспринял идеи ассоциации как слишком радикальные, по эстетическим вопросам у нас не было разногласий. В пору основания ассоциации в Лахоре в 1936 году у нас было полное единодушие. Идея заключалась в том, чтобы создать движение, объединенное не какой-либо политической партией, а общим идеалом борьбы за освобождение страны от британского владычества.

В основе этой идеи лежала реалистическая оценка социальной ситуации и мечта о свободном и справедливом обществе. Мы поставили перед собой цель — указать народу путь к свободе и направить народные силы на установление порядка, основанного на социальной справедливости, порядка, при котором положение личности в обществе определялось бы не происхождением или богатством, а личными заслугами.

В первые годы существования ассоциации против нее выступали эстеты, твердолобые приверженцы старых традиций. Но и они разделяли наши свободолюбивые устремления, критикуя лишь формы их художественного выражения.

Раскол в писательской среде произошел позднее, во время второй мировой войны.

— Как в годы войны, так и после образования Пакистана ваша поэзия продолжала вдохновлять все большее число молодежи.

— Известно, что в 1947 году полуостров Индостан был разделен на два государства — Пакистан и Индию. Однако, как мне уже приходилось говорить, ликование по поводу обретенной независимости быстро уступило место разочарованию. И все же стремление создать подлинно независимый и демократический Пакистан сближало творческую интеллигенцию и народ. Писатели и поэты стремились пронести эту мечту через все испытания. Их усилия находили живой отклик в сердцах молодежи.

— Однако вскоре вас начали преследовать за демократические убеждения и революционную поэзию и бросили в тюрьму. Не нарушилась ли ваша связь с читателями за годы, проведенные вами в заточении?

— Наоборот, эта связь еще более окрепла. К ней прибавился мученический ореол. В тюрьму попадали политики, а заточение поэта было чем-то новым. Кроме того, годы, проведенные в тюрьме, оказались чрезвычайно плодотворным периодом в моей жизни. Конечно, тюрьма не самое подходящее место для творчества, но там у поэта много времени для размышлений и воплощения своих мыслей в стихах.

— Освобождение из тюрьмы в 1955 году стало водоразделом в вашей жизни. В течение двадцати с лишним лет вы были признанным борцом за права угнетенных. Помимо творческой деятельности и активного участия в руководстве АПП, вы занимали ведущее место в профсоюзном движении. За вами прочно укрепилась репутация одного из крупнейших представителей демократической оппозиции. Почему вы не возобновили эту деятельность после освобождения?

— К тому времени, когда я вышел из тюрьмы, от мечты о свободном Пакистане ничего не осталось. Ее нельзя уже было возродить. Страна была отдана на откуп неоимпериалистам. Распалось профсоюзное движение, а продажная профсоюзная олигархия поддержала официальный курс на «холодную войну». Рабочий класс не мог оправиться от этого удара. Точно так же была практически уничтожена свободная печать. Все пути активного участия в народной борьбе, доступные человеку, живущему не только поэзией, были закрыты. Для меня оставался один лишь путь — бороться своими стихами.

— Однако некоторые считают, что вы могли бы пойти по пути Лорки, Неруды и других поэтов.

— К этому перечню можно было бы добавить великого Назыма Хикмета. Не стану перечислять все народные движения, в которых принимали участие эти героические люди. В сложившейся обстановке необходимо учитывать некоторые обстоятельства. В частности, возраст, это несложно понять. И второе — ограничённые возможности индивидуальной борьбы. Я всегда считал, что всего лишь вношу посильный вклад в процесс пробуждения и просвещения народа, помогаю ему понять свою судьбу и осознать свою цель. И я всегда оставался верен этой теме, чем бы я ни занимался: преподавал в колледже, обучал ли молодых профсоюзных активистов, боролся ли против фашизма, работал журналистом.

— Что же произошло в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов?

— Только перемена фронта. Видя, что прямая политическая деятельность практически не-

НЕ ЛЕТАЮТ «КОНКОРДЫ»

возможна, я решил направить свои усилия на культурный фронт, так как считал необходимым способствовать развитию культурной самобытности народа — стержня его единства как нации, помогающего людям осознать свою национальную принадлежность, которая лежит в основе любой борьбы. Значит, надо было бороться против двух сил: бюрократического государственного аппарата, взращенного в духе колониализма, и апологетов шовинизма. Мы делали все, что было в наших силах.

Именно к этому периоду относятся высказывания о том, что я не принимал участия в народной борьбе. Причем те, кто осуждал меня, исходили из того, что в это время я находился за пределами своей страны. Я всегда считал, что борьба моего народа за лучшую жизнь, как и борьба палестинского народа за создание собственного государства, как и коллективные усилия стран «третьего мира», направленные на установление нового, справедливого порядка, неразрывно связаны.

— И все же мне кажется, что в современных условиях простые люди имеют право спросить человека, прошедшего большой жизненный путь: каков же выход?

— Они, конечно, правы, но в стране создалась ситуация, которой нет исторических аналогий. Все наши прежние разочарования сменялись надеждами, разбитые мечты возрождались вновь. Но никогда еще наше зрение и ум не наталкивались на глухие стены. Творческие личности, обладающие даром предвидения, должны указать выход, но смогут ли они повести других за собой, зависит от множества объективных факторов и особенно от того, существует ли организация, готовая к решительным действиям. Даже личное восприятие проясняется и оттачивается в результате диалектической связи с коллективным восприятием. Когда литератор оторван от коллективного творчества, он становится бесплодным. Я считаю, что многие писатели сильно проигрывают от недооценки народного гения, его огромной роли не только в политической, но и во всех других сферах человеческой деятельности.

— Возможно, некоторые молодые люди, горячие головы истощили свое терпение и пытаются найти мгновенно действующее средство, кратчайший путь к спасению.

— Это возможно и вполне понятно. Но к спасению нет короткого пути. В рай не летают «конкорды». Однако если нетерпение, игнорирование диалектических процессов и механики социальных перемен могут причинить больше вреда, чем пользы, то не менее вредно долготерпение, оправдывающее бездеятельность.

— Складывается впечатление, что вы отошли от форумов, которые перестали соответствовать вашим убеждениям, вместо того, чтобы отстаивать там свои позиции.

— Я вообще против тех, кто рассматривает борьбу как самоцель. Я миролюбивый человек, если не считать идеологии, где нельзя избежать столкновений. Я часто убеждался, что в тех случаях, когда лобовая стычка не дает результатов, лучше действовать на другом направлении.

— Один из известных пакистанских писателей и деятелей народного образования сказал: «Фаиз является не только воплощением всего лучшего в нашей культуре и традициях, он является символом наших самых благородных устремлений». Что вы можете сказать о первой части этого высказывания?

— Люди склонны преувеличивать. Что же касается верности живой традиции — это одно из основных условий существования культуры. В своей основе наши традиции складываются из двух компонентов: из фольклорной традиции и из классической традиции урду с ее арабо-персидской основой. Только из гармоничного сочетания этих двух компонентов может вырасти подлинно самобытная культура Пакистана. К сожалению, одни продолжают традиции народного фольклора, но забывают о классических традициях, другие, наоборот, полностью уходят в классическое искусство, забывая о фольклоре. В первом случае это приводит к шовинизму угнетенных, во втором — к высокомерию привилегированных.

Положение осложняется тем, что в период после обретения независимости обучение повсеместно стало осуществляться на английском языке, в результате чего новое поколение было оторвано и от фольклорных и от классических традиций. Именно поэтому пока у нас еще нет национальной самобытной культуры. Средства массовой информации еще больше запутали проблему. Так, например, радио, вместо того чтобы развивать народную речь, окончательно испортило ее.

— Можно ли сказать, что, работая на культурном фронте, вы сознательно стремились подчеркнуть народные традиции в современной культуре?

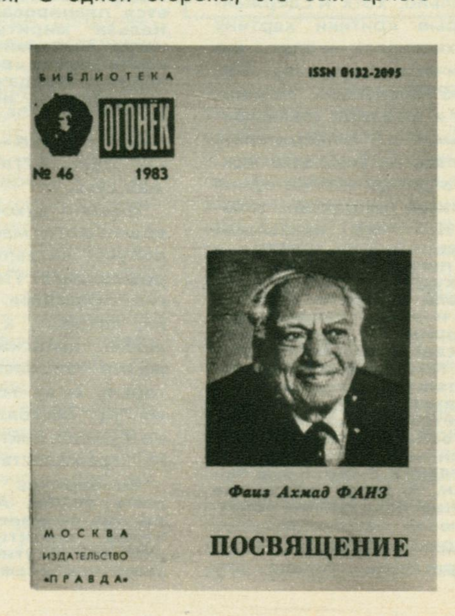
— Конечно. Именно поэтому я стремился собрать и сохранить народные баллады, легенды, предметы искусства различных регионов Пакистана.

— Почему же в таком случае вы не пишете на пенджабском языке — если не считать нескольких стихов,— на языке своих фольклорных традиций?

— Во-первых, потому, что классики пенджабской поэзии достигли таких вершин мастерства, что очень тяжело продолжать их традиции на должном уровне. Кроме того, чтобы писать стихи, недостаточно просто знать язык. Необходимо владеть всеми тонкостями выражения мыслей на нем, а этому надо долго учиться. Я не получал академического образования на пенджабском языке, меня не учили писать стихи на нем. Я иногда поражаюсь силе фольклорных традиций в сравнении с классическими. Вспоминаю неповторимые строки пенджабских стихов. Разве можно то же самое выразить на урду?!

— Какие социальные ценности вы унаследовали от ваших родителей?

— Немалые. Мой отец был выдающийся человек. Он ушел из своей родной деревни еще мальчишкой, совсем без денег. Занимался самообразованием, затем окончил университет в Кембридже, стал адвокатом, поднялся до поста министра и посла, но сердце его оставалось в родных краях. Вернувшись на родину, он предпочел работать в Сиалкоте, провинциальном городе неподалеку от родной деревни. С одной стороны, это был аристократ, попечитель многих заведений в Сиалкоте. А в деревне, где мы проводили каникулы, он был таким же крестьянином, как и все. Я с детства был знаком с народными обычаями. Моя мать научила меня понимать цену любви, терпения и сострадания. Она была родом из крестьянской семьи. Отец женился на ней после смерти других его жен. Она была моложе моих сводных сестер (я узнал о том, что они были моими сводными сестрами, только когда вырос). На ее плечи легла вся тяжесть невзгод, обрушившихся на семью. Лишь сила ее доброго сердца помогла ей выстоять. Вскоре после смерти отца овдовели две сестры, и семья оказалась на грани разорения. Мать научила нас жить скромно, по средствам и не отчаиваться в трудную минуту.

— Вы жили в нищете в то время?

— В полной нищете. Я учился тогда в колледже, но не обращался к матери за помощью. Нет смысла вспоминать те времена. Скажу лишь, что часто приходилось ложиться спать на пустой желудок, когда гордость не позволяла обратиться даже к лучшим друзьям, которые никогда не отказывали в помощи.

— Как вы обеспечили себя в старости?

— Что вы имеете в виду? Я работаю. Изо дня в день, из года в год я зарабатываю на жизнь. У меня нет собственности, даже дом, где я живу, не принадлежит мне полностью.

— Но вы получили в наследство землю?

— Я ее всю раздал. Эту землю обрабатывали крестьяне. Им приходилось нелегко. Когда в 50-е годы я вышел из тюрьмы, я попросил мать отдать землю тем, кто работал на ней. Она согласилась. У меня в деревне осталось не больше пол-акра — нить, соединяющая меня с моей землей, с моим народом. Там осталась частица моего сердца.

— Есть ли у вас заветное желание?

— Нет. Молю лишь бога, чтобы мне не было суждено дожить до того возраста, когда я стану беспомощным калекой. Меня пугает мысль о бесполезном существовании.

— Были ли у вас желания, которые вам не удалось осуществить?

— Да. В детстве я хотел научиться играть в крикет. Так и не научился. Хотел стать ученым человеком, крупным специалистом в какой-нибудь области. Так этого и не достиг. Никогда ничего не делал как следует. Всегда начинал не с того конца — сверху. Начал писать стихи и был признан после двух мушаир. Пошел в армию и вскоре получил звание подполковника — высший чин для мусульманского офицера в те времена. В журналистику сразу пришел редактором.

— Вспоминаете ли вы людей, которых любили и которые любили вас?

— Это для меня самое сокровенное.

— Говорят, вы собираетесь оставить поэзию. Это правда?

— Конечно, нет. Разве я могу? Не всему надо верить, что говорят.

— Не буду вас больше утомлять. Очевидно, вам пора отдыхать. Спасибо.

— Не стоит. Но позвольте вам заметить. Интервью надо брать не только у меня. Не теряйте веру в простых людей. Народ способен на великие дела. Он победит.

Беседу вел И. А. Рехман.

Перевод с английского Наталии СТЕПАНОВОЙ.

ЗРИТЕЛЬ ПОПРАВЛЯЕТ РЕДАКТОРА

Основоположник советского кинематографа Сергей Эйзенштейн так объяснил первый принцип экранного художественного произведения: «...Каждый зритель в соответствии со своей индивидуальностью, по-своему, из своего опыта, из недр своей фантазии, из ткани своих ассоциаций, из предпосылок своего характера, нрава и социальной принадлежности творит образ по этим точно направляющим изображениям, подсказанным ему автором, непреклонно ведущим его к познанию и переживанию темы. Это тот же образ, что задуман и создан автором, но этот образ одновременно создан и собственным творческим актом зрителя».

Я развернула второй том избранных произведений Сергея Эйзенштейна на той странице, откуда взята приведенная цитата, и постоянно держу его открытым на своем редакторском столе. Почему? Да потому, что голубой экран ТВ, как показывает практика, еще в большей, в удесятеренной степени, чем кино, оказался «завязанным» на этом знаменитом эйзенштейновском принципе.

Киноэкран по самой своей сути всегда автоматически включает в себя «заэкранье». То есть зрительный зал.

Однако если в кино зрительный зал все-таки еще можно эмоционально «организовать» — настроить на определенную волну, если в кино зритель собирается в просмотровый зал на заранее известные ему и название фильма, и имена режиссера и актеров, и при этом находится уже в особом настроении,— то голубой экран вспыхивает в квартирах миллионов людей, еще к священнодейству экрана никак внутренне не подготовленных, а просто включивших свой «телеящик». И вот здесь, в варианте, если редактор телефильма довольно халатно, с профессиональной «элитарной» высоты отнесется к первому экранному принципу и не подумает о самостоятельности зрителя, то возможны (и очень часто случаются) самые неожиданные и горькие уроки.

Приведу поразительно наглядный пример, который хорошо бы вошел в учебники по социологии телевидения. На нашей студии художественных телефильмов творческого объединения «Экран» была подготовлена многосерийная лента «Солнечный ветер». Отличный режиссер, великолепные актеры, автор сценария — знаменитый драматург, открывший в свое время целое направление в современной драматургии, художник ярко социальный. Мы помним: близко к сердцу принял тогда проблемы, поднятые И. Дворецким, массовый зритель... В сценарии «Солнечного ветра», над которым драматург работал несколько лет, студию привлекло, казалось бы, такое же, как в случае с Чешковым, открытие нового социального типа, нового характера. Прекрасная, тонкая актриса Анна Каменкова сыграла в «Солнечном ветре» некую Перовскую, ей и фамилия была дана драматургом с аллюзией: чтобы сразу приходила зрителю на память великая Софья Перовская... На студии питали большие надежды на успех «Солнечного ветра», восторгались филигранной работой Каменковой, тем, как актриса плетет эмоциональные «кружева» роли, высвечивая мельчайшие полутона настроений.

Состоялась премьера. И по первому впечатлению многосерийную ленту «Солнечный ветер» профессионалы вроде бы приняли положительно, хотя и сдержанно. Некоторые критики картину даже и похваливали — опять же за психологические кружева. Однако прошло несколько недель, и на студию и в газеты стали приходить письма от телезрителей. Почта оказалась на редкость массовой и была до удивления едина в своем полном неприятии телекартины!.. Что же оказалось?

А оказалось то, что зрители в своей массе попросту не пожелали смаковать «художественный деликатес». Зрители смотрели «Солнечный ветер» и все искали в нем соль. Они, примеряя показанную им жизнь к своей реальной жизни, решили, что телеэкран их обманывает! Пытается увлечь переживаниями закоренелой эгоистки, которая не считается ни с коллективом, ни с обществом, ни даже с самыми обыкновенными нормами порядочного поведения в семье и в быту. А раз так, то кому нужны все эти филигранно показанные «страдания души».

Боюсь, моим коллегам, театральным критикам, только что приведенные мною формулировки покажутся неделикатными, неприлично резкими, «вульгарно социологичными». Но уверяю, что в массе зрительских писем оценки фильма «Солнечный ветер», морального кредо Перовской были гораздо резче и жестче.

Зритель оказался бескомпромиссным в главном. В критериях нравственности. И если разобраться, то не стоит удивляться резкому расхождению между редакторской («профессиональной») и зрительской позицией по отношению к телефильму «Солнечный ветер». Беда редактора была в том, что он, принимая фильм, стоял на внесоциальных, эстетических, формалистических позициях. А наш зритель таких позиций никогда не принимал. И не примет.

Несколько лет назад в «Правде» под заголовком «Требовательный зритель» был помещен очень интересный обзор писем, который, мне представляется, не только сохраняет свою поучительность на сегодняшний день, но даже приобрел еще большую актуальность.

Вот что писал тогда автор этого обзора А. Плахов: «...в письмах читателей возникают по меньшей мере два вопроса. Первый — о качестве передач, выходящих в эфир. Сегодня телевидение способно создавать полнокровные художественные ценности. И потому зритель не принимает заполнения «пустот» в программе старыми кинолентами... Второй вопрос, тесно взаимосвязанный с первым, касается планирования телепрограмм... Нельзя мириться с положением, когда зрителей ждут безликие телевизионные вечера, серые, проходные передачи, не вызывающие ни интереса, ни духовного отклика».

Вот именно — духовного отклика! Здесь — главное. Здесь — самая суть.

Именно духовного отклика у современного массового зрителя не получат ни запутавшаяся в пустых рефлексиях Перовская, ни другие, подобные ей герои и героини, которых, к сожалению, очень любят вытаскивать из закоулков жизни творческие работники, которые, буду говорить прямо, сами не состоялись как личности, не сумели найти своего подлинного гражданственного призвания.

Но вернусь к теме. Продолжая свою мысль, А. Плахов приводил письма зрителей о картине «Гори, чтобы светить», подтвердившие, что эта картина «заставляет осознать всю сложность человеческой жизни, подумать о том, а для чего ты живешь, что хорошего ты сделал для людей?». И он же справедливо сетовал, что подобные письма приходят нечасто. «Нет на экране картин, способных так же убедительно и ярко воссоздать эпизоды героической истории нашей страны, всколыхнуть широкое общественное мнение...»

Я преднамеренно столь подробно процитировала обзор писем «Требовательный зритель», опубликованный несколько лет назад, чтобы «состыковать» его с откликом на итоги X Всесоюзного фестиваля телефильмов.

Вот что пишет теперь тот же критик А. Плахов: «И все-таки даже лучшие художественные ленты фестиваля не давали повода говорить о том, что телевизионный кинематограф достиг или хотя бы приблизился к уровню, заданному сегодняшней советской прозой, театральной драматургией. Может быть, молодому искусству этот уровень пока не по плечу?.. И достаточно ли требовательным, внимательным был отбор фильмов для смотра?..»

Трудно не согласиться с известным специалистом, много занимающимся телевидением; с его прямой и нелицеприятной оценкой существующего тревожного положения в направленности нашего телевизионного кинематографа. Что-то действительно у нас происходит «не так». И это «не так» я вижу не столько в каких-то частных ошибках и промахах отдельных редакторов (кто от них застрахован!), а, как мне представляется, в неправильности самого подхода ряда творческих работников к жанру телевизионного художественного произведения.

Сошлюсь на свой собственный опыт. Мне, как редактору, довелось принимать картину «Отпуск по ранению». Лента была задумана как телефильм-спектакль по одноименной постановке театра на Малой Бронной. Сделанный по военному произведению В. Кондратьева, спектакль смотрелся со сцены как гражданственный, непримиримый к фашизму.

Исполненный словно бы крупными мазками, он местами воспринимался, может быть, несколько плакатно, а временами даже чуть мелодраматично. Но зритель чувствовал в спектакле патриотический нерв. Однако при переносе на видеоленту из произведения вдруг полез «ремаркизм». Видеорежиссура, работая на «деталях», на «нюансах», высвечивая психологические повороты, как-то незаметно снизила общее звучание и убила самый пафос произведения. Пришлось много потрудиться, чтобы вернуть видеоспектакль — насколько это оказалось возможным — к его сценическому первоисточнику.

Отчего так получилось? Что, может быть, телевидению с его камерностью, «комнатностью» зрительского «заэкранья» противопоказан романтический пафос театральной сцены? Что, телекамера вот так и будет неминуемо снижать любой театральный спектакль, убивая высокую, пафосную театральную условность, вместо нее предлагая нечто вроде винегрета из рефлексий, претендующего на новое слово в искусстве столь же неудачно, как «Солнечный ветер»?!.

Думаю, что беда здесь была заложена не в практике телевидения, а — выражу свой взгляд со всей откровенностью — в том, что, осмысляя практику телевидения, некоторые наши теоретики ТВ кое-что поставили почему-то в теории с ног на голову. А теория, поставленная на голову, теперь давит на практиков: на нас — режиссеров, операторов, редакторов.

В советском телевидении есть свой прекрасный опыт многосерийного социально-бытового фильма. Девятнадцатисерийный **«Вечный зов» не** случайно стал победителем нынешнего X Всесоюзного фестиваля телефильмов! До этого была другая прекрасная

патриотическая, высокогражданственная картина тех же авторов «Тени исчезают в полдень». Но, к сожалению, в многочисленных научных трудах и популярных искусствоведческих работах по проблемам телевидения опыт А. Иванова, В. Ускова и В. Краснопольского абсолютно не проанализирован, не взят на вооружение. Его просто обходят стороной.

Напротив, в течение последних лет как «наиболее телезизионное» подавалось совершенно другое, и — если быть точнее — прямо противоположное социальное направление. Теоретики усиленно внедряли в умы творческих работников некритически взятое напрокат на Западе представление о телевидении как о «мозаичной культуре». Отсюда культ непременной дробности изображения, неприятие художественной цельности как элемента, чуждого телеэкрану якобы по самой своей специфике.

Но не нужно читать сквозь строки, чтобы догадаться, что при таком подходе рассеченным оказывается и человеческий характер. Начинают самодовлеть психологические «кружева» взамен показа цельной, целеустремленной, социально активной личности. И потом уже можно сколько угодно выводить зыбкие сентенции вроде: «Телевизионная картина не имеет рамки и пишется как бы не на холсте, а на оконном стекле, за которым течет, то и дело меняя фон и содержание самой картины, изменчивая реальность». Я цитирую строки из книжки В. Вильчека и Ю. Воронцова «Телевидение и художественная культура». Это, так сказать, коронная цитата, перекочевавшая и в другие работы. И суть здесь, конечно, не в «оконном стекле» или «холсте». А в представлении, что если уж реальность столь изменчива, то на телеэкране вовсе нет возможности расставлять четкие социальные акценты, выписывать точные характеры.

...Вот прошли на голубом экране «Ромео и Джульетта» в постановке Анатолия Эфроса с виртуозной Ольгой Сириной в главной роли. И что же — возникла история, очень похожая на историю с «Солнечным ветром». Зрительская почта резко пошла вразрез с оценками телевизионных мастеров-профессионалов. Анатолий Эфрос сделал филигранную картину, от которой телевизионщик-профессионал лишь охает, завистливо глядя, как снята рука Джульетты, тянущаяся к возлюбленному: сколько подсмотрено, сколько подмечено!.. Но вот беда: зритель, привыкший видеть в «Ромео и Джульетте» гимн романтическому, все сметающему, возвышающему порыву любви, удивился и оторопел от «кружев», доведенных до редкой изощренности. От патологических почти движений героини. Зритель стал задавать вопросы: о чем картина? О пробуждении чувственности?.. Не слишком ли это утилитарное решение шекспировской жемчужины?..

Так вдруг, неожиданно для режиссера, отомстила ему «мозаичная культура».

Надо сказать, что и сам А. Эфрос сейчас понимает, что «мозаичная культура» — явление тупиковое. Во всяком случае, его статья «О современной пьесе», опубликованная во втором номере альманаха «Современная драматургия», (1983), декларирует поиски режиссером нового кредо. «Считал, что нет предела внутреннему натурализму. Казалось интересным сочетать внешнюю условность и сверхдостоверное содержание. Но вот в один прекрасный день я почувствовал, что и авторы, которых мне приходилось ставить, и я сам — исчерпываемся. У меня и моих актеров не оказалось новых красок и приспособлений для раскрытия этих пьес», — пишет А. Эфрос.

И вот что примечательно: выдвигая многие телевизионные работы Эфроса в качестве эталонных, теоретики ориентировали, как правило, телевизионный художественный экран именно на «лаконизм и пустоту». Усиленно доказывалось, что на телевидении пустой задник и камера, напряженно и долго всматривающаяся в голый жест, являются столбовой дорогой будущего. При этом в подтексте энергично отрицался опыт ряда многосерийных лент с насыщенным социальным бытом — как уже упоминавшиеся мною «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень», как экранизации Георгия Маркова, Анатолия Калинина... Подлинно телевизионный опыт в теоретических трудах преподносился будто сугубо кинематографическое явление, чуть ли не по ошибке, вопреки телеспецифике, прорвавшееся на голубой экран.

Однако А. Эфрос даже сам пришел теперь (насколько можно понять из его статьи) к совершенно иному мнению: «Когда на сцене нет ничего, то ничего и сделать нельзя. Эта пустота и лаконизм, может быть, и хороши, но не на всю жизнь. Пусть когда-нибудь будет много ненужного, но того, что нас так часто окружает и составляет нормальную жизненную плоть», — справедливо пишет режиссер.

Думается, что далеко не случайно у опытного телевизионного режиссера как всплеск прозрения вырвалась мечта о «нормальной жизненной плоти». Но вот передо мной каталог телевизионных постановок, и я ищу в нем имя А. Эфроса. И не встречаю это имя в аннотации, пожалуй, ни к одному громко и гражданственно прозвучавшему произведению, созданному на том же высочайшем уровне, на котором в свое время на театральной сцене прошли другие постановки А. Эфроса. Были удачи, как хемингуэевские «Острова в океане». Были многие и многие полуудачи. Были интересные формальные изыски. Но не было самого главного: высокого романтичного нравственного пафоса.

Почему?.. Потому ли, что вдруг потерял свое прежнее, высокогражданственное лицо сам режиссер? Или потому, что, увлекшись «психологическими кружевами», — великолепными возможностями, которые открывает для плетения таких «кружев» непродуманно используемая телевизионная технология, — режиссер оказался словно в изолированной камере, в узком мирке из «лаконизма и пустоты», самим же им и сконструированном?

Получилось, что реальный вещный мир, та живая, конкретная и ярко социальная атмосфера действительности, которые режиссер столь старательно отсекал, — уходя из эфросовских работ, забрали с собой и симпатии «обыкновенного» массового зрителя, который в реальной бытовой атмосфере и живет!

Анатолий Иванов в диалоге с одним из критиков на страницах журнала «Театральная жизнь» десять лет назад вынужден был рассказать о том редком сопротивлении, которым была встречена его работа на телевидении. «Перед началом постановки да и в процессе съемок, — делился своими переживаниями ныне теледраматург номер один, — находились люди, которые не верили в успех, не верили именно в силу жизненного материала, положенного в основу будущего кинопроизведения. И у этих людей были для того основания — вся предыдущая практика советского телекиноискусства. «Реалистическая бытовая многосерийная кинокартина?» — говорили они. — Вряд ли...»

Огромный успех телефильмов «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов» у зрителей начисто опровергал тезис теоретиков телекино о том, что «интимный характер телевидения» требует снижения социального пафоса в телепроизведениях. Анализ почты показывает обратное. Проваливаются как раз те работы, где, как в «Солнечном ветре», «Ромео и Джульетте», «Покровских воротах», режиссеры потеряли социальный пафос, ушли в ложное психологизирование, а если точнее говорить, то в экзерсисы, подменившие даже и психологизирование. Короче, в плетение пустых режиссерских «кружев».

Эйзенштейновское представление о «заэкранье» как об активном, гражданственном зрителе сегодня не только остается в силе, но становится еще более очевидным.

«Сейчас литература, кино, театр нередко обращаются к сложным, противоречивым явлениям...», — говорил на юбилейном пленуме правления Союза писателей СССР, посвященном пятидесятилетию создания союза, К. У. Черненко. — Важно, товарищи, чтобы творческие искания художника имели, если так можно выразиться, единую отправную точку — верность правде жизни, социалистическим идеалам. Это необходимое условие партийности, народности искусства».

Массовый зритель идет навстречу благородным творческим исканиям искусства. Телезритель сам поправляет телепрофессионалов, требуя гражданственности экрана.

В этом — истинный пафос нашего времени.

Екатерина МАРКОВА,
старший редактор студии художественных телефильмов творческого объединения «Экран»

Ю. Крюков, В. Андреев, М. Евдокимов и В. Конов в гостях у «Огонька».
Фото А. Бочинина

гости «огонька»

МАСТЕРА-ВОЛШЕБНИКИ

Недавняя встреча в «Огоньке» с артистами Московской областной государственной филармонии оставила в душе такой добрый след, что хочется рассказать про наших гостей по отдельности о каждом.

ЮРИЙ КРЮКОВ. Он артист оригинального жанра. А попросту говоря, фокусник, член Московского клуба фокусников. Он совершает поистине чудеса, легко играя разнообразным ассортиментом цветных шаров, колец, платков... Даже люди, умудренные опытом, спрашивают с удивлением: «А как это делается?..» Много труда нужно было затратить, чтобы предметы, с которыми он работает, вдруг исчезали где-то в пространстве, а потом снова появлялись в руках мастера...

Любовь к фокусам завладела с детства, когда Юрий увидел на экране телевизора известного фокусника Арутюна Акопяна. Юношей участвовал в самодеятельности, работая на заводе. И когда служил в армии, показывал друзьям свои еще несложные фокусы. И, наконец, окончив Всероссийскую творческую мастерскую эстрадного искусства, стал мастером-волшебником, которого мы увидели в редакции.

ВАЛЕРИЙ КОНОВ. Его специальность — мим. Встреча с А. И. Бойко (ныне режиссером Москонцерта, а в шестидесятые годы — руководителем студенческого ансамбля «Мим») побудила молодого рабочего заняться пантомимой всерьез.

Редкостная пластика, способность мгновенно перевоплощаться сделали Конова артистом заметным, известным. Он участник гастрольных поездок по разным континентам... Во Вьетнаме выступать приходилось во время войны перед бойцами, иногда даже рядом с зенитками. В Лаосе выступал в пещерах, где население укрывалось от бомбежек.

Валерий был удостоен звания лауреата Московского фестиваля самодеятельного искусства, посвященного 50-летию образования СССР.

МИХАИЛ ЕВДОКИМОВ. Его детство прошло в селе на Алтае. Ершистый и неугомонный мальчишка встречался с Василием Шукшиным после того, как увидел его на экране. Однажды посоветовался с ним о своей артистической судьбе. Шукшин предупреждал о сложностях профессионального пути: как он непрост! Но не испугался паренек. И теперь он артист Московской областной филармонии. Его жанр — пародии — так ему удается, что он выступает в одной бригаде с маститыми.

Тексты своих пародий он сочиняет сам. И еще пишет рассказы. «Только они у меня больше грустные, чем веселые», — говорит Михаил.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ — мастер художественного слова. Но до того, как начать «разговаривать» на эстраде, Володя два года был певцом (окончив Музыкальное училище имени Гнесиных). Одна из лучших его программ посвящена Юрию Гагарину, первому космонавту. Сам Володя родом со Смоленщины, из села Сычевка, где в годы войны шли жаркие бои. Однажды школьники Сычевки пошли в поход, дошли до Гжатска, а там брат будущего космонавта В. А. Гагарин пригласил их — всю ораву! — к себе в дом. Завязалась беседа, дружба; немного спустя удалось познакомиться и с Юрием. И остался в душе навсегда этот светлый образ.

Над программой трудились вместе с женой Викторией Поляковой. Перелистали множество книг, документов, дневников, писем, бывали в Музее космонавтики, смотрели фильмы. И сделали спектакль! Очень хотелось показать его Анне Тимофеевне, матери космонавта, — не успели, она уже была больна...

Л. НАТОЧАННАЯ

50 дней ожидания

Марк ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель
«Огонька»

Не станем лукавить. Беспрецедентная серия из 17 ничьих не могла не снизить остроты восприятия событий в матче Карпов—Каспаров. После многообещающего бурного начала у любителей шахмат были основания сетовать на затянувшуюся монотонность гроссмейстерского поединка.

Реагировали по-разному: кто недоумевал, кто сокрушался, а кто и иронизировал.

Один приятель-шутник регулярно донимал меня по телефону вопросом: «Чем кончилась вчера ничья?!» А были и сердитые письма. Болельщик-максималист, военнослужащий из Воронежа, недовольно поучал: «Шахматы — это борьба, борьба до победы с использованием всех имеющихся в наличии сил. А сейчас, после двадцати ничьих, мы, к сожалению, именно борьбы и не видим! Не утешайте нас сакраментальной фразой, что главные события еще впереди. Давайте называть вещи своими именами».

Даже пресса, и та охладела. Обозревателей потеснили: «Зачем расписывать ничьи? Подождем лучших времен»...

Но никто из критиков, видимо, не задумывался над тем, что горше всего приходилось самим героям поединка.

Каково было им, бескомпромиссным доблестным шахматным воинам, подавлять жажду полноценного шахматного сражения, сдерживать творческие порывы! Ведь никогда в жизни не случалось так, чтобы Карпов не вкусил радости победы в ряду семнадцати партий, а Каспаров вообще не выиграл ни одной из 27!

Поэтому не должно быть сомнений в том, что очевидное творческое самоограничение сильнейших гроссмейстеров мира проистекало отнюдь не от робости, а только в силу целесообразной и оправданной обстоятельствами необходимости.

В сложившейся сразу после старта при счете 4:0 кризисной ситуации у каждого из соперников непредвиденно появились особые задачи, диктовавшие глобальную стратегию сдержанности и осмотрительности. Для Каспарова любой риск стал невозможен, а для Карпова не нужен.

Нетрудно понять почему. Новое поражение претендента лишило бы его всяких иллюзий относительно желанного перелома в ходе поединка. А чемпион мира, имевший все основания считать поставленную задачу практически почти выполненной, мог задаться новой целью — установить для себя программу-максимум — выиграть матч с подавляющим превосходством.

Это взгляд в будущее. Можно предположить, что, поскольку, по крайней мере в ближайшие годы, вряд ли кто-нибудь посягнет на шахматную корону, кроме Каспарова, чемпион мира уже сейчас готовит благоприятный для себя психологический фон к их грядущему соперничеству...

И вот хотя и по диаметрально противоположным мотивам, но объединенные одинаковыми интересами чемпион мира и претендент от темпераментных схваток перешли к тактике длительного и терпеливого выжидания удобной возможности для перехода в наступление.

Правда, Карпов при этом не изменил своему обычаю белыми стремиться к инициативе и лишь черными довольствоваться надежной обороной. Но Каспаров на продолжительное время словно вообще исключил для себя мысль о победе. Милый его темпераменту белый цвет он использовал только для ускорения сроков начала мирных переговоров, а бой принимал в основном черными и в тех случаях, когда к этому вынуждал его соперник.

Поначалу такая тактика претендента в сложившейся критической ситуации матча была единственно возможной. Она служила спасительным средством реабилитации после испытанных потрясений. Но потом, когда по всему уже чувствовалось, что Каспаров восстановил свою форму, его нарочитому миролюбию нужно было искать иные объяснения. И здесь припомнилось предматчевое интервью нашего признанного шахматного авторитета Михаила Моисеевича Ботвинника. Еще несколько месяцев назад экс-чемпион мира, имеющий самый значительный опыт матчевых поединков, высказал убеждение, что Каспарову опасен главным образом старт единоборства, а чем продолжительнее будет сражение, тем больше шансов на успех обретет претендент. Может быть, эта мысль, хотя и с запозданием, определила тактику Каспарова?

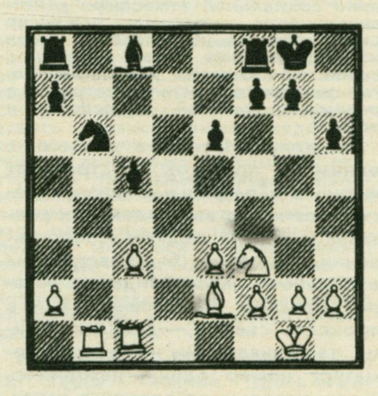
Может быть, он затеял с Карповым состязание не только в знаниях и мастерстве, но и в выносливости?

Не потому ли претендент уклонялся от всяких попыток развить инициативу даже в благоприятно складывавшихся для него 20-й, 22-й, 26-й партиях?

Так или иначе, но длительное отречение от привилегий первого хода, гарантирующих шахматисту лучшие возможности диктовать свою волю, не могло быть спасительной панацеей. Играть в полную силу только черными не может себе позволить даже выдающийся гроссмейстер. И двадцать седьмая партия подчеркнула, что в своей матчевой практике Каспаров, что называется, «перегнул палку».

Чемпион мира преподал своему партнеру еще один урок. Это была, пожалуй, самая филигранная из всех сыгранных на этом матче партий. Известно, что истинное мастерство шахматиста особенно ярко проявляется в трактовке простых на вид позиций, когда минимальное преимущество реализуется в конкретные достижения с непостижимой изобретательностью и между исходной задачей и конечным результатом трудно проследить взаимосвязь. Когда-то такое чудо-умение считалось привилегией Капабланки, теперь его демонстрирует Карпов.

Взгляните на позицию, возникшую после семнадцатого хода белых.

На доске эндшпиль при равнозначном соотношении сил и почти симметричном расположении пешек. На первый взгляд он не содержит сколько-нибудь перспективных ресурсов для достижения перевеса одной из сторон. Правда, белые уже завершили развитие, а черным это еще предстоит, но ход за ними, и им только осталось выбрать, куда вывести своего слона — на b7 или d7. Казалось даже, что особой разницы в этом нет, но, как ни парадоксально, выбор имел огромное значение. Уже потом было доказано, что путем 17 ...Cd7 черные могли вполне благополучно решить дебютные проблемы, и даже вспомнилось, что в пресс-центре М. Таль полушутя, но с явным намеком на матчевую тенденцию сказал: «Боюсь, что если Каспаров выведет слона на d7, это будет последний ход перед мирными переговорами»,— но тогда все были усыплены внешней простотой позиции и не предвидели для черных никаких опасностей. Может быть, эти настроения разделял и Каспаров? Во всяком случае, после сделанного им хода 17 ...Cb7 события стали развиваться в новом ракурсе и отнюдь не так безобидно, как ожидалось.

Итак:

17 ...Cb7 18. Крf1!? (вступление к содержательной перегруппировке сил. Белые защищают слона, подготовляя маневр Лb1—b5—a5) 18 ...Cd5

Сейчас по горячим следам трудно вынести категорическое заключение, но создается впечатление, что с этого момента позиция черных медленно, но неуклонно идет к разрушению. Может быть, еще не поздно было помешать намерениям белых, сыграв 18 ...Cc6?

19. Лb5! Кd7 (оказывается, выпад слоном был ударом по воде. Пешка a2 неуязвима, поскольку на 19 ...С:a2 следует 20. c4, и слон оказывается в капкане) 20. Лa5 Лfb8 21. c4 Cc6 22. Кe1!

За несколько ходов ситуация на доске резко изменилась. Белая ладья, пробравшись на a5, внесла смятение в ряды черных. Угроза перевода белого коня на d3 с атакой пешки c5 становится неотразимой.

22 ...Лb4 23. Cd1! (Препятствуя упрощающему маневру 23 ...Лa4, на который возлагал надежды Каспаров) 23 ...Лb7 24. f3

Поучительно, как последовательно наращивает инициативу чемпион мира. Он стремится ограничить любую возможность контригры со стороны партнера. Заманчиво выглядело сразу 24. Кd3, но тогда после 24 ...Ce4 25. К:c5 К:c5 26. Л:c5 Лb2 черные фигуры ожили бы.

24 ...Лd8!? (не помогало пассивное 24 ...Лc7 25. Кd3 Cb7 ввиду 26. Ca4 и если 26 ...Кb6, то 27. Л:c5!) 25. Кd3 g5

Попав в трудное положение, Каспаров использует все ресурсы для спасения. Сделанным ходом он ставит коварную ловушку. Если бы Карпов соблазнился сейчас выигрышем пешки путем 26. К:c5, то после 26. ...К:c5 27. Л:c5 черные играли бы 27 ...Лb2! и угроза 28... Лdd2 компенсировала даже новые материальные затраты. Но чемпион мира начеку!

26. Cb3!? Крf8 27. К:c5 К:c5 28. Л:c5 Лd6 29. Крe2 Крe7 30. Лd1 Л:d1 31. Кр:d1 Крd6 32. Лa5

В итоге длительной осады ферзевого фланга соперника Карпову удалось выиграть пешку, сохранив все выгоды своего положения. Дальнейшая фаза борьбы уже носила в основном технический характер. Чемпиону мира удалось реализовать свой материальный перевес и на 59-м ходу сломить сопротивление претендента. Этой впечатляющей и такой важной победы чемпион мира ждал более полутора месяцев!

Счет стал 5:0.

Интересно, как вновь создавшаяся ситуация отразится на матчевой тактике соперников?

Ленинградский спортивно-концертный комплекс 21 ноября.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЗЕНИТОВЦЕВ!

Сбылись надежды ленинградцев: «Зенит» впервые в своей истории завоевал первенство СССР по футболу. Зенитовцы доказали, что по праву поднялись на высшую ступень пьедестала. И не только потому, что в течение долгого срока были в лидирующей группе, в которой были такие команды, как «Спартак», «Днепр», минское «Динамо». Но и потому, что их тренеру, а в прошлом капитану «Зенита» Павлу Садырину удалось создать команду из своих, ленинградских игроков, выращенных в юношеских школах, сплотить все линии команды, начиная от ее надежной защиты и кончая ее стремительным нападением. И вот, победив в последнем матче с харьковским «Металлистом», зенитовцы выиграли 19 встреч, свели вничью 9 и проиграли меньше всех — 6. «Спартак», занявший второе место, проиграл 7 матчей, а третий призер «Днепр» — еще на два больше.

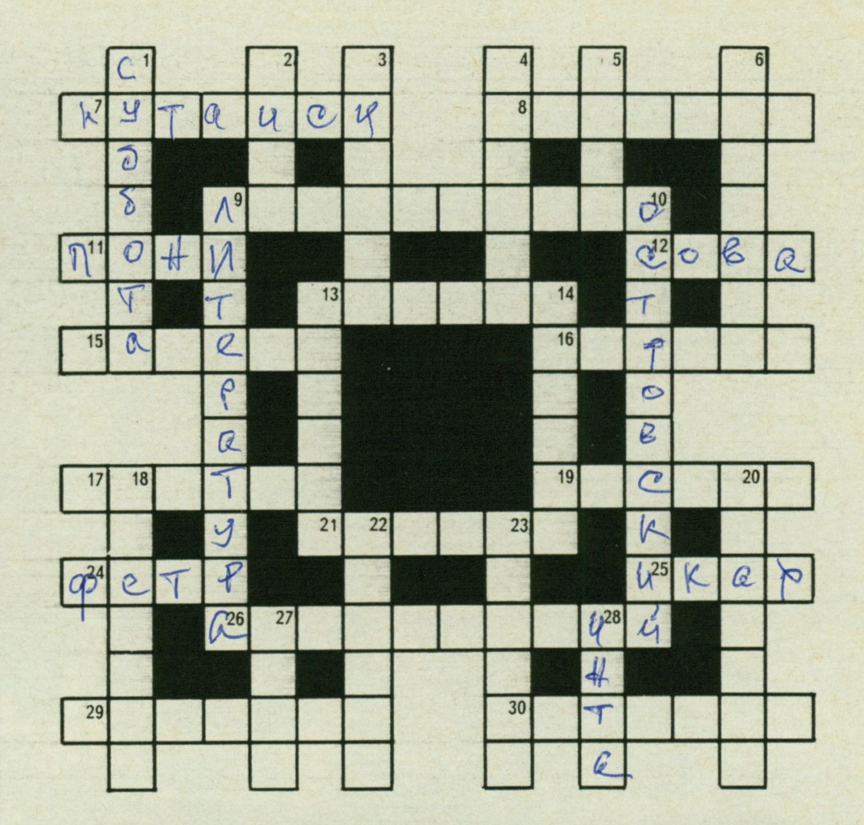

Команда благодарит своего тренера Павла Садырина.

«Зенит» — чемпион СССР.

Фото Ю. Щенникова

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Город в Грузии. 8. Яркая звезда в созвездии Скорпиона. 9. Селекционер, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 11. Низкорослая лошадь. 12. Хищная ночная птица. 13. Начало шахматной партии. 15. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». 16. Река в Колумбии. 17. Пионерский журнал. 19. Герой оперы М. И. Глинки. 21. Неизменяемое словосочетание, фразеологизм. 24. Тонкий войлок для шляп, обуви. 25. Малая планета. 26. Стихотворная стопа. 29. Однобортный сюртук с закругленными полами. 30. Народный артист СССР, выступавший в Малом театре.

По вертикали: 1. День недели. 2. Озеро в Африке. 3. Приток Печоры. 4. Аттракцион. 5. Стержень для соединения поршня с ползуном. 6. Ворсовая хлопчатобумажная ткань. 9. Произведение письменности. 10. Советский композитор. 13. Народный поэт Башкирии. 14. Симфоническая поэма М. А. Балакирева. 18. Советский писатель. 20. Музыковед, композитор, академик, народный артист СССР. 22. Горный хребет на Северном Кавказе. 23. Декоративный и поделочный камень. 27. Роман М. Горького. 28. Город в Коми АССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали: 5. «Гитарист». 7. Карацюпа. 8. Даугавпилс. 9. Верба. 11. Актив. 13. Дулгалах. 15. «Отелло». 16. Апрель. 17. Командир. 21. Аэродром. 23. Мериме. 24. Оленин. 25. Васнецов. 28. Карат. 30. «Мысль». 31. Интермедия. 32. Форсунка. 33. Галечник.

По вертикали: 1. Либретто. 2. Гряда. 3. Масса. 4. Спаниель. 6. Тагил. 7. Купол. 10. Баллистика. 12. Кордильеры. 13. Докучаев. 14. Харламов. 18. Метр. 19. «Двор». 20. Бетатрон. 22. Биология. 26. Смета. 27. Цвейг. 29. Титул. 30. «Мятеж».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Туркменские школьники Довлет Селимов и Довран Сапармурадов. (См. в номере материал «Куда спешишь, Аму?»)

Фото Л. Шерстенникова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мы катались целый день.

Фото Г. Розова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 12.11.84. Подписано к печати 28.11.84. А 00461. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 671 000 экз. Изд. № 3000. Заказ № 3752.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

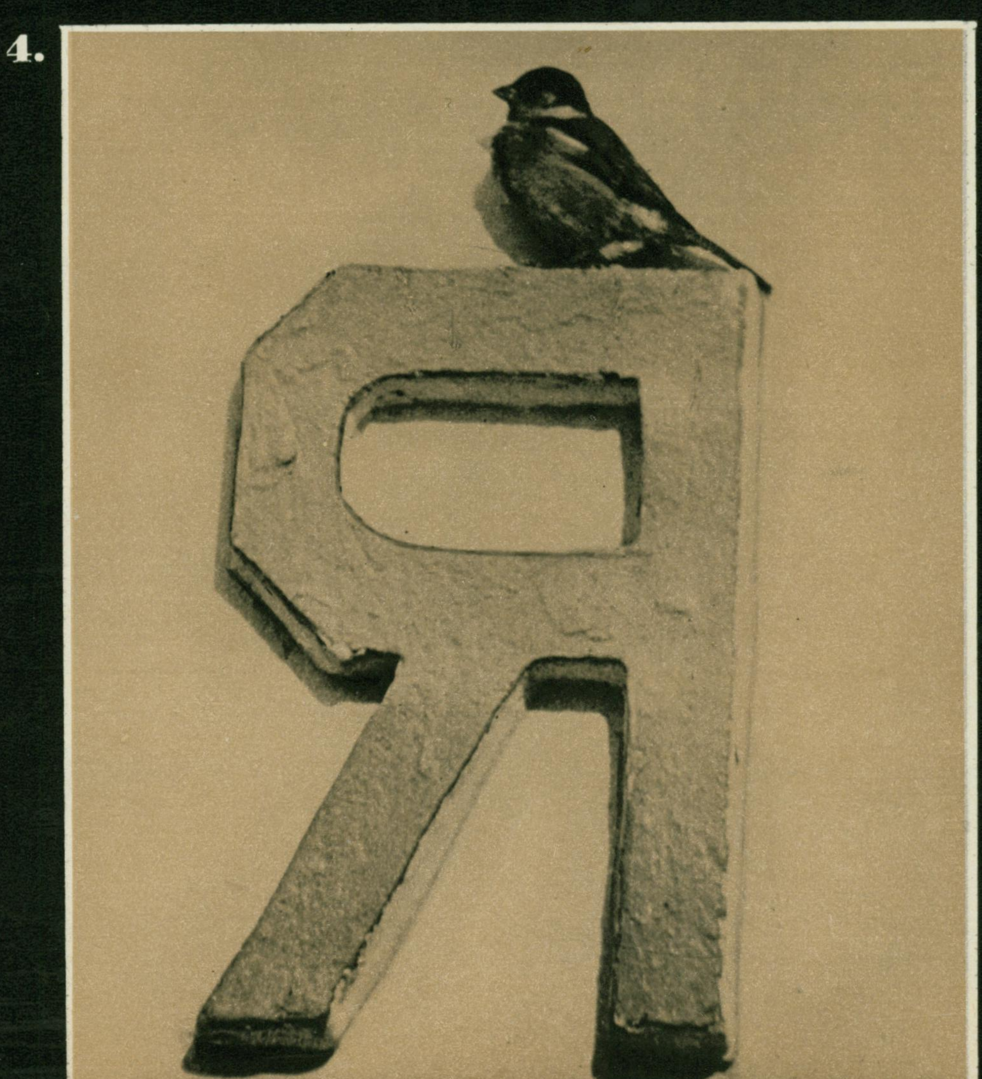
1.

2.

3.

ВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

4.

1. Олимпийская велотрасса. Фото П. Ивченко. Москва.

2. Белое безмолвие. Фото В. Шумкова. Магадан.

3. Сто мужчин и одна девушка. Фото Ю. Иванова. Москва.

4. Самоутверждение. Фото В. Заболотских. Симферополь.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663